

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2013**

Содержание

Экономическая социология

<i>Андрееенкова А.В., Дзуцев Х.В.</i> Рыночная экономика Северного Кавказа в зеркале общественного мнения	1
<i>Борисова Ю.В.</i> Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир отечественного предпринимателя	28
<i>Кравченко К.А.</i> Система управления организацией: концептуальные определения и методы	45
<i>Митягина Е.В.</i> Ресурсы рабочих в контексте индустриальной и информационной модернизации	54
<i>Трескин П.А.</i> Теоретический анализ противоречий межсекторного взаимодействия	76
<i>Чебан Д.А.</i> Инновационный менеджмент и социальное поле приложения логистики	84

Победители конференции Ломоносов–2013

<i>Апалькова О.В.</i> Роль бренда «Россия» в формировании отношения студенческой молодежи к стране	94
<i>Иванова В.А.</i> Социологический анализ неравенства в образовании	96
<i>Михайлец Д.И.</i> Клуб интегрированного общения в адаптации подростков с ограниченными возможностями здоровья	105
<i>Станевич А.Ю.</i> Политические настроения студентов вузов Москвы	107
<i>Терещенко А.А.</i> Участие молодежи в деятельности молодежных организаций	109
<i>Тремасова Е.А.</i> Образ россиянина глазами китайских студентов	112
<i>Чернышева Л.А.</i> Ценностные ориентации подростков: сравнительный анализ	114
<i>Шакурова А.В.</i> Вызовы современности и формирование профессиональной идентичности педагога	117

На разные темы

<i>Афанасьев В.В.</i> Современные локальные конфликты	124
<i>Бондарев В.П., Кириллук О.В.</i> Отражение экологических проблем в СМИ (на примере двух экологических катастроф)	133
<i>Грачиков Е.Н.</i> Китай, как совсем «другое» Запада	146
<i>Завьялов А.В.</i> Адаптация украинских иммигрантов в Канаде и в России в конце XIX – начале XXI веков	163
<i>Судьин С.А.</i> Родительская перцепция феномена школьного насилия ...	176
<i>Сизинцев П.В.</i> Анализ истоков любви в статьях профессора И.П. Четверикова.	187

Рецензии

<i>Осипов В.Г.</i> Этносоциальный портрет Северного Кавказа	192
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Рыночная экономика Северного Кавказа в зеркале общественного мнения

Андреевкова А.В., Дзутцев Х.В.

Статья написана на основе материалов проведенного социологического исследования на тему: «Население республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации о рыночной экономике», проведенного в 2011 году. Объем выборки составил – 3500 человек.

Ключевые слова: теневая экономика, эффективная экономическая политика, аграрный и частный сектор экономики, людские ресурсы, государственные предприятия, бизнес, традиционное общество, модернизация, глобализация, рыночные отношения, культура, неравенство, паттерналистические установки, безработица, бюджет.

Andreenkova A.V., Dzutsev H.W.

The market economy of the North Caucasus in the mirror of public opinion

This article was written on the basis of sociological research on the topic: «The population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation on the market economy», conducted in 2011. The sample size was - 3500.

Keywords: the shadow economy, sound economic policies, agricultural and private sector, human resources, public enterprises, business, traditional society, modernization, globalization, market economy, culture, inequality, patternalisticheskie setting, unemployment, budget.

В структуре экономики Северного Кавказа существенную роль всегда играл неофициальный сектор: по оценкам экспертов, доля теневого сектора в экономике региона составляет 40–60%, что превышает среднероссийский показатель на 20–25 %.

Немалая часть финансовых потоков выводится из официального обращения, что ведет к искажению реальной структуры хозяйственного комплекса региона, занижению зарегистрированного ВВП, снижению инвестиций в региональную экономику. Теневой сектор концентрирует огромные ресурсы, которые в случае их легализации могут быть источником экономического роста. Это и обуславливает интерес ведущих российских и зарубежных ученых к изучению проблемы теневой экономики, которая в целом адаптировалась к современной системе управления и хозяйствования, во многом способствующей уходу от налогов, что существенно деформирует хозяйственную деятельность. Эффективная политика может осуществляться только исходя из научно обоснованного баланса между экономическими и административными инстру-

ментами регулирования экономики.

Наибольшая доля валовой добавленной стоимости ненаблюдаемой экономики в СКФО — от 35–50% до 70–85% в зависимости от региона — приходится на сельское хозяйство (сектор домашних хозяйств), торговлю, туризм, здравоохранение, транспорт и общественное питание. Лицом экономики Юга РФ является аграрный сектор, однако притом, что большая его часть находится «в тени», ждатель его эффективности, сопоставимой с эффективностью этого сектора в США, Канаде или Германии, не приходится. Такое положение в экономике региона неизбежно влечет негативные социально-экономические последствия. В социальной сфере это проблемы с реализацией серьезных социальных программ, отсутствие достойной оплаты труда бюджетников вследствие уменьшения доходной базы бюджетов всех уровней из-за неуплаты налогов; в экономике — структурные диспропорции, отсутствие необходимых инвестиций. Кроме того, что теневая экономика сама по себе преступна, она является финансовой базой коррупции в регионе.

Не трудно заметить, что перечисленные выше отрасли народного хозяйства — поставщики общественных благ, которые, если их перевести на частную основу, попросту перестанут быть общественными, они станут частными благами, привилегией немногочисленных социальных групп.

Типичным для СКФО является малый объем валового регионального продукта (ВРП), что обуславливает недостаток средств для решения основных задач социального развития макрорегиона. В сравнении с людскими ресурсами (16 %) доля Юга РФ в валовом внутреннем продукте (ВВП) России (4,4%) выглядит особенно неубедительно. Неравномерность экономического развития

в рамках самого Северо-Кавказского федерального округа особенно наглядно видна, если мы посмотрим на показатели объема ВРП на душу населения.

Для этого региона характерен чрезвычайно низкий уровень инвестиций. Федеральный бюджет был и остается пока самым крупным инвестором для республик Северного Кавказа. Так, госбюджет является основным источником в таких республиках, как Чечня (94%), Ингушетия (70%), Кабардино-Балкария (52%), Адыгея (54%).

Объемы промышленного производства в республиках СКФО невелики и сильно варьируются в зависимости от региона, при этом различия подчас едва ли не тридцатикратные. В структуре промышленности преобладает перерабатывающее производство. Это свидетельствует о наличии потенциала для развития экономики региона. Предметом особого внимания и заботы со стороны руководства любого региона являются промышленные предприятия. Именно из налоговых и иных отчислений крупнейших предприятий складывается в основном региональный бюджет. Очень важно в этой связи, чтобы соответствующие отчисления шли в бюджеты именно тех регионов, где расположено основное производство. К сожалению, довольно часто налоги перечисляются в субъекты, где зарегистрирована головная компания.

Фактором, сдерживающим развитие хозяйственной системы СКФО, является теневая экономика. По оценкам экспертов, в промышленности она достигает 23%, в сельском хозяйстве — 82%, в розничной торговле — 87%. Перевод хозяйственного комплекса в «тень» идет на всех стадиях производства и перераспределения ресурсов, что характерно для всех сфер жизнедеятельности. Может быть, целесообразно

говорить о передаче государственных предприятий в частную собственность?

Большинство социологов, экономистов, признавая роль частного сектора в развитии экономики нашей страны, высказываются против передачи в частные руки предприятий транспорта, связи, энергетики, военно-промышленного комплекса и ряда других отраслей. Хозяйственно-финансовая деятельность государства, по мнению ученых и специалистов, должна быть сконцентрирована на непроизводственной сфере — в образовании, культуре, здравоохранении, фундаментальной науке, обороне.

Каково же мнение респондентов относительно приватизации крупных предприятий? В анкету был включен вопрос: «Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?» Ответы представлены в табл. 1.

«Безусловно допустимо» — так полагают опрошенные в РИ — как представители коренной национальности, так и русские и русскоязычные (ингуши: в РФ — 33 %, в республике — 30,6 % и русские и русскоязычные: в РФ — 33,3 %, в республике — 35,3 %). Вариант «скорее допустимо» выбрали главным образом респонденты КБР и КЧР (кабардинцы и балкарцы: в РФ — 40,5 %, в республике — 41,6 %, русские и русскоязычные КБР: в РФ — 46,8 %, в республике — 42,9 %; карачаевцы и черкесы: в РФ — 37,8 %, в республике — 36,5 %, русские и русскоязычные: в РФ — 28,4 %, в республике — 24,2 %). Большинство респондентов в РА и РД считают приватизацию крупных предприятий безусловно недопустимой (адыгейцы: в РФ — 26,2 %, в республике — 28,2 %, русские и русскоязычные РА: в РФ — 34,3 %, в республике — 28,8 %; дагестанцы: в РФ — 23,8 %, в республике — 28 %, русские и русскоязыч-

ные РД: в РФ — 26,4 %, в республике — 26 %).

К такому же мнению склоняются русские и русскоязычные респонденты КЧР (в РФ — 29,5 %, в республике — 25,3 %), РД (в РФ — 31,6 %, в республике — 28,3 %) и ЧР (в РФ — 25,9 %, в республике — 30,9 %), а также респонденты-осетины (в РФ — 32,7 %, в республике — 30,7 %) и чеченцы (в РФ — 28,6 %, в республике — 28,8 %). В целом почти одна пятая часть опрошенных затруднилась ответить на данный вопрос, в основном это русские и русскоязычные респонденты из КБР (в РФ — 14,3 %, в республике — 14,3 %), КЧР (в РФ — 12,6 %, в республике — 14,7 %), РД (в РФ — 19,0 %, в республике — 21,4 %), а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы (осетины: в РФ — 13,6 %, в республике — 9,8 % и чеченцы: в РФ — 13,0 %, в республике — 6,3 %).

Как видно из результатов опроса, относятся положительно к возможности приватизации крупных промышленных предприятий преимущественно респонденты РИ, а также КБР и КЧР независимо от национальной принадлежности. Отрицательно — большинство опрошенных РА и РД, русские и русскоязычные респонденты — жители КЧР, РД и ЧР и респонденты-осетины и респонденты-чеченцы. Затруднились с ответом на данный вопрос преимущественно русские и русскоязычные респонденты КБР, КЧР, РД, а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы.

Такое распределение ответов, безусловно, убеждает нас в том, что идея появления экономического человека в республиках СКФО стала реальностью, несмотря на то что эти республики характеризуются как традиционные общества и население этих республик по большей части живет в малых городах и в сельской местности. Если в столице РСО-А

Таблица 1
 Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?* (в %)
 *В РФ / в республике

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР		РД		РИ		РСО-А		ЧР	
		адыгейцы	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Народы Дагестана	Русские и русскоязычные	Ингуши	Русские и русскоязычные	Осетины	Русские и русскоязычные	Чеченцы	Русские и русскоязычные	Русские и русскоязычные	Кара-чаевцы, черкесы	Русские и русскоязычные
1	Безусловно допустимо	16,7 14,1	12,2 11,3	29,5 27,2	23,8 18,5	7,5 5,8	33,0 30,6	33,3 35,3	17,3 16,7	17,0 23,0	15,6 15,2	19,8 19,8	13,5 11,1	24,3 24,3	21,1 22,1
2	Скорее допустимо	31,0 31,8	26,3 29,2	40,5 41,6	25,0 23,2	15,5 18,5	31,3 32,4	33,3 29,4	27,1 27,9	31,8 27,6	31,8 39,3	30,9 32,1	46,8 42,9	37,8 36,5	28,4 24,2
3	Скорее недопустимо	21,4 25,9	22,5 27,4	15,0 13,3	15,2 14,3	31,6 28,3	20,5 27,0	16,7 29,4	32,7 30,7	19,3 27,6	28,6 28,8	25,9 30,9	16,7 23,0	18,9 12,2	29,5 25,3
4	Безусловно недопустимо	26,2 28,2	34,3 28,8	3,5 6,9	23,8 28,0	26,4 26,0	8,0 6,3	11,1 5,9	9,3 14,9	21,6 16,1	10,9 10,5	19,8 14,8	8,7 8,7	13,5 17,6	8,4 13,7
5	Затрудняюсь ответить	4,8 0,0	4,7 3,3	11,6 11,0	12,2 16,1	19,0 21,4	7,1 3,6	5,6 0,0	13,6 9,8	10,2 5,7	13,0 6,3	3,7 2,5	14,3 14,3	5,4 9,5	12,6 14,7
		100, 0 100, 0	100, 0 100, 0	100, 0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100,0 100,0 100, 0	100, 0 100, 0	100, 0 100, 0	100, 0 100, 0	100, 0 100, 0

проживает почти половина населения республики (47,1 %), то в столицах других республик СКФО картина другая. Например, в г. Майкопе проживает 37,7 % от общей численности населения РА, в Махачкале — 20,8 % всех жителей РД, в Грозном — 18,7 % населения ЧР, в Магасе — 0,07 % населения РИ, в Нальчике — 33,2 % населения КБР, в Черкесске — 27,1 % населения КЧР (данные на январь 2007 г.). Но сегодня даже РСО-А нельзя назвать индустриальной — после развала ее промышленной базы в 1990-е гг. Развитие рыночных отношений в северокавказских республиках тормозится многими факторами, в их числе — отсутствие грамотного, компетентного менеджмента как на региональном, так и муниципальном уровнях, растущий дефицит финансовых ресурсов, а также последствия политического кризиса в регионе. В обществе нет понимания доступности бизнеса для каждого гражданина. Если в США

70–80 % населения страны заняты в малом, среднем и крупном бизнесе и государство всячески поддерживает частное предпринимательство, то в РФ рыночная идеология пока не принята обществом (государством).

Если анализировать позицию респондентов по данному вопросу в зависимости от гендерного фактора, можно констатировать наличие некоторых гендерных отличий в ответах респондентов (табл. 2). Положительное отношение к приватизации крупных промышленных предприятий выразили преимущественно женщины коренной национальности РИ (для сравнения, мужчины: в РФ — 29,3 %, ингуши-мужчины в РИ — 29,8 %, женщины: в РФ — 37,0 %, ингушки в РИ — 31,5 %, русские и русскоязычные мужчины: в РФ — 33,3 %, в республике — 44,4 %, русские и русскоязычные женщины: в РФ — 33,3 %, в республике — 25 %), а также русские и русскоязычные женщины КБР (в РФ —

Таблица 2

Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?* (в %)

*В РФ / в республике

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	Безусловно допустимо	18,4 12,8	15,2 15,2	16,1 12,9	9,2 10,1	33,8 36,3	26,4 18,7	10,7 7,3	15,2 13,4
2	Скорее допустимо	31,6 35,9	30,4 28,3	20,4 26,9	30,8 31,1	36,3 32,5	42,9 50,5	41,1 45,5	53,0 41,8
3	Скорее недопустимо	21,1 20,5	21,7 30,4	23,7 29,0	21,7 26,1	16,3 11,3	14,3 15,4	19,6 23,6	15,2 22,4
4	Безусловно недопустимо	26,3 30,8	26,1 26,1	35,5 30,1	33,3 27,7	2,5 7,5	4,4 6,6	12,5 7,3	4,5 10,4
5	Затрудняюсь ответить	2,6 0,0	6,5 0,0	4,3 1,1	5,0 5,0	11,3 12,5	12,1 8,8	16,1 16,4	12,1 11,9
		100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	23,5 26,5	25,0 22,5	24,2 24,2	19,4 21,0	34,2 24,4	13,1 12,9	9,1 6,5	6,2 5,2
2	32,4 35,3	42,5 37,5	30,3 27,3	27,4 22,6	20,3 19,5	29,8 27,1	13,0 14,3	17,5 21,9
3	29,4 14,7	10,0 10,0	27,3 24,2	30,6 25,8	10,1 11,0	20,2 16,5	27,3 19,5	35,1 35,4
4	11,8 20,6	15,0 15,0	9,1 9,1	8,1 16,1	22,8 26,8	25,0 29,4	22,1 26,0	29,9 26,0
5	2,9 2,9	7,5 15,0	9,1 15,2	14,5 14,5	12,7 18,3	11,9 14,1	28,6 33,8	11,3 11,5
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

53 %, в республике — 41,8 %) и карачаевцы, черкесы (в РФ — 42,5 %, в республике — 37,5 %).

Противников приватизации крупных предприятий больше всего среди русских и русскоязычных респон-

дентов РА и РД — независимо от гендерной принадлежности (мужчины в РФ — 35,5 %, в РА — 30,1 %, женщины в РФ — 33,3 %, в РА — 27,7 % и мужчины в РФ — 22,1 %, в РД — 26 %, женщины в РФ — 29,9 %, в

Окончание табл.

Кодот вета	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязыч ные		осетины		русские и русскоязыч ные		чеченцы		русские и русскоязыч ные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	29,3 29,8	37,0 31,5	33,3 44,4	33,3 25,0	20,4 19,1	14,9 14,9	22,2 33,3	13,7 15,7	23,3 18,0	8,8 12,7	18,9 16,2	20,5 22,7
2	29,3 29,8	33,3 35,2	33,3 22,2	33,3 37,5	28,0 26,6	26,4 28,9	36,1 22,2	29,4 31,4	31,1 40,4	32,4 38,2	32,4 35,1	29,5 29,5
3	25,9 33,3	14,8 20,4	22,2 22,2	11,1 37,5	31,2 31,9	33,9 29,8	16,7 27,8	19,6 27,5	30,0 29,2	27,5 28,4	37,8 32,4	15,9 29,5
4	10,3 5,3	5,6 7,4	11,1 11,1	11,1 0,0	6,5 14,9	11,6 14,9	19,4 13,9	23,5 17,6	10,0 9,0	11,8 11,8	5,4 10,8	31,8 18,2
5	5,2 1,8	9,3 5,6	0,0 0,0	11,1 0,0	14,0 7,4	13,2 11,6	5,6 2,8	13,7 7,8	5,6 3,4	19,6 8,8	5,4 5,4	2,3 0,0
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

РД — 26 %). К такому же мнению склоняются русские и русскоязычные женщины КЧР (женщины в РФ — 30,6 %, русские и русскоязычные женщины в республике — 25,8 %) и РД (женщины в РФ — 35,1 %, русские и русскоязычные женщины в республике — 35,4 %), в ЧР мужчины (мужчины в РФ — 37,8 %, в республике — 32,4 %), а также осетины PCO-A (в РФ — 31,2 % в республике — 31,9 % и в РФ — 33,9 %, в республике — 29,8 %) и чеченцы ЧР (в РФ — 30,0 %, в республике — 29,2 % и в РФ — 27,5 %, в республике — 28,4 %).

Затруднились ответить на вопрос преимущественно русские и русскоязычные мужчины КБР и РД (в РФ — 16,1 %, в республике — 16,4 % и в РФ — 28,6 %, в республике — 33,8 %), а также русские и русскоязычные женщины КЧР (в РФ — 14,5 %, в республике — 14,5 %).

Распределение ответов на этот вопрос в зависимости от возраста опрошенных выглядят следующим

образом. Считают безусловно допустимой передачу крупных предприятий в частные руки преимущественно респонденты РИ в возрасте старше 35 лет (ингуши в РФ — 36,7 %, в республике — 25 %, русские и русскоязычные в РФ — 45,5 %, в республике — 40 %), а также респонденты до 35 лет КБР (кабардинцы, балкарцы в РФ — 46,5 %, в республике — 40,8 %, русские и русскоязычные в РФ — 53,3 %, в республике — 32,3 %) и КЧР (русские и русскоязычные в РФ — 48,3 % в республике — 27,6 %). Абсолютно не согласны с таким мнением респонденты старше 35 лет РА (адыгейцы: в РФ — 33,9 %, в республике — 31,6 % и русские и русскоязычные в РФ — 37,1 %, в республике — 31,9 %) и РД (дагестанцы: в РФ — 26 %, в республике — 35,4 % и русские и русскоязычные: в РФ — 27 %, в республике — 27,8 %). Считают, что скорее недопустимо, также представители старшего поколения русских и русскоязычных респондентов КЧР (в РФ — 33,3 %, в республике

Таблица 3
Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?* (в %)
*В РФ / в республике

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	Безусловно допустимо	21,4 7,1	14,3 17,5	15,2 15,2	11,4 10,2	23,9 22,5	33,3 30,4	10,0 12,9	14,6 10,5
2	Скорее допустимо	50,0 46,4	21,4 24,6	32,6 34,8	24,6 27,7	46,5 40,8	36,3 42,2	53,3 32,3	44,8 46,3
3	Скорее недопустимо	17,9 25,0	23,2 26,3	23,9 28,3	22,2 27,1	18,3 15,5	12,7 11,8	23,3 38,7	14,6 17,9
4	Безусловно недопустимо	10,7 21,4	33,9 31,6	23,9 17,4	37,1 31,9	4,2 8,5	2,9 5,9	6,7 6,5	9,4 9,5
5	Затрудняюсь ответить	0,0 0,0	7,1 0,0	4,3 4,3	4,8 3,0	7,0 12,7	14,7 9,8	6,7 9,7	16,7 15,8
		100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	32,1 32,1	4,8 4,8	24,1 31,0	19,7 18,2	26,5 26,1	21,9 13,1	18,2 13,6	5,9 4,6
2	34,0 34,0	47,6 42,9	48,3 27,6	19,7 22,7	30,9 27,5	20,8 20,2	27,3 27,3	13,8 17,2
3	18,9 13,2	19,0 9,5	20,7 17,2	33,3 28,8	13,2 18,8	16,7 11,1	9,1 27,3	34,9 28,5
4	9,4 9,4	23,8 38,1	0,0 10,3	12,1 15,2	20,6 17,4	26,0 35,4	22,7 13,6	27,0 27,8
5	5,7 11,3	4,8 4,8	6,9 13,8	15,2 15,2	8,8 10,1	14,6 20,2	22,7 18,2	18,4 21,9
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

лике — 28,8 %) и РД (в РФ — 34,9 %, в республике — 28,5 %), а также молодое поколение ЧР (в РФ — 31 %, в республике — 37,9 %) (табл. 3).

В целом затруднились с ответом на данный вопрос преимущественно русские и русскоязычные респон-

денты КБР старше 35 лет (в РФ — 16,7 %, в республике — 15,8 %) и КЧР (в РФ — 15,2 %, в республике — 15,2 %), в РД — до 35 лет (в РФ — 22,7 %, в республике — 18,2 %), а также независимо от возраста респонденты-осетины (до 35 лет в РФ —

Окончание табл. 3

Код от-вета	РИ				РСО-А				ЧР			
	ингуши		русские и русско-язычные		осетины		русские и русско-язычные		чеченцы		русские и русско-язычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	28,8 37,3	36,7 25,0	14,3 28,6	45,5 40,0	19,6 15,7	15,2 17,7	20,0 16,7	15,5 26,3	17,6 11,8	14,5 17,1	20,7 13,8	19,2 23,1
2	36,5 35,3	26,7 30,0	42,9 42,9	27,3 20,0	27,5 31,4	26,8 24,8	46,7 50,0	24,1 15,8	35,3 47,1	29,8 35,0	34,5 34,5	28,8 30,8
3	13,5 21,6	26,7 31,7	14,3 14,3	18,2 40,0	32,4 29,4	33,0 31,9	20,0 23,3	19,0 29,8	23,5 26,5	31,5 30,1	31,0 37,9	23,1 26,9
4	7,7 3,9	8,3 8,3	14,3 14,3	9,1 0,0	9,8 12,7	8,9 16,8	6,7 3,3	29,3 22,8	7,4 2,9	12,9 14,6	10,3 6,9	25,0 19,2
5	13,5 2,0	1,7 5,0	14,3 0,0	0,0 0,0	10,8 10,8	16,1 8,8	6,7 6,7	12,1 5,3	16,2 11,8	11,3 3,3	3,4 6,9	3,8 0,0
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

10,8 %, в республике — 10,8 %, старше 35 лет в РФ — 16,1 %, в республике — 8,8 %) и респонденты-чеченцы (до 35 лет в РФ — 16,2 %, в республике — 11,8 %, старше 35 лет в РФ — 11,3 %, в республике — 3,3 %).

Как видим из приведенных выше данных, респонденты практически всех возрастных категорий понимают, что живут в условиях рыночной экономики и решающее значение имеет не столько собственность, сколько умение поставить производство, наладить его деятельность. И, что важно, эта точка зрения имеет значительную поддержку как у молодых граждан, так и у старшего поколения.

В высказанных опрошенными соображениях внимание исследователей привлекла мысль: не приведет ли приватизация крупных предприятий к негативным последствиям — не закроются ли эти предприятия, не

останутся ли их работники без работы и средств к существованию. Именно крупные предприятия чаще всего являются основными градообразующими хозяйственными единицами, следовательно, основными работодателями и основным источником доходов большинства семей — как городских, так и сельских, — а также основным источником средств для бюджетов территориальных образований. Кроме того, респонденты высказывали сомнение в справедливости присвоения крупных бывших государственных предприятий частными лицами: ведь в советское время в создании этих предприятий участвовали все и сообща, так почему они должны стать собственностью отдельных лиц? При этом никто не против создания крупных предприятий частным лицом за счет собственных средств. В этом случае у предпринимателя есть моральное

право на распоряжение этой собственностью по своему усмотрению, какой бы крупной она ни была.

У экспертов свое мнение: при переходе к рыночным отношениям есть реальная опасность, что многие предприниматели — собственники крупных предприятий еще не готовы управлять ими. Поэтому неотложной задачей является подготовка менеджеров высокой квалификации, знающих все тонкости управленческого процесса. Важно также остановить безудержный вывод доходов владельцев частных предприятий в зарубежные страны, нужно вкладывать деньги в развитие собственного производства.

Ответственность за соблюдение законных прав граждан, по мнению экспертов, лежит на республиканской и федеральной ветвях власти. При этом на республиканской власти, поскольку она находится к нам ближе, лежит еще большая ответственность за исполнение законов. Если говорить о личных правах конкретного гражданина, то роль республиканских властей является основной, в первую очередь о правах жителей республики должны заботиться в самой республике, а федеральная власть должна выступать только куратором работы республиканской.

Эксперты, рассуждая о политических деятелях, считают, что в СССР и России только два лидера могли бы претендовать на звание главы государства, при которых люди ощущали уверенность в завтрашнем дне. Вселить в людей уверенность в своем будущем непросто.

Во времена правления Л. И. Брежнева складывались предпосылки для развития свободы, личностного роста. Люди не испытывали страха, они не опасались за судьбу детей, учеба и лечение были бесплатными, жилье — комфортным. Не было сильного социального расслоения, которое наблюдается сегодня, не было и та-

кой степени бедности, безработицы, которые мы наблюдаем в наше время. В этом аспекте обращает на себя внимание оригинальная трактовка терминов «застой» и «стабильность». Удивляет, что их представляют как тождественные, рассматривают «застой» как один из вариантов «стабильности». В то же время «застой» следует толковать как отсутствие всякого движения вперед, а «стабильность» — как устойчивость в том же самом движении вперед.

Начиная с Горбачева и по сей день, люди более реально смотрят на вещи, они знают, что рассчитывать им не на что, кроме как на собственные силы. Брежневская эпоха помогла людям осознать, что при всей государственной заботе нужно также рассчитывать на себя, собственные силы, деловитость и труд. Граждане считают так: если власть помогает людям, то они, естественно, оказывают помощь и ей, но сейчас, к сожалению, у граждан есть лишь обязанности, а у государства — все права. Власть никакой обязанности перед своим обществом не несет.

Особенность нынешней власти, считают эксперты, заключается в ее несменяемости. Как правило, вся экономическая деятельность привязывается к интересам власти. При этом власть в системе властных отношений опирается не на закон, а часто использует административно-силовые методы и опирается на скрытые привилегии государственной бюрократии и близких людей. В итоге — полное игнорирование общественного мнения, в том числе отсутствие реакции на громкие публикации, в которых идет речь о захвате государственной собственности, включая земельные участки для незаконного строительства высотных домов, часто игнорируя историческую значимость этих территорий.

В зависимости от уровня образования респондентов были получены

Таблица 4
 Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?* (в %)
 *В РФ / в республике

Код от-вета	Варианты от-вета	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	Безусловно допустимо	16,4 14,5	17,9 13,8	13,5 12,3	9,4 9,4	22,9 22,9	29,4 27,5	12,5 10,4	15,1 9,4
2	Скорее допустимо	23,6 23,6	46,4 48,3	23,7 28,4	34,0 32,1	37,1 45,7	31,4 43,1	43,8 33,3	43,4 49,1
3	Скорее недопустимо	21,8 29,1	21,4 20,7	21,2 25,2	28,3 35,8	17,1 8,6	21,6 13,7	27,1 29,2	11,3 20,8
4	Безусловно недопустимо	34,5 32,7	7,1 17,2	37,2 31,6	22,6 17,0	5,7 2,9	5,9 9,8	8,3 12,5	9,4 7,5
5	Затрудняюсь ответить	3,6 0,0	7,1 0,0	4,5 2,6	5,7 5,7	17,1 20,0	11,8 5,9	8,3 14,6	20,8 13,2
		100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

Код от-вета	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	10,5 15,8	29,1 27,3	20,3 18,6	23,5 29,4	25,3 21,2	20,6 14,9	7,8 5,2	7,0 7,0
2	47,4 47,4	34,5 32,7	25,4 23,7	32,4 23,5	27,3 25,3	20,6 19,4	12,9 13,9	21,1 28,1
3	10,5 10,5	21,8 12,7	27,1 25,4	32,4 26,5	12,1 12,1	20,6 16,4	28,4 27,8	38,6 29,8
4	15,8 15,8	12,7 18,2	11,9 15,3	2,9 8,8	21,2 18,2	28,6 43,3	25,0 28,7	28,1 19,3
5	15,8 10,5	1,8 9,1	15,3 16,9	8,8 11,8	14,1 23,2	9,5 6,0	25,9 24,3	5,3 15,8
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

следующие данные (табл. 4). Вариант «безусловно допустимо» выбрали в основном респонденты с неполным высшим и высшим образова-

нием РИ — как представители автохтонной народности, так и русские и русскоязычные (ингуши: в РФ — 43,2 %, в республике — 38,6 % и рус-

Окончание табл. 4

Код от-вета	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русско-язычные		осетины		русские и русско-язычные		чеченцы		русские и русско-язычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	29,0 25,8	43,2 38,6	25,0 14,3	44,4 44,4	15,6 13,3	18,3 19,8	18,2 33,3	16,7 16,7	18,0 16,4	11,3 13,1	19,0 19,0	18,2 22,7
2	29,0 29,0	34,1 38,6	37,5 42,9	22,2 22,2	21,1 20,0	31,7 32,2	24,2 18,2	37,0 33,3	30,5 41,4	35,5 34,4	29,3 32,8	36,4 27,3
3	25,8 32,3	11,4 15,9	12,5 28,6	22,2 33,3	40,0 42,2	26,7 22,3	18,2 33,3	18,5 24,1	23,4 25,0	38,7 36,1	27,6 31,0	22,7 31,8
4	8,1 6,5	6,8 6,8	12,5 14,3	11,1 0,0	6,7 10,0	11,7 19,0	27,3 9,1	18,5 20,4	10,9 9,4	9,7 13,1	19,0 13,8	22,7 18,2
5	8,1 6,5	4,5 0,0	12,5 0,0	0,0 0,0	16,7 14,4	11,7 6,6	12,1 6,1	9,3 5,6	17,2 7,8	4,8 3,3	5,2 3,4	0,0 0,0
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

ские и русскоязычные: в РФ — 44,4 %, в республике — 44,4 %), а также респонденты КБР и КЧР автономных народностей (кабардинцы, балкарцы: в РФ — 29,4 %, в республике — 27,5 % и карачаевцы, черкесы: в РФ — 29,1 %, в республике — 27,3 %). «Безусловно недопустимо», по мнению трети опрошенных — независимо от национальной принадлежности — в РА, имеющих среднее специальное и ниже образование (адыгейцы: в РФ — 34,5 %, в республике — 32,7 % и русские и русскоязычные: в РФ — 37,2 %, в республике — 31,6 %) и РД, имеющих неполное высшее, высшее образование (дагестанцы: в РФ — 28,6 %, в республике — 43,3 % и русские и русскоязычные: в РФ — 28,1 %, в республике — 19,3 %). Такого же мнения русские и русскоязычные респонденты КЧР с неполным высшим, выс-

шим образованием (в РФ — 32,4 %, в республике — 26,5 %) и ЧР (в РФ — 22,7 %, в республике — 31,8 %), а также респонденты-осетины со средним специальным и ниже образованием (в РФ — 40,0 %, в республике — 42,2 %) и респонденты-чеченцы с неполным высшим, высшим образованием (в РФ — 38,7 %, в республике — 36,1 %).

В целом почти одна пятая часть опрошенных затруднилась ответить на данный вопрос, в их число преимущественно входят русские и русскоязычные респонденты с неполным высшим, высшим образованием таких республик, как КБР (в РФ — 20,8 %, в республике — 13,2 %), респонденты со средним специальным образованием КЧР и РД (карачаевцы, черкесы: в РФ — 15,3 %, в республике — 16,9 % и дагестанцы: в РФ — 25,9 %, в республике —

Таблица 5
 Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?* (в %)
 *В РФ / в республике

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		город	село	город	село	город	село	город	село
1	Безусловно допустимо	9,1 11,8	21,6 15,7	14,0 13,2	10,1 9,2	25,4 19,7	32,7 32,7	13,5 10,4	13,8 13,8
2	Скорее допустимо	45,5 38,2	21,6 27,5	28,1 32,5	24,2 25,5	40,8 47,9	39,6 37,6	46,9 45,8	44,8 31,0
3	Скорее недопустимо	27,3 29,4	17,6 23,5	22,8 23,7	22,2 31,6	16,9 14,1	13,9 12,9	17,7 20,8	13,8 31,0
4	Безусловно недопустимо	15,2 20,6	33,3 33,3	29,8 25,4	39,4 32,7	7,0 8,5	1,0 5,9	8,3 9,4	10,3 6,9
5	Затрудняюсь ответить	3,0 0,0	5,9 0,0	5,3 5,3	4,0 1,0	9,9 9,9	12,9 10,9	13,5 13,5	17,2 17,2
		100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	город	село	город	село	город	село	город	село
1	31,0 31,0	15,6 15,6	17,2 25,9	27,0 16,2	21,1 15,0	26,1 21,6	6,5 4,3	8,6 7,5
2	33,3 33,3	43,8 40,6	24,1 17,2	35,1 35,1	25,0 22,5	25,0 23,9	14,0 20,4	17,3 16,3
3	21,4 14,3	15,6 9,4	37,9 32,8	16,2 13,5	18,4 13,8	12,5 14,8	41,9 28,0	19,8 28,8
4	9,5 11,9	18,8 25,0	6,9 6,9	10,8 24,3	27,6 38,8	20,5 18,2	26,9 30,1	25,9 21,3
5	4,8 9,5	6,3 9,4	13,8 17,2	10,8 10,8	7,9 10,0	15,9 21,6	10,8 17,2	28,4 26,3
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

24,3 %), а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы со средним специальным образованием (осетины: в РФ — 16,7 %, в республике — 14,4 % и чеченцы: в РФ — 17,2 %, в республике — 7,8 %).

Согласны с переходом крупных предприятий в частные руки респонденты с неполным высшим, высшим образованием РИ — как представители автохтонной народности, так и русские и русскоязычные, а также

Окончание табл. 5

Код отве- та	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингушские		русские и русско- язычные		осетины		русские и русско- язычные		чеченцы		русские и русско- язычные	
	го- род	се- ло	го- род	се- ло	го- род	се- ло	го- род	се- ло	го- род	се- ло	го- род	се- ло
1	35,2 32,9	29,3 26,8	25,0 33,3	50,0 40,0	18,8 17,1	15,5 16,3	12,7 21,4	35,3 29,4	11,4 14,9	19,2 15,4	50,0 12,5	12,3 21,5
2	35,2 34,3	24,4 29,3	41,7 41,7	16,7 0,0	31,6 30,8	21,6 24,5	29,6 22,9	41,2 47,1	29,5 36,8	33,7 41,3	18,8 68,8	33,8 23,1
3	21,1 25,7	19,5 29,3	16,7 16,7	60,0 60,0	31,6 29,9	34,0 31,6	21,1 31,4	11,8 11,8	29,5 29,9	27,9 27,9	12,5 18,8	29,2 33,8
4	4,2 4,3	14,6 9,8	8,3 8,3	16,7 0,0	8,5 15,4	10,3 14,3	26,8 17,1	0,0 11,8	13,6 12,6	8,7 8,7	12,5 0,0	21,5 18,5
5	4,2 2,9	12,2 4,9	8,3 0,0	0,0 0,0	9,4 6,8	18,6 13,3	9,9 7,1	11,8 0,0	15,9 5,7	10,6 6,7	6,3 0,0	3,1 3,1
	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0	100,0 100,0

респонденты КБР и КЧР коренных на-
родностей. «Безусловно недопусти-
мо» — этот вариант выбрали опро-
шенные в РА — независимо от наци-
ональной принадлежности, — имею-
щие среднее специальное и ниже
образование, и респонденты РД с
неполным высшим и высшим обра-
зованием. Затруднились с ответом
на вопрос главным образом респон-
денты русские и русскоязычные со
средним специальным образова-
нием КЧР и РД, а также представители
автохтонных национальностей PCO-
A и ЧР.

Из данных табл. 5 видно, что пе-
реход крупных предприятий в част-
ные руки совершенно допустимым
считают преимущественно респон-
денты РИ, горожане-ингуши (в РФ —
35,2 %, в республике — 32,9 %) и
сельчане — русские и русскоязычные
(в РФ — 50 %, в республике — 40 %).
Вариант «скорее допустимо» выбра-
ли в основном респонденты КБР и
КЧР независимо от национальной

принадлежности и района прожива-
ния. «Безусловно недопустимо» —
значительная часть опрошенных РА
независимо от национальной при-
надлежности, главным образом жи-
телей сельской местности (адыгей-
цы — в РФ — 33,3 %, в республике —
33,3 % и русские и русскоязычные: в
РФ — 39,4 %, в республике —
32,7 %) и РД — респондентов-горо-
жан (дагестанцы: в РФ — 27,6 %, в
республике — 38,8 % и русские и
русскоязычные: в РФ — 26,9 %, в
республике — 30,1 %). Аналогично-
го мнения русские и русскоязычные
респонденты, проживающие в горо-
дах КЧР (в РФ — 37,9 %, в респуб-
лике — 32,8 %), РД (в РФ — 41,9 %, в
республике — 28,0 %) и ЧР — в се-
лах (в РФ — 29,2 %, в республике —
33,8 %).

Затруднились с ответом на воп-
рос респонденты русские и русско-
язычные — в основном сельчане КБР
и РД (кабардинцы, балкарцы: в РФ —
17,2 %, в республике — 17,2 % и да-

гестанцы: в РФ — 28,4 %, в республике — 26,3 %).

В обществе сложилось мнение: проблема не в форме собственности, а в эффективности управлением ею — кто может обеспечить более эффективное функционирование предприятия, тот пусть и владеет им. Эффективность выражается в максимальной занятости, высокой заработной плате, а рабочим все равно, кто является владельцем. Проблема в том, что упор на администрирование позволяет бюрократам и силовикам захватывать собственность и не дает такой возможности людям компетентным и талантливым. Есть сферы, где роль государства достаточно велика (система образования, здравоохранения, разграничение светской жизни и религиозной), где нужен контроль государства. В остальных же сферах функции государства должны ограничиваться организацией и контролем.

На Северном Кавказе общество вернулось к привычной архаичной форме правления. Обладание собственностью стали рассматривать как вознаграждение за службу, а в итоге страдают простые граждане. Отсутствие контроля со стороны надзорных органов республик СКФО привело к тому, что жители села после ликвидации колхозов лишились средств к существованию, как следствие — резкая пауперизация сельского населения. Искусственно была создана проблема для огромной массы жителей республики. Но власть, преследуя интересы собственников, не хочет решать проблему крестьян.

На современном этапе в республиках СКФО начал складываться некий социальный слой, который диктует обществу определенные правила игры в области политики и социально-экономической жизни. Можно сказать, что мы вернулись в эпоху Средневековья, поскольку совре-

менные социальные отношения имеют характерные черты феодальной раздробленности, что негативно сказывается на нравственном облике не только правящей верхушки, но и всего общества — сегодня нами управляют «феодалы» с криминальным прошлым.

Интересную палитру мнений дал анализ ответов на вопрос о целесообразности — в условиях российской экономики сохранять рыночные отношения или вернуться к системе государственного контроля над экономикой. С этим вопросом мы обратились к респондентам, которым были предложены следующие варианты ответов: «сохранять рыночные отношения», «вернуться к системе государственного контроля над экономикой», «естественные монополии должны принадлежать государству». В целом доминирует первый вариант — «сохранять рыночные отношения», и в большей степени он отмечен респондентами РА (адыгейцы — 38,8 %, русские и русскоязычные — 31,9 %), РИ (ингуши — 57,1 %, русские и русскоязычные — 55,6 %) и ЧР (чеченцы — 38,4 %, русские и русскоязычные — 37 %), а также представителями автохтонных народностей КБР (40,7 %) и КЧР (44,6 %) (табл. 6). Второй вариант «возврат к системе государственного контроля над экономикой» выбрали преимущественно респонденты по национальности русские и русскоязычные КЧР (40 %) и ЧР (39,5 %). «Естественные монополии должны принадлежать государству» считают, в частности, русские и русскоязычные респонденты РД (35,1 %). Распределение ответов на этот вопрос в зависимости от национальной принадлежности представлено в табл. 6.

Как видно из таблицы, сторонниками сохранения рыночных отношений в большей степени являются респонденты РА, РИ и ЧР, а также пред-

Таблица 6
Должна ли Российская Федерация сохранить рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		адыгейцы	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	русские и русскоязычные	карачаевцы, черкесы	русские и русскоязычные
1	Сохранять рыночные отношения	38,8	31,9	40,7	29,9	44,6	24,2
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	34,1	36,6	15,7	18,9	20,3	40,0
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	15,3	24,4	11,0	18,9	18,9	20,0
4	Затрудняюсь ответить	11,8	7,0	32,6	32,3	16,2	15,8
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РД		РИ		PCO-A		ЧР	
	народы Дагестана	русские и русскоязычные	ингуши	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	чеченцы	русские и русскоязычные
1	29,6	11,5	57,1	55,6	26,9	20,7	38,4	37,0
2	38,9	32,2	23,2	22,2	29,7	28,7	29,5	39,5
3	20,4	35,1	8,0	16,7	19,8	24,1	16,8	19,8
4	11,1	21,3	11,6	5,6	23,6	26,4	15,3	3,7
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ставители автохтонных народностей КБР и КЧР. В целом довольно высок процент респондентов, затруднившихся с ответом на этот на вопрос, особенно в КБР и PCO-A.

Если на начальном этапе перехода к рынку в обществе существовали надежды на новые экономические отношения, то сейчас наблюдается другая тенденция — апатия как со стороны существующих, так и потенциальных предпринимателей. При-

чиной социальной апатии является их незащищенность. Бизнесмены представляют интерес для государственных структур лишь как источник средств, ради получения которых чиновники готовы ограбить предпринимателя, оставить в одной рубашке. У государственных органов нет понимания важности создания новых рабочих мест в регионе, им не до патриотизма и развития экономики страны. Они (чиновники) менее

Таблица 7
Должна ли Российская Федерация сохранить рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	Сохранять рыночные отношения	33,3	43,5	31,2	32,5	47,5	34,4	35,7	26,9
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	38,5	30,4	37,6	35,8	12,5	18,9	10,7	23,9
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	15,4	15,2	28,0	21,7	13,8	8,9	25,0	14,9
4	Затрудняюсь ответить	12,8	10,9	3,2	10,0	26,3	37,8	28,6	34,3
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	38,2	50,0	24,2	24,2	38,0	20,7	11,7	11,3
2	26,5	15,0	39,4	40,3	32,9	45,1	29,9	34,0
3	26,5	12,5	24,2	17,7	20,3	20,7	33,8	36,1
4	8,8	22,5	12,1	17,7	8,9	13,4	24,7	18,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязычные		осетины		русские и русскоязычные		чеченцы		русские и русскоязычные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	51,7	63,0	66,7	44,4	31,2	23,5	31,4	13,7	38,9	38,0	40,5	34,1
2	25,9	20,4	11,1	33,3	24,7	33,6	34,3	23,5	33,3	26,0	45,9	34,1
3	10,3	5,6	11,1	22,2	23,7	16,8	22,9	25,5	20,0	14,0	13,5	25,0
4	12,1	11,1	11,1	0,0	20,4	26,1	11,4	37,3	7,8	22,0	0,0	6,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

всего озабочены уровнем жизни простых людей, их благополучием. Государство должно разработать законы для реального развития рынка, чтобы каждый гражданин РФ мог реализовать себя в бизнесе.

Россия, как и многие страны, является частью глобальной экономики. Глобализация влияет на все стороны образа жизни, в том числе и на сознание граждан РФ. Насколько широко человек мыслит, настолько понимает необходимость этого явления и от того, как ему удастся усвоить другие образцы поведения в жизни, зависит его личный успех — моральный, экономический, политический и т. д.

В условиях глобализации власть должна ориентировать людей на самовыражение своей индивидуальности. Это очень важно в традиционных обществах Северного Кавказа, где очень развито коллективное мышление, это поможет государству в создании среднего класса. Если в традиционных обществах дети оставались в той же социальной группе, то новое время дает молодежи большие возможности устроить собственную жизнь так, как нравится им самим, — сделать то, чего не могли позволить себе предыдущие поколения.

За сохранение рыночных отношений главным образом респонденты-адыгейки РА (43,5 %), респонденты РИ и ЧР независимо от гендерной принадлежности — ингуши мужчины — 51,7 %, ингушки — 63 %, русские и русскоязычные мужчины РИ — 66,7 %, русские и русскоязычные женщины РИ — 44,4 %; чеченцы мужчины — 38,9 %, чеченки — 38 %, русские и русскоязычные мужчины — 40,5 %, русские и русскоязычные женщины — 34,1 %), а также представители автохтонных народностей КБР (мужчины — 47,5 %, женщины — 34,4 %) и КЧР (мужчины — 38,2 %, женщины — 50 %) (табл. 7).

За возврат государственного контроля над экономикой высказались преимущественно русские и русскоязычные респонденты — как мужчины, так и женщины КЧР (39,4 % и 40,3 %) и ЧР (45,9 % и 34,1 %), а по мнению русских и русскоязычных женщин РД (36,1 %), естественные монополии должны принадлежать государству.

Судя по результатам опроса, как среди мужчин, так и среди женщин преобладает мнение, что рыночные отношения необходимо развивать и более того — дать людям больше экономической свободы, в частности в области доступа к ресурсам, рабочим местам и т. д. Есть понимание, что действия чиновников, тормозящих развитие бизнеса, нужно ограничить. Необходимо гибкое сочетание рынка и государственного участия в экономике. При этом государственное участие должно быть оформлено законодательно.

В мире нет стран, где бы существовали абсолютно свободная рыночная экономика или абсолютный контроль государства над экономикой, то есть везде присутствует смешанный вариант экономики. Все зависит лишь от степени регулирования экономики государством. При этом участие государства в экономике должно быть минимальным, а бизнесу важно создавать максимум условий для инициативы и свободы деятельности.

Частные предприниматели в РФ, порой остаются за бортом государственной политики, и люди воспринимают их как разбойников, спекулянтов, региональных феодалов. Общество требует, чтобы деятельность частных лиц — собственников крупных предприятий, была достаточно открытой и одновременно защищенной законами РФ.

Среди экспертов есть мнение: необходимо провести капитализацию государственной собственности. Это оправданный экономический подход

Таблица 8
 Должна ли Российская Федерация сохранить рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	Сохранять рыночные отношения	28,6	43,9	41,3	29,3	45,1	37,6	32,3	29,2
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	28,6	36,8	23,9	40,1	8,5	20,8	12,9	20,8
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	21,4	12,3	23,9	24,6	15,5	7,9	25,8	16,7
4	Затрудняюсь ответить	21,4	7,0	10,9	6,0	31,0	33,7	29,0	33,3
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	45,3	42,9	37,9	18,2	37,9	24,0	22,7	9,9
2	15,1	33,3	27,6	45,5	30,3	44,8	27,3	32,9
3	17,0	23,8	20,7	19,7	22,7	18,8	22,7	36,8
4	22,6	0,0	13,8	16,7	9,1	12,5	27,3	20,4
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

во всем мире. Чем ближе экономика к рыночной как таковая, тем больше приносящих богатство объектов. Стремление индивидов к удовлетворению собственных интересов спо-

собствует общему процветанию в целом. Но получилось так, что некоторые чиновники имеют немалые пакеты акций крупных предприятий, что вызывает большое недоверие к ры-

Окончание табл. 8

Код от-вета	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русско-язычные		осетины		русские и русско-язычные		чеченцы		русские и русско-язычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	61,5	53,3	57,1	54,5	30,7	23,4	23,3	19,3	38,8	38,2	41,4	34,6
2	17,3	28,3	14,3	27,3	28,7	30,6	6,7	40,4	22,4	33,3	34,5	42,3
3	7,7	8,3	28,6	9,1	19,8	19,8	26,7	22,8	19,4	15,4	20,7	19,2
4	13,5	10,0	0,0	9,1	20,8	26,1	43,3	17,5	19,4	13,0	3,4	3,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ночной системе и вообще к ведению частного бизнеса. А для подавляющей массы населения нет особой разницы, кто является собственником предприятия — государственная структура или частное лицо. Главное, чтобы эти предприятия работали, создавались рабочие места и предприятия платили налоги, пополняя бюджет республики. Если это крупное производственное предприятие, то частный бизнес в нем только приветствуется. Крупное предприятие — очень сложный организм, и далеко не каждый бизнесмен способен его организовать и развивать. Кроме того, производством мало кто хочет заниматься — проще вкладывать средства в быстроокупаемые торговые операции.

Но в обществе есть твердая убежденность: нужно поддерживать отечественного производителя, а не тех, кто «тут купил, а там продал». Частное предпринимательство надо поощрять, а не порицать.

Итак, за сохранение рыночных отношений высказались жители РА, РИ и ЧР всех возрастных когорт, а также представители коренных народов КБР и КЧР в возрасте до 35 лет. Старшее поколение опрошенных русских и рус-

скоязычных жителей КЧР и ЧР — за возврат к системе государственного контроля над экономикой, а вариант «естественные монополии должны принадлежать государству» отмечен главным образом респондентами РД в возрасте старше 35 лет. В целом треть опрошенных затруднилась с ответом, в основном это респонденты КБР (независимо от возраста) и PCO-A (главным образом респонденты до 35 лет русские и русскоязычные).

При прочих равных условиях ценности либерализма и рыночные ориентации склонны разделять представители младших поколений, высокообразованного слоя, а также те, кто не испытывает сильной депривации¹. Сторонниками советских, социалистических ценностей, в том числе и в области трудовых отношений и трудовой этики, являются старшие поколения, люди с невысоким уровнем образования, а также те, кто считает, что проиграл в результате реформ. Несмотря на то что идеология рынка внедряется в РФ начиная с 1991 г., материалы опроса показывают, что достаточно большое число респондентов хотело бы вернуться к системе государственного контроля над экономикой, т. е. умо-

Таблица 9
 Должна ли Российская Федерация сохранить рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	Сохранять рыночные отношения	34,5	48,3	29,5	39,6	47,1	31,4	32,7	28,3
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	36,4	27,6	39,7	28,3	14,7	21,6	26,5	13,2
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	12,7	20,7	25,0	20,8	8,8	15,7	22,4	15,1
4	Затрудняюсь ответить	16,4	3,4	5,8	11,3	29,4	31,4	18,4	43,4
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	47,4	43,6	22,0	29,4	24,5	36,4	12,1	10,5
2	15,8	21,8	44,1	35,3	44,7	30,3	34,5	26,3
3	26,3	16,4	18,6	20,6	19,1	22,7	31,9	42,1
4	10,5	18,2	15,3	14,7	11,7	10,6	21,6	21,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

настроение определенной части общества пока не в пользу рыночной экономики. При этом относительные межпоколенческие различия сохраняются в любых группах общества

независимо от социального положения, материального достатка и образовательного уровня и даже среди тех, кто считает себя проигравшими в результате рыночных реформ.

Окончание табл. 9

Код отве- та	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русско- язычные		осетины		русские и русско- язычные		чеченцы		русские и русско- язычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее	ср. спец. и ниже	н/в, высш ее
1	56,5	61,4	50,0	66,7	20,2	31,7	9,4	27,8	40,9	34,4	43,1	22,7
2	32,3	11,4	25,0	11,1	38,2	23,3	31,3	25,9	29,9	29,5	43,1	31,8
3	4,8	11,4	25,0	11,1	10,1	27,5	25,0	24,1	11,8	24,6	10,3	40,9
4	6,5	15,9	0,0	11,1	31,5	17,5	34,4	22,2	17,3	11,5	3,4	4,5
	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0

Среди горожан старшее поколение, люди с невысоким уровнем образования более склонны разделять принципы, на которых базировалась советская система, и придерживаться традиционных воззрений в трудовой сфере. Культурная доминанта этой части жителей города связана с ценностями материализма, социального равенства, коллективизма и патерналистскими установками по отношению к государству. У них не выражена мотивация достижения, новое и связанное с риском вызывает у них неприятие, все происходящее с ними воспринимается как фатальная неизбежность. Они полагают, что экономические отношения в обществе должны строиться на основе приоритета государственной собственности.

Представители младших поколений и более образованного слоя горожан поддерживают либерально-рыночное устройство общества. Эти группы населения ориентированы на такие ценности, как самостоятельность, самореализация, эти люди отдают предпочтение личной свободе, для них характерны индивидуали-

стские установки в экономической жизни. Такие ориентации служат основанием для принятия частной собственности как базиса общественных отношений.

Переход к рыночной экономике, преобразование отношений собственности в 1990-е гг. сопровождалось падением уровня жизни большей части населения, ростом неудовлетворенности жизнью, особенно материальными условиями. Большинство населения ощущало себя обездоленным, считало трудности, которые ему приходилось испытывать, несправедливыми. Усугубление жизненных тягот заставляет представителей депривированных слоев сравнивать свою жизнь в СССР с нынешней сложной ситуацией, они отвергают ценности рыночной экономики, считая социалистические принципы более гуманными.

В табл. 9 представлено распределение ответов в зависимости от уровня образования респондентов. Вариант «сохранять рыночные отношения» выбрали преимущественно респонденты с неполным высшим и высшим образованием РА (адыгейцы —

48,3 %, русские и русскоязычные — 39,6 %), РИ (ингуши — 61,4 %, русские и русскоязычные — 66,7 %) и респонденты со средним специальным и ниже образованием ЧР (чеченцы — 40,9 %, русские и русскоязычные — 43,1 %), а также представители коренных народов КБР и КЧР со средним специальным и ниже образованием (кабардинцы, балкарцы — 47,1 % и карачаевцы, черкесы — 47,4 %). За возврат к системе государственного контроля над экономикой выступают преимущественно русские и русскоязычные респонденты КЧР и ЧР со средним специальным и ниже образованием (карачаевцы, черкесы — 44,1 % и чеченцы — 43,1 %), а по мнению русских и русскоязычных респондентов РД с неполным высшим, высшим образованием (42,1 %), естественные монополии должны принадлежать государству. Затруднились с ответом главным образом респонденты КБР с неполным высшим, высшим образованием (кабардинцы, балкарцы — 31,4 % и русские и русскоязычные — 43,4 %) и РСО-А со средним специальным и ниже образованием (осетины — 31,5 % и русские и русскоязычные — 34,4 %).

Мы видим, что респонденты с неполным высшим, высшим образованием РА и РИ, со средним специальным и ниже образованием ЧР, а также респонденты коренных народов КБР и КЧР со средним специальным и ниже образованием — за сохранение рыночных отношений. Вариант «возврат к системе государственного контроля над экономикой» выбрали преимущественно русские и русскоязычные респонденты КЧР и ЧР со средним специальным и ниже образованием, а русские и русскоязычные респонденты РД с неполным высшим и высшим образованием считают, что естественные монополии должны принадлежать государству.

С точки зрения респондентов — как с неполным высшим, высшим, так и со средним специальным и ниже образованием — природные ресурсы страны не должны находиться в частной собственности, так как являются общественным достоянием. Эта группа опрошенных считает, что частные лица могут владеть крупными предприятиями, но стратегические предприятия могут быть переданы в частные руки только с учетом общественного мнения.

Главная задача руководства республик СКФО — соблюдение прав граждан. Конституционные права граждан существуют только на бумаге. В этих условиях частная собственность идентифицируется с сущностью самого человека, она — результат его труда. Раз частная собственность неприкосновенна, значит, и человек неприкосновенен, но пока у нас еще не завершился этап первоначального накопления капитала, отсюда и проблемы рейдерства, набег на собственность.

Во-вторых, МВД, правоохранительные органы не выполняют полностью свои обязанности, одной из причин является служба в их рядах тех, кто в прошлом являлся членами мафиозных групп и пришедшие в эту структуру для того, чтобы «крышевать» криминальные группировки.

В-третьих, несовершенство законодательства, коррумпированность судебной системы. Люди не обращаются к правосудию, потому что это бессмысленно. Законы сформулированы подчас расплывчато, что оставляет поле для манипулирования ими, особенно в руках умелого адвоката. Законы сделаны «под себя», на период первоначального накопления капитала. Даже законодательство о банкротстве написано таким образом, чтобы чиновник мог этим воспользоваться в своих интересах. Законы на этой стадии нашего развития не могут быть нормальными, по-

Таблица 10
Должна ли Российская Федерация сохранить рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		город	село	город	село	город	село	город	село
1	Сохранять рыночные отношения	35,3	41,2	28,9	35,4	35,2	45,0	29,9	27,6
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	41,2	29,4	36,8	36,4	19,7	13,0	18,6	20,7
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	20,6	11,8	26,3	22,2	15,5	8,0	21,6	10,3
4	Затрудняюсь ответить	2,9	17,6	7,9	6,1	29,6	34,0	29,9	41,4
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	город	село	город	село	город	село	город	село
1	47,6	40,6	19,0	32,4	34,2	25,3	11,8	11,1
2	16,7	25,0	41,4	37,8	30,4	47,0	29,0	35,8
3	14,3	25,0	17,2	24,3	25,3	15,7	39,8	29,6
4	21,4	9,4	22,4	5,4	10,1	12,0	19,4	23,5
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

тому что и сам процесс функционирования экономики ненормальный.

Ответы респондентов в зависимости от района проживания представлены в табл. 10. В целом доминирует вариант «сохранять рыночные отношения», он в большей степени отмечен респондентами-сельчанами РА (адыгейцы — 41,2 %, русские и русскоязычные — 35,4 %), РИ (ингуши — 58,5 %, русские и русскоязыч-

ные — 83,3 %) и респондентами-горожанами ЧР (62,5 %), а также представителями коренных народов КБР (кабардинцы и балкарцы-горожане — 35,2 %, сельчане — 45 %) и КЧР (карачаевцы, черкесы: горожане — 47,6 %, сельчане — 40,6 %).

Русские и русскоязычные респонденты КЧР (горожане — 41,4 %, сельчане — 37,8 %) и ЧР (сельчане — 43,1 %) в основном за возврат к сис-

Окончание табл. 10

Код ответа	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русско- язычные		осетины		русские и русско- язычные		чеченцы		русские и русско- язычные	
	го- род	село	го- род	село	го- род	село	го- род	село	го- род	село	го- род	село
1	56,3	58,5	41,7	83,3	34,2	17,9	21,1	18,8	38,4	38,5	62,5	30,8
2	21,1	26,8	33,3	0,0	22,2	38,9	32,4	12,5	29,1	29,8	25,0	43,1
3	7,0	9,8	16,7	16,7	25,6	12,6	28,2	6,3	18,6	15,4	12,5	21,5
4	15,5	4,9	8,3	0,0	17,9	30,5	18,3	62,5	14,0	16,3	0,0	4,6
	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0

теме государственного контроля над экономикой; естественные монополии должны принадлежать государству — таково мнение русских и русскоязычных респондентов-сельчан РД (24,3 %). Среди респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, в первую очередь респонденты-сельчане КБР (кабардинцы, балкарцы — 34 % и русские и русскоязычные — 41,4 %) и PCO-A (осетины — 30,5 % и русские и русскоязычные — 62,5 %).

Как показывают результаты опроса, в своем отношении к рынку разделились респонденты и эксперты на две основные группы. Первые — это те, кто считает, что мы опоздали с рынком; вся сфера деятельности, где люди могут проявить личные усилия — индивидуальные или небольших групп (такси, кафе и т. д.), — должна быть приватизированной; вмешательство государства в деятельность малого и среднего бизнеса должно быть минимальным.

Опрошенные и эксперты, которые составили вторую группу, полагают, что государство должно контролировать экономику. По их мнению, снижение роли государства в экономике является причиной экономическо-

го кризиса, депрессии, но как только государство возвращало себе рычаги управления экономикой, кризис преодолевался. Истоки мирового экономического кризиса прежде всего в ослаблении участия государств в экономических процессах, предоставлении бизнесу безграничной свободы действий.

Рыночную систему поддерживает подавляющее большинство жителей республик СКФО, что свидетельствует о желании населения региона вписаться в современную глобальную систему, где на первый план выступают материальные ценности, а материальное дает статус, уважение, престиж.

Для традиционных обществ Северного Кавказа, где подавляющая часть населения проживает в сельской местности, люди тесно связаны между собой, материальное богатство является весьма значимой ценностью: построил особняк, купил машину — этот антураж рынка их явно привлекает. Здесь за бортом остаются морально-ценностные установки западной культуры (честный труд, порядочность), и на первый план выходит стремление к максимальному удовлетворению материальных

потребностей, причем любой ценой.

Анализируя ситуацию, связанную с переходом крупных предприятий в частные руки, необходимо учитывать дисбаланс между национально-государственными и социально-экономическими задачами, в этом одна из характерных особенностей современного российского федерализма. Государственный статус в рамках Российской Федерации в силу ряда исторических причин получили практически все крупные коренные народы Кавказа. Но уровень экономического развития и возможности самообеспеченности в современных условиях отдельных субъектов РФ и СКФО не сопоставимы.

Современный рыночный механизм — это сложная система хозяйствования, которая решает жизненно важные задачи в экономике государства, в производстве совокупного общественного продукта и распределении национального дохода. Даже консервативно настроенные респонденты в настоящее время согласны с необходимостью перехода к рыночной экономике. Но в сознание людей настолько въелась идеологическая догма, которая поделила все на социалистическое и капиталистическое, что понятие «рыночная экономика» их настораживает.

В условиях рынка существует опасность, что частный собственник крупного предприятия не готов к выполнению своей новой роли, не знает правил функционирования рыночной экономики. Кроме того, обязательным условием передачи крупных

предприятий в частные руки должно быть направление полученных доходов на развитие экономики страны, своего региона. Без государства ростовщики давно бы уже обанкротили и народ, и промышленность. Сами они развивать промышленность не в состоянии. Государство, изымая часть денег и направляя их на общественные дела, тем самым поддерживает не столько даже людей, сколько розничную торговлю. Во многом благодаря этому вся промышленность и держится на плаву.

Сохранение рынка необходимо, а вот превращение его в систему, работающую на все слои общества, — это задача государства. Государственный контроль над всей экономикой не допустим. Мелкое и среднее предпринимательство должно развиваться свободно и находиться под контролем налоговых органов. Нет ни одного примера того, чтобы страна с государственным централизованным управлением выходила к вершинам развития. Ни в коем случае не надо обращаться к госконтролю. Стратегические отрасли — в руках государства плюс развитый частный сектор, частно-корпоративный, государственно-корпоративный, — при таком многообразии форм наши дела наладились бы.

Ссылки:

Депривация (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей.

Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир отечественного предпринимателя¹

Борисова Ю.В.

В статье рассматриваются теоретические основы социального партнерства, а также приводятся результаты эмпирического исследования эволюции социального партнерства в России с позиции декларируемых и реальных действий. Автором доказывается многозначность развития социального партнерства в РФ.
Ключевые слова: социальное партнерство, социальная ответственность, солидарность, разобщенность.

Borisova Y.V.

Social partnership: the real world and proclaimed the national entrepreneurs

The paper discusses the theoretical basis of social partnership, as well as the results of an empirical study of the evolution of social partnership in Russia from the perspective of the declared and actual actions. The author proves ambiguity of social partnership in Russia

Key words: social partnership, social responsibility, solidarity, disunity.

Под «социальной ответственностью бизнеса» понимают ответственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил, неопределенных законодательством (в области экологии, этики, сострадания, милосердия и др.), которые, влияют на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом. В другом источнике под «ответственностью бизнеса» понимают – необходимость, обязательство отвечать за свои поступки и действия:

1. Обязанность бизнесменов и менеджеров соблюдать законы центральных и местных органов власти, выполнять условия контрактов.

2. Три группы обязанностей менеджеров: перед Советом директоров, перед клиентами, перед собственным персоналом.

16 июня 2011 года Совет ООН по правам человека одобрил Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. На основе этого документа впервые в истории создается международный стандарт ООН в области бизнеса и прав человека².

Исходя из этих принципов бизнесу выгодно соблюдать права человека, потому что это заметно улучшает

репутацию компании, ее имидж. Бизнес может поддерживать и продвигать права человека как минимум по четырем направлениям: основная бизнес-деятельность; стратегические социальные инвестиции и благотворительность; пропаганда общественных интересов и участие в общественной жизни; партнерства и коллективные действия. Россия перешла на новый уровень развития отношения между государством и бизнесом, бизнесом и человеком. Однако в России социальная ответственность бизнеса развивается не вполне качественно из-за экономической нестабильности, и поэтому возникают проблемы в развитии социального партнерства и ответственности.

Возрождение предпринимательства как социального явления и появление социального слоя предпринимателей поставило последних перед задачей выстраивания отношений со всеми другими социальными слоями общества, с властью, некоммерческими организациями и т.д. Этот процесс сопровождается множеством противоречий, некоторые из них мы освятили ниже.

Теоретические предпосылки

Идеи необходимости социального партнерства возникали еще в античности и принадлежали они Платону и Аристотелю. По мнению Платона, «идеальное государство» как раз отличается от естественного природного состояния общества, где все воевали против всех, тем, что в нем есть добровольные отношения – соглашения свободных граждан, открытого обсуждения и решения проблем³. Аристотель развивает мысли Платона и говорит о счастье людей, которое возможно только тогда, когда люди решат свои проблемы⁴. Именно эти идеи солидарности граждан, как равных и свободных индивидов, способных решать

свои проблемы, можно считать началом построения социального партнерства. Эти идеи легли в основу «естественного гражданского состояния общества», пришедшие на смену модели «естественного природного состояния».

Второй этап эволюции идей социального партнерства приходится на XVI-XVII вв. и начало XVIII в. Причиной возникновения этих изменений стало разрушение основ феодального общества на Западе. В этот период социальное партнерство зачастую подменяется идеей «общественного договора».

Одним из первых, об общественном договоре заявил Т. Гоббс. Он полагал, что люди всегда стремятся к власти и деньгам, привилегиям и благам, чтобы избежать хаоса необходимо заключение общественного договора (правил, которых люди согласны придерживаться для всеобщего блага).

Сторонники теории общественного договора считали, что государство возникло в результате договора между людьми, в котором предусматривался добровольный отказ отдельных лиц от части их естественных прав в пользу государственной власти. «Общественный договор – это обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства»⁵. Идея общественного договора нашла свое отражение в работах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбаха, Д. Дидро, Ш. Монтескье и других мыслителей эпохи Просвещения. Их идеи базировались на том, что «общественный договор» это условие формирования согласия и мира в обществе. В этот период, социальное партнерство понимается как условие формирования правового государства. Во многом он определялся идеальными представлениями о развитии общества.

Третий этап начинается с конца XVIII в. и заканчивается в первой половине XIX в. В этот период усложняется социальная стратификация общества и увеличивается роль государства в регулировании общественных отношений. Социальное взаимодействие базируется на соглашениях между сторонами, где каждая получает выгоду. Социальное партнерство может базироваться на «экономических санкциях и привилегиях» (А. Смит), на «органическом единстве всего человечества, связанного общим согласием, характеризующееся согласованностью функций всех его структурных элементов» (О. Конт), на «исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся в процессе совместной деятельности» (К. Маркс), на «взаимодействии людей, являющееся продуктом ориентированных на других людей действий» (т.е. социальных) (М. Вебер).

В работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» показано, какие материальные факторы и идеи могут сблизить социальные слои, имеющие различные интересы под влиянием общественного разделения труда. Нерегулируемость отношений между классами и профессиональными группами является социальной патологией. По мнению М. Вебера, ценности и нормы определяют социальную структуру общества, формируя экономическое поведение человека, политические рамки развития, повседневный уклад жизни и т.д. В этот период происходит переход от «идеальных» моделей общественного развития и в том числе социального партнерства к реальным социальным практикам, которые изменяют жизнь целых классов.

Четвертый этап стал формироваться в середине XX века после появления новых теорий общественно-го развития: «индустриального об-

щества», «постиндустриального общества», «постмодернизма», «информационного общества» и проч. Т. Парсонс полагал, что согласие и консенсус являются обязательными условиями функционирования системы. Его концепция «социального действия» стала классической.

На этом этапе, социальное партнерство стало рассматриваться в контексте развития гражданского общества. Идеи, Д. Беллаб, обозначившие качественное изменение жизни людей в XX веке привели к новому осмыслению и выстраиванию отношений между разными социальными институтами. Взгляды А. Турена⁷, относительно социального взаимодействия индивидов, строящегося на социальных и культурных рамках, а не на экономических условиях определяют формы общественных отношений особенно в периоды социальных изменений. У. Бек⁸ говорит об «обществе риска» и «информационном обществе» как новой ступени выстраивания социальных отношений, где старые «законы» уже не действуют, поэтому, необходимо выработать новые. К. Ясперс, К.-О. Апель и Ю. Хабермас, У. Эко⁹ и др. акцентируют значение коммуникации, консенсуса, способов человеческой свободы, справедливости, солидарности, иначе говоря, «социального порядка» в условиях «нового информационного порядка».

Другие ученые, полагают, что благодаря социальному партнерству формируется сама социальная ткань общества. В терминологии Ю. Хабермаса это приобретает форму «коммуникативной рациональности», где взаимодействие между акторами обуславливает саму структуру общества; в теории П. Бурдьё – это «социальные поля», в рамках которых закладываются законы развития общества; в работах Э. Гидденса данный принцип выступает «интерсубъективным дискурсом», где соци-

альный мир и коммуникации рожают социальную ткань; или же у Н. Лумана это выражается в теории «социальных систем».

В конце 80-х концепция социального партнерства стала активно разрабатываться и в России. Связи бизнеса с правительством являются предметом исследования С. Ю. Барсуковой, В. Ф. Уколова, Ф. И. Шамхалова, А. А. Яковлева, Д. Вилсона и др. 10

Итак, существует несколько трактовок понимания социального партнерства: как конструктивное сотрудничество между трудом и капиталом (Д. С. Милль), соглашение, основанное на гармонии интересов социальных субъектов (Г. Зиммель), условие достижения определенного баланса между собственниками и рабочими (Э. Бэрнштейн), механизм согласования частных, групповых интересов работников и работодателей ради блага общества, важное экономическое условие успешного экономического развития (Л. Эрхард) и др.

Указанные выше виды социального партнерства могут осуществлять бизнесом в различных формах: 1) как непосредственная помощь нуждающимся организациям, людям (детям, школам, больницам); 2) как организация рабочих мест и выплата заработной платы сотрудникам (чтобы они могли создавать семьи, воспитывать и учить здоровых детей) – косвенное влияние; 3) выполнение функций социальной защиты, когда государство не справляется со своими обязанностями, возникают новые сферы экономического развития (частные школы, детские сады и больницы), где существуют льготные программы и их услугами могут пользоваться не только состоятельные люди. Иными словами, социальная ответственность бизнеса выражается в прямых и косвенных инвестициях в общественное устрой-

ство. Более подробно представлено в исследовании Полюшкевич О.А., Трескина П.А. и Кобжицкого А.В. 11

Следует говорить о выстраивании социального партнерства между государством и работодателем выражающийся в уходе от «серых схем» выплаты налогов, от «черной» заработной платы сотрудников, а также, социального партнерства между бизнесом и социальными группами для профилактики последующих проблем (работа с причинами пополнения детских домов, больниц и т.д.).

В научной сфере современной России, изучение социального партнерства имеет две направленности: первая – как способ решения трудовых конфликтов (В. А. Михеев, М. А. Шабанова, В. И. Франчук и проч.) и вторая – как возможность межсекторного взаимодействия (В. А. Зими́на, В. Н. Якимец, Л. И. Никовская, Е. М. Осипов и т.д.).

Главная задача любого правительства – организовать функционирование всех институтов таким образом, чтобы они могли взаимодействовать и без прямого вмешательства власти. Любые социальные обязательства – это расходы государства, если расходы кто-то берет на себя, то государство только выигрывает. Но проблема в том, что в современном российском обществе не выстроен процесс взаимообмена, соглашения между государством и бизнесом, следствием этого является неопределенность функций, которые может взять на себя бизнес, не ясны условия при которых он будет максимально заинтересован в выполнении взятых на себя обязательств. Возникающие посредники (некоммерческие организации) не вызывают полного доверия ни у власти, ни у бизнесменов. У первых, потому что требуют для себя особых условий (в налогах, соглашениях, проектах), но не дают детального анализа использования государ-

ственного ресурса; у вторых, потому что просят денег, но не предлагают прозрачных схем их траты.

Данные противоречия, вопросы и задачи обсуждаются современными учеными с разных позиций, которые определялись как методологической позицией исследователя (М. К. Горшаков, А. А. Лебедев, С. П. Перегудов, В. А. Михеев и др.¹²), так и социально-экономическими условиями развития общества (М. А. Шабанова, Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова, А. В. Виленский, А. Е. Чирикова и проч.).

Основными методами исследования выступали следующие.

- *Экспертное интервью* участников социально-экономического взаимодействия современного российского общества. Нами были опрошены руководители малых и средних предприятий, различных форм собственности. С представителями бизнеса было проведено 46 интервью.

- *Контент-анализ*, позволивший более глубоко проанализировать интервью руководителей бизнеса. Данный метод позволил выделить смысловые символические блоки, базирующиеся на экономических расчетах, политической ситуации, культурных особенностях определяющих потенциал интеграции данного социального сегмента.

- *Транс-символический анализ* направлен на выявление символических характеристик изучаемых категорий (выделенных в результате контент-анализа) через когнитивные, аффективные и деятельностные символы. Структура символической триады конкретна и верифицируема, отражает комплексное единство символов, формирующих определенную коннотацию представлений руководителей бизнеса о межсекторном взаимодействии.

Таким образом, полученная информация позволила создать раз-

вернутую интерпретационную карту межсекторного взаимодействия, которая была дополнена статистической информацией и различными научными исследованиями последних лет.

Анализ результатов исследования

Бизнес и общество

Вопрос влияния общества на законы бизнеса или законов бизнеса на общественное развитие является дискуссионным. Мнения наших респондентов разделились на два лагеря. По мнению 56% опрошенных нами руководителей законы рынка и рыночных отношений формируют общественное развитие и 46% полагают, что общественное развитие определяет развитие рынка.

Как ни парадоксально, социальные завоевания и гарантии, достигнутые социализмом в СССР были гораздо более успешны и принимаемы обществом, чем принципы современной демократии, усугубляющие неравенство, социальную разобщенность и дезинтеграцию. Социальная политика таких европейских государств как Швеция, Швейцария, Финляндия и т.д. предполагает высокие налоги, но и очень высокий уровень жизни всего общества. Государственная политика этих стран использует потенциал бизнеса на благо всего общества. В России же, распределение получаемых налогов вызывает больше вопросов и население, не чувствует особых изменений в своей жизни в лучшую сторону, за последние 10 лет¹³.

Из ответов руководителей малого и среднего бизнеса можно обозначить основные функции, выполняемые предпринимателями в обществе. Социальная ответственность может формироваться с двух сторон: со стороны общества в виде ожиданий и требований к бизнесу и со стороны бизнеса по отношению к обще-

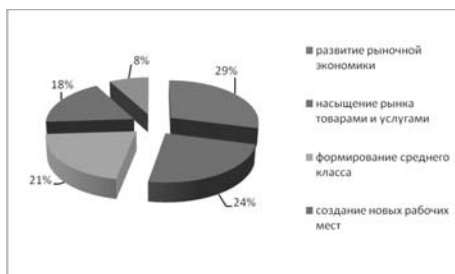

Рис. 1. Долевое распределение мнения руководителей о целях бизнеса

ству – со своими ожиданиями и условиями. Руководители полагают, что бизнес способствует «развитию рыночной экономики» (29%), «насыщению рынка товарами и услугами» (24%), «формированию среднего класса» (21%), «созданию новых рабочих мест» (18%), «формированию социальной безопасности общества» (8%). Эти параметры позволяют судить о качественных характеристиках социальной ответственности бизнесменов (рис. 1).

Социальная ответственность – очень широкое понятие. С одной стороны это деятельность бизнеса в сфере политики и экономики, культуры и образования, искусства и досуга и проч. С другой стороны это помощь в организации программ социальной политики в ресурсном обеспечении, оказании различных услуг, материальной помощи и прочих благ населению района, города, страны.

Для одних социальная ответственность принимает форму юридической ответственности компании за свою продукцию или услуги, для других это синоним законности, для третьих это социально-ответственное поведение в этическом или моральном аспектах, для четвертых это каузальная «ответственность за ...», для пятых это социальная сознательность бизнесменов, для шестых это основанная на общественном доверии обязанность, требование высо-

ких стандартов поведения бизнеса в целом¹⁴.

Мы понимаем под социальным партнерством добровольный вклад бизнеса в общественное развитие, а не по требованию закона (в любой сфере общественной жизни). Социальное партнерство может возникнуть только тогда, когда есть желание у руководителей организации что-то изменить в обществе, не только заработать денег для себя, но и оставить что-то потомкам, помочь последователям, а может будущим конкурентам в первых шагах. Социальное партнерство – это тонкий инструмент сочетания личных и общественных интересов.

В ходе опроса мы интересовались у руководителей компаний, как они понимают термин «социальное партнерство». Мы выделили несколько типов его понимания.

Первый тип – *общегуманитарный* (15%), предполагающий включение и активизацию гуманных и общечеловеческих ценностей и норм. Ответы, относящиеся к этому типу давали директора компаний, имеющих штат выше 50 человек и занятых как правило в сфере услуг (торговля землей, реклама, консалтинг).

Второй тип – *социально-прагматичный* (29%), строящийся на выгоде бизнес-структур в общественном благоустройстве. Для этой группы, социальная ответственность это бизнес стратегия, которую необходимо использовать в своих интересах. Именно в этом направлении и развивается их бизнес. Высокая социальная репутация влияет на инвестиционную привлекательность и имидж компании. Данные ответы характерны для крупных компаний региона – сотовая связь, нефтяная компания.

Третий тип – *филантропический* (11%), исключающий экономические выгоды в пользу социального развития. Упрощенное понимание социальной ответственности (богатые

Таблица 1
Сравнение понимания термина «социальная ответственность бизнеса» руководителями предприятий

Группа	Ассоциации	Процент
Общегуманитарный	"социальная ответственность за свой бизнес - это основа социальной ответственности в обществе", "если есть социальная ответственность за свой бизнес, то выстраивать с другими социально-ответственный партнерский бизнес также будет возможно", "ответственность бизнеса перед обществом"	15%
Социально-прагматичный	"взаимодействие различных социальных институтов для достижения общей цели", "социальная ответственность - это хорошая реклама, которая на тебя работает, да же когда ты ничего не делаешь", "ответственность бизнеса за территорию, где расположено предприятие", "ответственность бизнеса перед обществом", "участие в общественной жизни города помогает создавать имидж и узнаваемость компании", "баланс коммерческих и социальных интересов"	29%
Филантропический	"единая работа без коммерческой выгоды", "работа на благо общества без получения прибыли", "работа во благо всех"	11%
Прикладной	"спонсорство", "помощь бизнеса малоимущим", "помощь немощным", "благотворительность", "меценатство"	16%
Этический	"моральная ответственность", "человечность", "честность", "справедливость", "толерантность", "этика", "порядочность"	15%
Социальные гарантии	"охрана труда", "социальный пакет", "страховка", "корпоративная культура"	14%

должны делиться). Ответы, относимые нами к этой группе, давали руководители малых предприятий, в штате которых 3-5 человек (ателье, парикмахерская, продовольственные магазины).

Четвертый тип – *прикладной* (16%), предполагает конкретные виды социальной ответственности, не акцентируя внимание ни на экономических, ни на социальных благах. Ответы руководителей, называющих характеристики этой категории, носили общий характер, они скорее говорили о предпринимателях прошлого (дореволюционных), кто занимался такого рода деятельностью, но к себе они ее не относили.

Пятый тип – *этический* (15%), включает морально-ценностный кон-

текст опосредованный религией и моралью нашего общества, в котором необходимо помогать «сырым и убогим». Руководители, выбирающие данные ответы как правило помогают какому-то детскому дому, школе, больнице и т.д. Это директора средних предприятий с численностью персонала 30-100 человек, имеющих разветвленную структуру бизнеса (множество точек). Как правило это торговые компании.

Шестой тип – *социальные гарантии* (14%). Данную категорию выбрали руководители разных компаний, но отличием их ответов было в том, что для них социальная ответственность – это ответственность перед своими сотрудниками, а не перед обществом вообще. Как они полага-

Таблица 2
Групповые и индивидуальные мотивы социального партнерства

Мотив	Групповой	Индивидуальный
"Принадлежность"	- солидарность с теми, "кто может", - групповая ответственность, - единство духовных принципов	- известность, - уважение, - признание, - желание быть полезным обществу, - проявление сострадания и милосердия
"Работа"	- групповые достижения, - социальная ответственность, - "социальная реклама" предприятия (имидж), - ответственность за свой коллектив, - ответственность за общественное развитие	- реализация профессионального опыта, - дополнительный смысл жизни, - особое значение своей работы
"Служение"	- изменение общественного развития, - увеличение социальных сетей взаимодействия	- необходимость самореализации, - профессиональный рост, - потребность изменить мир, - новые знания и навыки.

ют – всему обществу помочь просто невозможно, можно заботиться только об отдельных его членах, в частности о своих сотрудниках. Они не видят реальной поддержки государства, т.к. нет связи между отданными государству деньгами в виде налогов и получаемых от государства результатов.

В табл. 1 представлено сравнение понимания социальной ответственности бизнеса руководителями разных компаний.

Респонденты указывают не так много форм социального партнерства, которые им известны. А именно, социальная ответственность выражается во «взаимодействии с властью и НКО для решения общих социальных задач» (37%), «ответственное поведение перед клиентами» (22%), «ответственное поведение перед сотрудниками, через предоставление социального пакета» (18%), «благотворительные проекты» (15%), «прозрачность бизнеса» (8%).

На основе всех полученных ответов, мы можем также выделить групповые и индивидуальные мотивы руководителей в области социального партнерства. Групповые мотивы строятся на двух началах. Первое – это желание сформировать определенный имидж организации, повышение узнаваемости и оценок общественного мнения о компании. Второе – это возможность изменить окружающий мир. Индивидуальные мотивы строятся либо на личном развитии (через духовную или профессиональную сферу реализации), либо на личной амбициозности (приобретении уважения, известности, признания через различные формы социального партнерства). В общем контексте это соответствует потребности в социальной защищенности представителей бизнеса, что совпадает с данными полученными Полюшкевич О.А.15 Более подробно данные представлены в табл. 2.

Интересно возрастное распределение мотивов социального парт-

Таблица 3
Оценка деятельности социальных институтов способствующих или мешающих развитию бизнеса в России

<i>Социальные институты</i>	<i>Оценка От - 10 до + 10</i>
Круг директоров	+9
Личные связи	+7
Финансовые институты (банки, фонды, негосударственные фонды и другие частные заемные деньги (личные))	+5
Президент	+4
Надзорные органы (СЭС, пожарники)	+3
Семья	+2
Общественные организации	+1
Религия	0
Депутаты	-2
Налоговая инспекция	-4
Система профессиональной подготовки	-4
Правоохранительные органы	-5
Губернатор	-6

нерства среди руководителей. Мотив «принадлежность» характерен для молодых руководителей от (20 до 35 лет) и выражен у 67% респондентов, у руководителей среднего возраста (36-50 лет) он выражен в меньшей степени (22%) и в старшей группе руководителей (51 год и старше) он представлен только у 11% респондентов. Данный мотив позволяет молодым бизнесменам показать себя, присоединиться к определенной социальной группе людей, показать свою причастность через участие в различных формах социальной ответственности. В большей степени это не внутренняя потребность, а осознанный выбор стратегии социального партнерства. Мотив «работа» в большей степени распространен в средней и старшей возрастных группах. В старшей 45%, в средней 38% и с младшей всего лишь 17%. Мотив «служение» также преобладает в старшей группе 44%, в средней 40% и с младшей 16%. Доминирование мотива «работа» и «служение» в старших и средних возрастных группах руководителей предприятий определяется их женственным опытом и теми ценностями и целями, что остались для них акту-

альны. Социальное партнерство далеко не для всех остается инструментом достижения цели, это способ найти новые точки самовыражения и развития, где личные и профессиональные цели и навыки играют далеко не последнюю роль. В целом, такое распределение вполне согласуется с ценностными ориентациями и жизненным опытом представителей разных возрастов руководителей.

Руководителям предприятий было предложено оценить по шкале от «-10» до «+10» деятельность различных институтов, способствующих или мешающих развитию бизнеса в России. Полученные данные представлены в табл. 3.

Как видно из таблицы, самые негативные оценки приходятся на работу представителей различных уровней власти: губернатор (-6), правоохранительные органы (-5), депутаты (-2). Налоговая инспекция также оценивается негативно (-4). И различного уровня институты образования и профессиональной подготовки воспринимаются негативно (-4), как несоответствующие требованиям сегодняшнего дня. Практически вся власть на местах, с кем непосредственно сталкиваются в повсед-

невной работе руководители, оценивается негативно.

Лишь Президент (+4), надзорные органы (+3) и различного рода финансовые институты (+5) оцениваются позитивно. Высокая позитивная оценка оказывается у тех институтов, которые заботятся о своем имидже и это является результатом работы имиджмейкеров и PR-щиков, а не личной оценки бизнеса. И у простого населения, и у представителей бизнеса формируется разрыв восприятия власти – той, с которой они взаимодействуют на местах и той, что стоит выше. Лишь непосредственное взаимодействие с муниципальной и региональной властью дает реальную оценку ее деятельности, непосредственное не взаимодействие с верховной властью дает ее более позитивную оценку (это особенности человеческого восприятия). Но это говорит лишь о кризисе системы: власть на местах – отражение власти в более высших кругах.

Это утверждение подтверждает и то, что самые высокие оценки получили те социальные институты, которые не были указаны в основном списке и которые руководители добавляли сами. Это «личные связи» (+7) и «круг директоров» (+9). Эти институты называл каждый второй участник исследования, что может говорить лишь о том, что экономика РФ еще не вышла в полной мере на рыночные отношения и личные отношения и связи доминируют в установлении партнерских отношений, а институциональные рычаги остаются формальными регуляторами отношений.

Взаимодействуя с местной властью, бизнес вынужден либо бороться с ней (о чем показывают низкие баллы по оценке ее деятельности), либо адаптироваться (стараясь всячески избегать с ней контактов). Ни в первом, ни во втором случае говорить о создании межсекторного взаимодействия не приходится.

Минимально позитивно оценивается также роль общественных организаций (+1), что может заложить основу новых отношений между властью и обществом в будущем. Оценка семьи, как позитивного фактора, влияющего на развитие бизнеса (+2) объясняется тем, что зачастую, бизнес начинается с семейного или личного капитала, сформированного в семье. Хотя, он далеко не для всех является опорой и ресурсом. При этом, 66% руководителей хотели бы, чтобы их дети продолжили их бизнес, 20% хотели бы чтобы их дети открыли свой бизнес и лишь 14% заявили о том, что не хотели бы чтобы их дети занимались бизнесом. Можно предположить, что дети современных предпринимателей будут в более комфортных условиях начинать или развивать бизнес отцов, что безусловно, будет позитивно отражаться на социальной ответственности бизнеса, при условии, что общеполитическая ситуация в нашей стране кардинально не изменится.

Утрата религиозности, религиозного сознания влияет на нулевую (0) оценку роли религии в развитии бизнеса, тогда как в странах Запада, место и роль религии входит в десятку ключевых факторов развития бизнеса. Эту закономерность прослеживают от времен М. Вебера¹⁶, впервые ее заметившего, и до настоящего времени¹⁷. Таким образом, общество, власть и бизнес идут в тесной взаимосвязи непростых отношений, во многом определяемых политикой государства и непосредственно исполняемой на местах его прямыми представителями (политиками и чиновниками).

Бизнес и власть

Отношения между государством и бизнесом сложны и непредсказуемы. Власть, в лице муниципальных, региональных и федеральных органов власти ведет неоднозначную по-

литу. Формально, различные институты власти поддерживают малый и средний бизнес¹⁸, на деле, эта поддержка является либо фиктивной, либо формальной.

О том, что есть программы поддержки властью малого и среднего бизнеса, говорят 82% руководителей, 12% утверждают, что их нет и 6% затруднились с ответом. Но то, что они не применимы для их собственного бизнеса обозначили все респонденты. Причины «несоответствия» вызваны либо «экономической фиктивностью» (предлагаемые суммы ничтожны для развития и поддержки бизнеса) (48%), либо «формальным распределением» (до простых бизнесменов эти деньги не доходят, т.к. перераспределяются «по знакомству» или «по родству») (25%), либо «неприемлемостью условий» (16%), либо «сферой деятельности, не финансируемой программой» (11%) (рис. 2).

Использовали эти программы в своей работе только 12% руководителей и знают, что их знакомые использовали данные программы 35%, но все они говорят об их неэффективности (опираясь либо на свой личный опыт, либо на опыт своих знакомых). Рассмотрим более подробно причины несоответствия.

«Экономическая фиктивность» является основным отталкивающим фактором в участии в государственных программах поддержки малого и среднего бизнеса. Руководители организаций приводят примеры, из личного опыта или опыта своих знакомых, о ничтожности выделяемых средств на государственную поддержку бизнеса. Например, один из руководителей, состоящих в фонде поддержки малого предпринимательства в городе Ангарске говорит, что «в бюджет целого города на поддержку бизнеса заложено 500 000 рублей, я – владелец небольшой сети ателье и каждые 3-4 года обновляю

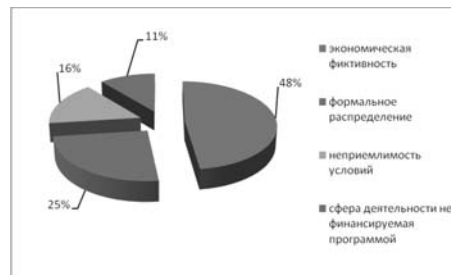

Рис. 2. Причины неприемлемости программ поддержки малого и среднего бизнеса

оборудование, на это у меня уходит 1 000 000 - 1 500 000 рублей, распределять эти малые деньги между несколькими участниками бизнеса смешно, если даже для одного бизнеса – это ничтожно малая сумма». Другой пример, руководитель компании говорит, что в рамках программы поддержки малого и среднего бизнеса указано, что «молодые предприниматели, могут получить субсидию на погашение арендной платы, наша типография решила этим воспользоваться, в итоге, после 8 месяцев собирания справок и их подтверждения – за два года аренды мы получили скидку в 17 000 рублей, я бы больше заработал, если бы мои сотрудники не справки собирали, а занимались своими непосредственными обязанностями». Еще один пример, «мои знакомые участвовали в этой программе, но из-за малого финансирования, особо на их бизнес это не повлияло, больше бюрократической волокиты вышло». Иными словами, все кто сталкивается с государственной программой поддержки бизнеса, по факту в ней разочарованы, т.к. средства закладываемые в бюджеты разного уровня недостаточны для ведения и тем более расширения бизнеса.

«Формальное распределение» – эту причину указывали также довольно часто, объясняя это тем, что рядовые руководители бизнеса не получают реальных возможностей использования всех выгод данной

программы, эту возможность имеют только «свои» люди. Например, «Инициатива власти уходит в руки «своих», «Государственные программы поддержки малого бизнеса существуют только для отписки, в реальности – каждый выживает сам», «Везде есть «свои люди» – вот они и получают то, что можно получить, а для простых бизнесменов – это куча бюрократической волокиты и сомнительный результат» и т.д.

«Неприемлемость условий» отражена в ответах руководителей тогда, когда они акцентируют свое внимание на затратах времени, потраченных на оформление заявки, на бюрократии или тех обязательствах, что они должны выполнять участвуя в этой программе. Например, «Сложно участвовать в таких программах, потому что заявки рассматриваются долго, проще найти средства для развития из других источников, те же банки более мобильны», «Оформление заявки и ее прохождение по конкурсу – это две разные истории, слишком много бюрократии – овчинка выделки не стоит», «В этих программах – себе дороже участвовать, денег не так много, а бюрократии и формальной отчетности – очень много, к тому же, на тебя взваливают ненужные никому социальные обязательства (помощи и поддержки других предпринимателей, участия в социальных программах). Если мне надо, я сам найду кому и как мне помочь, а так меня к этому обязывают – это неправильно».

«Сфера деятельности, не финансируемая программой» – эту причину указывали те, у кого есть знакомые кто так или иначе пользовался данным видом поддержки. Но следует признать, все приводимые в данной категории примеры, это определенные секторы экономики, для которых выделены отдельные статьи финансирования. Например, «в сельском хозяйстве есть такие программы и

они эффективны», «в фермерстве эффективные программы реализуются».

Совсем иначе, руководители предприятий оценивали банковскую поддержку развития бизнеса. Конечно, высокие процентные ставки многих отталкивают, но кредитами на развитие бизнеса взятыми в банках пользовались 92% опрошенных. Руководители объясняют свою позицию так: «работая с банками – ясно, сколько, когда и на каких условиях тебе дают денег и сколько и когда ты должен вернуть», «с банками работать удобно, если еще процентная ставка нормальная и дело идет в гору – никаких проблем нет», «с банками работать удобно, потому что схема ясна – что от тебя хотят, с властью – работать трудно, т.к. не знаешь, чем это может для тебя обернуться».

На основе вышесказанного, можно заключить, что выстраивание межсекторного взаимодействия должно идти со стороны власти. И программы поддержки молодых предпринимателей, не должны ограничиваться 60 000 – 200 000 рублей¹⁹, а иметь более обширный пакет. А также, включать не только предоставление субсидий, но и послабление налогового бремени, только в этом случае, поколение молодых предпринимателей может быть более открыто для взаимодействия.

Оценивая ответы руководителей малого и среднего бизнеса, при помощи транс-символического анализа мы выделили ключевые символические триады, отражающие отношение руководителей к поддержке и развитию их бизнеса властью и банками. Всего нами было выделено 65 дефиниций, на основе которых были выделены символические триады (более подробно см. табл. 4).

Итак, современные руководители больше опираются на банки, берущие больше процентов и ставящие вои условия погашения кредитов, но эти

Таблица 4

Символические триады отношения руководителей к поддержке и развитию их бизнеса властью и банками (в %)*

* В символических триадах указывались наиболее часто встречаемые смысловые нагрузки, отражающие значение отношения руководителей к поддержке и развитию их бизнеса властью и банками.

Возрастные группы руководителей бизнеса	Отношение к поддержке малого и среднего бизнеса властью	Отношение к поддержке малого и среднего бизнеса банками
18-30 лет	"взаимодействие (69) - возможное (65) - неактивно (62)"; "ресурс (64) - потенциальный (61) - имеется (58)"	"поддержка (82) - реальная (78) - развивает (77)"; "перспектива (80) - возможная (78) - развивает (75)"
31-40 лет	"ресурс (67) - активный (63) - не умножается (60)"; "возможность (65) - реализуемая (64) - неэффективна (63)"	"возможность (78) - потенциальная (75) - обеспечивает (73)"; "шанс (77) - реальный (75) - используется (70)"
41-55 лет	"возможность (62) - слабая (60) - не используется (57)"; "объединение (55) - сильное (50) - невозможно (47)"	"возможности (76) - постоянные (72) - имеются (65)"; "финансы (69) - активные (67) - предлагаются (65)"
56 лет и старше	"сила (55) - активная (48) - не используется (47)"; "развитие (52) - объединенное (46) - нереально (43)"	"деньги (73) - заемные (71) - работают (66)"; "ресурсы (64) - активные (60) - преумножаются (57)"

условия и трепания понятны и ясны, чем на власть, требования которой переменчивы, результаты взаимодействия – сомнительны и также эффективность под вопросом. В этих условиях, говорить о межсекторном взаимодействии очень сложно.

Как показал транс-символический анализ, ответы руководителей малого и среднего бизнеса, в деятельности оценки выстраивания отношений с властью, практически во всех случаях оцениваются через предлог или частицу «не», т.е. указывается некое явление или событие, которое заведомо ставится в нишу «невозможности», по разным причинам. Оценивая перспективы и возможности выстраивания отношений с банками – оценка прямо противоположная. В данном случае более реально говорить о сотрудничестве на оговоренных условиях, нежели чем в отношениях с властью. На это также указывает более позитивный кон-

текст употребления символических категорий, выражающих отношения с банками, нежели чем с властью.

Как видно из таблицы, чем более старшего возраста руководитель, тем больше он осторожен с властью, впрочем, недоверие банкам также усиливается с возрастом (хотя и не так сильно). Вероятно, сказывается личный жизненный опыт, когда власть забирала и меняла не раз свои обязательства, также как и банковская система рушилась (дефолты и девальвации для более старших групп респондентов не являются книжной истиной, они – реальность) и это делает их более осторожными в принятии решений. Руководители старшего поколения взаимодействуют с властью, если там включаются личные связи, сформированные в прошлом (совместная работа в партии, обучение в университете, совместная работа на государственных предприятиях и т.д.), т.е. исполь-

зуется личный ресурс взаимодействия.

Более молодые руководители, чаще готовы прибегать к услугам банков, менее боятся рисковать, а вот с властью они не менее осторожны, хотя и чаще пользуются возможностями взаимодействия с ней. Молодые предприниматели взаимодействуют с властью, опираясь не на личные связи, а на официальные, открытые линии взаимодействия. Т.к. личного связей еще может и не хватать, для поддержки этого ресурса (власть-бизнес), возможно только зарекомендовать себя с позитивной стороны и выстроить «свои» отношения.

Помимо этого, «особые» отношения с властью вызваны и другими факторами. Например, более 65% руководителей указали, что за последние три года нарушались законные права их предприятий. Половина из них (32%) приходится на нарушения местных органов власти и 33% на нарушения федеральных органов власти. Давление государства на бизнес все усиливается. Скрытое вымогательство, шантаж и прочие противоправные действия в адрес их компаний за последние три года указали 82% руководителей малого и среднего бизнеса. Респонденты также отмечают рост числа проверок различными инстанциями, увеличение налоговых ставок и прочие санкции, препятствующие развитию бизнеса.

Только 10% руководителей указали, что они отстаивали свои интересы в суде в споре с властями (нет ни одного выигранного процесса), остальные даже и не пытались решать через суд возникшие проблемы, выбирали или взятки, либо отказывались от возможности решить этот вопрос.

На прямой вопрос о том, в каких аспектах ваша компания взаимодействует с властью, большинство рес-

пондентов ответили – «в никаких» или «их нет» (75%), «в формальных» (20%), только 5% указали, что с некоторыми инстанциями в «партнерских», а в общем – «никак». Данные ответы говорят сами за себя. Если власть провозглашается межсекторное взаимодействие, то почему представители бизнеса предпочитают не взаимодействовать с властью?

Ответ можно найти в ответе на следующий вопрос о том, какие отношения сложились с властью у вашей организации. С властью у большинства руководителей и, соответственно, их компаний сложились директивные отношения со стороны власти (90%), партнерские указали лишь 10%. Таким образом, на сегодняшний день, власть и бизнес взаимодействуют либо формально, либо бизнес вынужден выполнять условия представителей власти. Происходит одностороннее давление, и говорить о взаимодействии между этими двумя социальными институтами приходится лишь условно. Данные отношения с уверенностью можно назвать кризисными.

Бизнес и некоммерческие организации

Большинство руководителей полагают, что объединение бизнеса между собой и другими институтами для решения общих социальных задач невозможно (81%). Каждый сам за себя. Они объясняют это тем, что «нет понятных механизмов взаимодействия и осуществления данных проектов», «нет уверенности в партнерах», «нет уверенности во власти», «НКО не вызывают доверия» и т.д. Иными словами, представители бизнеса указывают на отсутствие прозрачных схем работы. Те же, кто участвуют в различных акциях и формах социальной ответственности, предпочитают их организовывать сами. Они создают собственные некоммерческие фонды и организации,

занимающиеся благотворительной и меценатской деятельностью.

В этом и кроется одна из проблем современных НКО, что они не могут предоставить инструменты и схемы проведения всех необходимых операций, удовлетворивших бы вопросы руководителей. Власть также действует в рамках своих интересов и приоритетов, не оставляя для бизнеса свободного и открытого участия в проектах.

Только 8% сказали что это возможно и мало этого, лично они этому способствуют, участвуя в различных консорциумах, фондах, площадках и проч. Затруднились с ответом на данный вопрос 11% респондентов.

Для 63% руководителей, социальная ответственность бизнеса является неважным фактором (они ей не занимаются), для 29% она важна и время от времени они участвуют в различных проектах и 8% что активно участвуют в различных социальных проектах (в большей части ими самими и организованных). Объясняя свои ответы, руководители говорили о том, что именно «их» сфера бизнеса мало пригодна для социальной ответственности. Этим должен заниматься крупный бизнес, а не малый или средний.

Те предприниматели, кто не имеют своих фондов и НКО, помогают отдельным школам, детским домам, больницам и т.д. Но не перечисляя деньги, а делая самостоятельно закупки необходимой продукции (бинты, книги, ручки, одежду и т.д.).

Каждый институт, отстаивая свои интересы, выбирает для себя наиболее подходящие ниши для развития и формирования социальной ответственности. Сферы «интересов» выбирались по наиболее частым областям упоминания развития себя (саморазвитие) и предприятия (как внутри, так и во вне).

Для бизнеса, три доминирующие мотива выглядят так: прибыль (92%), уважение (83%), власть (79%). По

Рис. 3. Основные мотивы и интересы акторов межсекторного взаимодействия (в %) (по мнению руководителей бизнеса)

мнению руководителей предприятий для власти мотивы весьма схожи: власть (90%), уважение (88%), социальная значимость (80%); для НКО: социальная активность (91%), социальная защита (88%), социальная значимость (86%). Иными словами, власть и бизнес на мотивационном уровне гораздо больше связывает, чем разъединяет. Отличия кроются лишь в формальном статусе. НКО же обладает иной внутренней мотивационной картиной (см. рис. 3).

Оценивая свои интересы и мотивы других участников взаимодействия, руководители показали всю пестроту и противоречивость картины. Анализ приоритетов, практик и правил деятельности акторов межсекторного взаимодействия, показал сильные и слабые стороны социальной ответственности.

Итак, проблемы формирования социальной ответственности бизнеса можно разделить на несколько групп: между властью и бизнесом, между бизнесом и НКО, между бизнесом и обществом и самоорганизация бизнеса. Но общим вопросом этих групп будет неясность принципов функционирования, соблюдения законности и открытого финансирования проектов, т.е. скорее формальные составляющие, а не какие-либо загадочные препятствия и проблемы.

Примечания

1 Исследование выполнено в рамках гранта Президента МК-480.2013.6 «Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерный аспект» (руководитель - к.ф.н., доцент - О.А. Полюшкевич), а также при поддержке Государственного контракта № 16.740.11.0421 Федеральной целевой программы Минобрнауки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010-2012 г.г.), исследовательский проект «Ресурсы консолидации российского общества: институциональный анализ» (Руководитель проекта – д.ф.н., профессор О.А. Кармадонов).

2 *Новый Международный стандарт ООН в области бизнеса и прав человека / CSR – REVIEW* [электронный ресурс] URL: <http://www.csr-review.net/novyiy-mezhdunarodnyiy-standart-oon-v-oblasti-biznesa-i-pravcheloveka> (дата доступа 09.09.2011).

3 *Платон*. Соч. в 4 томах. М.: Мысль, 1994. Т. 3.

4 *Аристотель*. Соч. в 4 томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4.

5 *Аузан А. А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. №3. С. 3-18.

6 *Bell D.* Resolving the contradiction of modernity and modernism // Society. N.Y., 1990. Vol.27, № 3. P.43-50; № 4. P.66-75; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.

7 *Турен А.* Возвращение человека действующего / Пер. с фр. Е. А. Самарской / А. Турен. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

8 *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализа-

цию / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

9 *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. 527 с.; *Назарчук А. В.* Ю. Хабермас и К.-О. Апель: два подхода к обоснованию теории общества в современной немецкой философии / Библиотека РГИУ / А. В. Назарчук. [электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/nasarchuk_ju/ (дата доступа 014.08.2013); *Усманова А. Р.* Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А. Р. Усманова. Мн.: ПроPILEI, 2000. 200 с.

10 *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика. Курс лекций: Учеб. пособ. / С. Ю. Барсукова, 2009. 355 с.; *Уколов В. Ф.* Взаимодействие власти, бизнеса и общества / В. Ф. Уколов. М.: Экономика, 2009. 622 с.; *Шамхалов Ф. И.* Государство и экономика. Власть и бизнес / Ф. И. Шахматов. М.: Экономика, 2008. 388 с.; *Яковлев А. А.* Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике / А. А. Яковлев // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1. С. 27-52.; *Wilson G.* Business and Politics: a Comparative Introduction. N.-Y., 2003. 238 p.

11 *Полюшкевич О. А.* Бизнес и власть: основы гражданской консолидации / О. А. Полюшкевич, П. А. Трескин, А. В. Кобжицкий // Дискуссия. 2012. №6 (24). С. 94-101.

12 *Михеев В. А.* Основы социального партнерства: теория и политика. Учеб. для вузов / В. А. Михеев. М.: Экзамен, 2001. 448 с.

13 *Жизнь в человеческом и других масштабах / ВЦИОМ* [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111832> (дата обращения 14.08.2013).

14 *Votaw D.* The nature of social responsibility / D. Votaw and S. P. Sethi (eds), The Corporate Dilemma:

Traditional Values and Contemporary Problems, Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ, 1973. 256 p.

15 *Полюшкевич О. А.* Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии / О. А. Полюшкевич // Социологические исследования. 2012. №12. С. 66-71.

16 *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

17 *Зарубина Н. Н.* Религиозные ориентации постсоветского предпринимательства / Н. Н. Зарубина [электронный ресурс]. URL: <http://refernaх.ru/17/dok.php?id=00085> (дата обращения 14.08.2013).

18 На сегодняшний день действует Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ о развитии малого и среднего бизнеса / Консультант [элект-

ронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=52144> (дата обращения 14.08.2013). На сайте «Государственная поддержка малого бизнеса» изложены все государственные программы, реализуемые под данным названием на территории России (Государственная поддержка малого бизнеса [электронный ресурс]. URL: <http://www.opora-credit.ru/programs/> (дата обращения 14.08.2013); Информационный портал поддержки малого и среднего бизнеса Иркутской области [электронный ресурс]. URL: <http://www.irbp.ru/> (дата обращения 14.08.2013) и т.д.

19 Государство поддержит молодых предпринимателей / Проект «Эрда». Новости. [электронный ресурс]. URL: <http://erdu.info/3318> (дата обращения 14.08.2013).

Система управления организацией: концептуальные определения и методы

Кравченко К.А.

В статье освещаются исходные понятия системы управления современной организацией и концептуальные подходы, прежде всего социологические и экономические, к анализу структуры организации. Дается классификация методов управления организацией, освещается система сбалансированных показателей. Ключевые слова: субъект и объект управления, функции и задачи управления, методы управления, система сбалансированных показателей.

Kravchenko K.A.

The management system of the organization: conceptual definitions and methods

The article highlights the basic concepts of modern management organization and conceptual approaches, primarily sociological and economic, to the analysis of the structure of the organization. A classification of methods of management of the organization, highlighted the balanced scorecard.

Key words: subject and object management functions and tasks of management, management, balanced scorecard.

Управление выступает предметом изучения многих наук, в том числе и естественных. В самом общем виде управление предстает как целенаправленный, планируемый, координируемый и сознательно организованный процесс, способствующий достижению максимального эффекта при затрате минимальных ресурсов, усилий и времени. Управление представляет собой наиболее рациональный способ организации производительного труда. Его можно определить как целенаправленный, планируемый, координируемый и сознательно организуемый процесс, способствующий достижению максимального эффекта при затрате минимальных ресурсов, усилий и времени.

Организационная практика и управление имеют многовековую историю, однако научные теории в этой области являются ровесниками XX века. Именно в это время появляются основные теоретические исследования, научные принципы и модели организации, работы Фредерика Тейлора, Генри Файоля, Макса Вебера, Ренсиса Лайкерта, современные теории системного подхода, социальных систем, сетевых и «информа-

ционно базирующихся организаций», бихевиористские концепции.

Объект управления — это отдельный работник, бригада, цех, предприятие, на которые направлено управленческое воздействие. **Субъект управления** — это руководитель (менеджер), занимающий определенное место в иерархической организационной структуре, наделенный полномочиями, правами, властью над подчиненным ему персоналом, а также весь управленческий аппарат, формирующий и реализующий это воздействие. Между объектом и субъектом управления действует прямая и обратная связь, имеющая информационный характер. Прямая связь выражается в передаче объекту управления потока директивной информации. Обратная связь является результатом реагирования объекта управления на директивное воздействие и материализуется в потоке отчетной информации.

Функция управления — это особый вид управленческой деятельности, продукт процесса разделения и специализации труда в сфере управления, представляющий собой часть процесса управления, выделенный по определенному признаку. Наибольшее распространение получила классификация по общности предмета управления (качество, тру и зарплата, НТП, охрана труда) и производственных ресурсов (трудовые, материальные, технические, финансовые и др.), обычно выделяется от 10 до 25 функций.

Все функции управления реализуются через систему решения управленческих задач, которые могут быть классифицированы по различным критериям: значимости, сложности, трудности решения и т.д.

Комплекс задач является частью функции управления и выделяется по признаку основных функций (нормирование, планирование, учет, конт-

роль, анализ, регулирование). Комплекс задач объединяет совокупность задач, относящихся к конкретной функции, как правило, реализуется небольшим функциональным подразделением (отделом бюро, группой). Число комплексов задач составляет не более 200 для уровня предприятия. Например, планирование подбора персонала для предприятия.

Задача управления представляет собой совокупность организовано взаимосвязанных операций переработки информации, осуществляемых персоналом с помощью технических средств, результатом выполнения которых является принятие управленческого решения. Например, расчет потребности в персонале на год по предприятию. Задача является основным элементом процесса управления, а в ее реализации участвуют, как правило, несколько работников управления. В управлении предприятием решается несколько тысяч задач.

Организационная структура определяет состав и соотношение различных уровней в организации производства, а также формы этой организации. Она ориентирована на решение следующих задач: создание условий для производства и сбыта продукции и услуг при одновременном повышении уровня эффективности производства; обеспечение разработки, освоения и поставок на рынок новых видов изделий, а также быстрое реагирование на изменения, происходящие в производстве.

Под *производственной структурой* понимается состав и мощность производственных подразделений, их соотношение и формы взаимосвязи на каждом уровне организации производства.

Наиболее полную разработку категория организационной структуры получила у В.В.Щербины¹. Он полагает, что структура организации —

это способ строения внутренней среды организации; расположение, способ, устойчивая связь компонент и подсистем в организации. Она обеспечивает относительно устойчивую картину взаимодействий элементов организаций (подразделений, людей), придает деятельности и поведению людей в организации устойчивость и предсказуемость, снижает неопределенность, обеспечивает определенный уровень социального порядка в организации. Структура организации рассматривается как фактор, определяющий формы контроля в организации. В отличие от биологических, технических и физических систем, в которых жесткость и устойчивость структуры обеспечивается материальной природой объектов, в организации, структура формируется на основе воспроизводимых образцов взаимодействия и деятельности. Компонентом, придающим структуре устойчивость, выступает социокультурный компонент (правила, нормы, стандарты поведения и деятельности, социокультурные образцы, характеризующиеся различной степенью жесткости и формализации).

Организационная структура классифицируется по разным основаниям: целевой направленности подразделений (работников), специализации деятельности, квалификации работников, используемой технологии (образцы и способы деятельности), профессиональной дифференциации групп, иерархии власти, социально-демографическим характеристикам работников, степени централизации и т. д. Однако основу строения организации, как социальной системы, составляют формальная, неформальная и социально-психологическая структуры, различающиеся по направленности и степени устойчивости образцов поведения, которые, в совокупности, образуют структуру ее социальной организации.

По мнению Б.З.Мильнера, структура организации — это те фиксированные взаимосвязи, которые существуют между подразделениями и работниками организации. Ее можно понимать как установленную схему взаимодействия и координации технологических и человеческих элементов. Схема любой организации показывает состав отделов, секторов и других линейных и функциональных единиц². «Определение организации предусматривает необходимость формального координирования взаимодействия работников. Структура организации определяет, каким образом должны быть распределены задачи, кто докладывает и кому, каковы формальные координирующие механизмы и модели взаимодействия. Для нее характерны комплексность, формализация и определенное соотношение централизации и децентрализации. Комплексность рассматривает степень дифференциации в рамках организации. Она включает уровень специализации или разделение труда, количество уровней в иерархии организации и степень территориального распределения частей организации. Под формализацией понимаются заранее разработанные и установленные правила и процедуры, определяющие поведение работников. Некоторые организации минимально оперируют с такими стандартными директивами. Другие имеют все типы правил, инструктирующих работников по поводу того, что они могут и чего не могут делать»³.

Структура организации может быть определена по разным основаниям: целевой направленности подразделений (работников), специализации деятельности, квалификации работников, используемой технологии (образцы и способы деятельности), профессиональной дифференциации групп, иерархии власти, социально-демографическим ха-

Рис. 1. Методы управления.

рактикам работников, степени централизации и т. д. Однако основу строения организации, как социальной системы, составляют формальная, неформальная и социально-психологическая структуры, различающиеся по направленности и степени устойчивости образцов поведения.

В зарубежной литературе организационная структура является объектом пристального изучения и полемики, поскольку в ряде концепций (искусственно-рациональных) рассматривается как предмет проектирования. В других (естественных) - как продукт естественной социокультурной эволюции (Ф. Селзник), опирающийся на создание и освоение социокультурных образцов и институционализацию, в третьих как продукт перераспределения отношений авторитета (Р. Дарендорф) или как итог и равнодействующая разнонаправленных воздействий (давлений) разнородных социальных групп (М. Крозье). В одних концепциях ее возникновение связывается с состоянием внешней среды, в других — с состоянием внутренней среды иди целевой ориентацией организации. В ряде концепций (Ф. Селзник) она рассматривается как важнейший фактор обеспечения реализации институциональных целей организации, в других (Г. Саймон), как базовое средство, обеспечивающее предсказуемость в системе коммуникаций. Организационная структура, по определению Р. Дафта⁴, это группировка несколь-

ких индивидуумов в отделы и группировка отделов в организацию, что определяет формальные отношения, а также гарантирует эффективную коммуникацию, координацию, и интеграцию усилий отделов. Структура организации тесно связана с процессом ее развития и изменения.

Метод управления - это совокупность (система) управленческих приемов, способствующих обеспечению высокой эффективности деятельности организации. С помощью правильного выбора метода управления обеспечивается четкая организация процесса управления и всей производственно-экономической деятельности.

На практике применяются следующие методы управления:

- административные;
- экономические;
- социально-психологические;

Экономические методы управления — это совокупность мер, обеспечивающих рациональное использование экономических законов в управлении деятельностью. В их число входят приемы и способы воздействия на поведение исполнителей (как рядовых работников, так и менеджеров) с помощью конкретного соизмерения затрат и результатов (материальное стимулирование и санкции, финансирование и кредитование, зарплата, себестоимость, прибыль, цена) их деятельности.

Различают экономические методы управления на уровне государ-

ства и экономические методы управления на уровне предприятия (внутрифирменные методы).

Внутрифирменные экономические методы подразделяются на:

а) *коммерческий расчет*. Один из важнейших методов хозяйствования, направленный на соизмерение затрат и результатов, обеспечения прибыльности производства, для обеспечения рентабельности, распределение финансовых вложений и размещение производства, для обеспечения финансирования и кредитования, для развития технологий, для обеспечения политики, приобретения предприятий, изменения структуры капитальных вложений.

б) *внутрифирменный расчет*. Выступает как новый метод хозяйствования и регулирует экономические отношения между отдельными подразделениями как самостоятельными единицами производственной деятельности. Хозяйственные отношения между подразделениями строятся на основе условно-расчетных (трансфертных) отношений.

в) *механизм ценообразования*. В нем отражаются все стороны экономического действия субъектов рыночных отношений. Этот вид воздействия включает в себя определение уровня цены, расчета с потребителями.

г) *финансовые инструменты*: распределение и перераспределение прибыли, финансирование и кредитование различных видов деятельности, обоснование финансовых операций.

Анализ экономических методов на уровне предприятия включает в себя:

- Постановка и определение экономических целей предприятия.
- Определение экономических критериев эффективной деятельности предприятия.
- Анализ финансовой деятельности предприятия.

· Маркетинг и ценообразование. Формирование ассортиментной политики предприятия.

· Анализ рынков сбыта и конкурентной среды. Принятие мер по завоеванию рынков сбыта.

· Политика в области приобретения материалов и комплектующих изделий.

· Определение объемов инвестиций в производство и реконструкцию.

· Анализ рынка ссудных капиталов.

· Финансовый учет и финансовые методы повышения эффективности деятельности предприятия.

· Управленческий учет.

· Анализ экономико-политической среды.

· Управление акционерной жизнью общества.

· Анализ экономически рациональной ассортиментной политики. Структура ассортимента должна быть оптимальной и должны быть определены удельные веса каждого вида продукции и их рентабельность. Анализ ассортиментной политики производится через ранговый анализ для каждого вида изделий.

Экономические методы управления подразумевают способы реализации требований экономических законов путем использования экономических рычагов и стимулов (экономические нормативы, совершенствование оплаты и стимулирование труда, дифференциация оплаты труда по отраслям, профессии, сложности, условиям интенсивности труда, платежи на социальное страхование)

Администрирование и экономические методы тесно связаны между собой: административные методы учитывают экономические интересы - применение экономических методов требует определенного административного регулирования. Использованием на практике таких экономических категорий, как заработная плата, материальное стимулиро-

вание и санкции, цена, прибыль, рентабельность, финансы, кредит, от персонала добиваются достижения прежде всего экономических и лишь во вторую очередь социальных целей предприятия.

Среди экономических инструментов управления можно выделить реинжиниринг, оценочные индикаторы и контролинг. Оценочные индикаторы — инструмент, который помогает управлять созданием стоимости компании. Оценочные индикаторы позволяют узнать, достигнуты ли поставленные цели, удовлетворены ли потребности клиента, контролируются ли процессы, протекающие внутри организации, необходимы ли усовершенствования в организации бизнеса и где именно. Организации используют системы оценочных индикаторов потому, что они позволяют сфокусироваться на краткосрочных финансовых результатах.

Одним из эффективных методов управленческого учета является методика анализа соотношения «затраты – объем – прибыль» («Cost – Volume – Profit» или «CVP-анализ»), которая позволяет определить точку безубыточности (порог рентабельности), т.е. момент, начиная с которого доходы предприятия полностью покрывают его расходы. Проведение данного анализа невозможно без такого важного показателя как производственный леверидж (leverage в дословном переводе – рычаг). С его помощью можно прогнозировать изменение результата (прибыли или убытка) в зависимости от изменения выручки предприятия, а также определить точку безубыточной деятельности (порог рентабельности).

К числу экономических методов относится **учет и анализ по центрам ответственности**. Эта система измеряет (оценивает) соответствие достигнутых результатов запланированным по каждому подразделению

(центру ответственности), которое является самостоятельным объектом бюджетного (планового) процесса и отвечает за исполнение перечня бюджетных показателей, определяемых центральным аппаратом управления при разработке сводного плана (бюджета) предприятия на предстоящий бюджетный период. По результатам оценивания устанавливается сумма материального вознаграждения и премиальные. Концепция учета-анализа по центрам ответственности позволяет количественно сопоставлять и оценивать вклад различных подразделений в изменение финансовых результатов предприятия (benchmarking — балльная оценка). Под сметой операционных расходов на премирование управленцев понимаются внутренние расходы деятельности центра управленческих затрат, которые контролирует его руководитель. Чаще всего это фонд оплаты труда (иногда руководитель имеет полномочия самостоятельно набирать по лимиту штатного расписания работников, исходя из «вилки» тарифной сетки, иногда эти полномочия расширяются до самостоятельного определения должностных окладов)⁵.

В качестве одного из главных методов экономического управления выступает система заработной платы и премирования, которая должна быть максимально связана с результатами деятельности исполнителя.

В отличие от административных экономические методы являются методами косвенного воздействия на управляющую и управляемую подсистемы.

Под **административными методами** управления понимают систему способов воздействия на управляемый объект, которые обеспечивают планомерную деятельность управляющей и управляемой систем. Характерной особенностью является то, что они оказывают прямое воздей-

ствии на управляемый объект и поведение исполнителей в конкретной обстановке. Через них получают свое выражение функции экономических систем и должностных лиц всех уровней управления, которые предусмотрены правовыми актами, положениями и инструкциями. Формой их выражения являются приказы, распоряжения, директивы вышестоящего органа, которые носят обязательный характер для нижестоящего

Административные методы управления подразделяются на две большие категории — *организационные* и *распорядительные*. К первым относятся: организационное проектирование, регламентирование, нормирование. Организационные методы, в частности, перестановка кадров, изменение должностного расписания, зачисляются в разряд методов косвенного воздействия, поскольку при их употреблении не указываются конкретные лица и конкретные даты исполнения. Они обращены к целой группе сотрудников, к подразделению или всему персоналу.

Второй тип, распорядительные методы считаются средствами прямого воздействия, они носят директивный, обязательный характер. Распорядительные методы основаны на дисциплине, ответственности, власти и принуждении. При распорядительных методах (приказ, распоряжение, инструктаж) указываются конкретные лица и конкретные даты исполнения.

Если организационные методы основаны на типовых ситуациях, то распорядительные относятся к конкретным ситуациям. Обычно распорядительные методы следуют за организационными, выступают их логическим продолжением. К примеру, если на предприятии задумано введение гибкого графика работы и перестраивается оргструктура, то первыми по времени применяются орга-

низационные методы управления, а вторыми – распорядительными, в ходе которых издаются конкретные распоряжения и приказы, устанавливаются сроки и ответственные лица.

Сущность организационного регламентирования состоит в установлении правил, обязательных для выполнения и определяющих содержание и порядок организационной деятельности (положение о предприятии, устав фирмы, внутрифирменные стандарты, положения, инструкции, правила планирования, учета и т.д.)⁶. Распорядительные методы реализуются в форме: приказа, постановления, распоряжения, инструктажа, команды, рекомендаций.

К разряду **социально-психологических методов** управления принадлежат моральное поощрение, социальное планирование, мотивация, убеждение, внушение, личный пример, регулирование межличностных и межгрупповых отношений, создание и поддержание морального климата в коллективе. Самое сложное для менеджеров - узнать, какими мотивами руководствуются их подчиненные. Современные менеджеры знают, что манеры поведения и поступки людей сигнализируют об их мотивационных потребностях. При этом управляющий должен выполнять правило: фиксировать именно модель поведения человека, а не отдельные его черты. **Модель поведения** - это наиболее часто повторяющийся, а, следовательно, характерный для человека набор реакций. Такой набор реакций тесно связан с потребностями. Именно поэтому по данному набору можно выявить мотивационный тип подчиненного — и решить, чем стимулировать его желание работать. Для того чтобы предсказать с определенной точностью поведение служащего, менеджеру надо иметь некоторые сведения о его целях и действиях, которые он должен предпринять для их реализации. Мотивация тесно пере-

плетен с понятием **корпоративной культуры**, под которой в большинстве случаев понимается набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий⁷.

Разработанная при участии диссертанта система социально-психологических методов управления, входящая в программу совершенствования корпоративной культуры НК ЮКОС и развития человеческих ресурсов, включала в себя следующие базовые элементы:

- Социальная программа и политика компании в области социальных гарантий.

- Межрегиональная ротация кадров.

- Рекрутинг лучших выпускников вузов.

- Программы дистанционного обучения через Интернет.

- Разработка стандартов обучения и программ развития по каждой профессии.

- Оценка профессиональной компетентности и эффективности персонала.

- Формирование кадрового резерва и планирование карьеры.

- Система мотивации, базирующаяся на принципах оценки компетентности, индивидуальных результатов работы и сравнительном анализе уровня заработной платы конкурентных компаний (включая международные).

- Корпоративные награды и праздники.

В последнее время в зарубежном и отчасти отечественном менеджменте проявляется тенденция к созданию комплексных, или синтетических методов управления, учитывающих специфику экономических, административных и социально-психологических приемов и средств

управления. В частности, речь идет о получившей популярность Balanced Scorecard (BSC) — **системе сбалансированных показателей**. Сформулированная Д. Нортон и Р. Капланом в результате исследовательского проекта «Measuring Performance in the Organization of the Future», проведенного в начале 1990-х годов по 12 компаниям, эта концепция нашла многочисленных сторонников и последователей не только в академической среде, но и среди менеджеров-практиков. Методология BSC представляет основные факторы деятельности компании — такие как обслуживание клиентов, операционную и финансовую эффективность — в виде набора определенных показателей. Показатели эффективности — это измеряемые характеристики продуктов, услуг, процессов и операций, которые компания использует для отслеживания и повышения производительности.

Авторы новой методики осознают ограниченность традиционных финансовых показателей, стимулирующих менеджмент на достижение лишь краткосрочных результатов. Привязка вознаграждения менеджеров и фондовых опционов к квартальным доходам и прибылям принуждает менеджеров ориентироваться исключительно на количественные критерии, даже если это негативно влияет на достижение долгосрочных результатов. В Balanced Scorecard сохранены финансовые показатели. При этом они дополнены опережающими индикаторами (leading indicator), которые отражают факторы, влияющие на результаты финансовой деятельности. Вместе с тем все большее внимание уделяется учету так называемого *культурного капитала*, основанному на квалификации, знаниях, компетенции, профессиональном опыте и трудовых навыках персонала.

Сегодня конкурентные преимущества намного труднее приобрести за счет эффективного финансового менеджмента и инвестиций в физические активы. Те факторы, которые составляли ощутимые конкурентные преимущества для большинства компаний 10 лет назад, уже не могут рассматриваться в качестве ключевых двигателей будущего успеха. Решающее значение приобретают информационные технологии и интеллектуальный капитал.

Литература

- 1 Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М., 2000.с.184-187.
- 2 Мильнер Б.З. Теория организаций: Курс лекций. М., 1998. с.59.
- 3 Мильнер Б.З. Теория организаций: Курс лекций. М., 1998. с. 13.
- 4 Дафт Р. Менеджмент. СПб., 2004.
- 5 Щиборщ К.В. Учет по центрам ответственности как основа материального стимулирования на предприятии // Менеджмент в России и за рубежом, 2000. №6.
- 6 Гольдштейн Г.Я. Основы менеджмента: Учебное пособие. Таганрог, 2003.
- 7 Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. М., 1995.

Ресурсы рабочих в контексте индустриальной и информационной модернизации

Митягина Е. В.

Проведен комплексный анализ ресурсности рабочих в условиях «двойной» российской модернизации. По данным исследований, в глазах российского населения, реальными акторами модернизации становятся рабочие. Однако именно рабочие оказываются не готовыми, с одной стороны, к стагнации индустриальной стадии модернизации, с другой – к изменениям, которые диктуются информационным обществом. Ресурсы первичной модернизации, накопленные рабочими в достаточном количестве, оказались невостребованными, а опыт накопления ресурсов вторичной модернизации у рабочих отсутствует. Это приводит к невозможности движения к интегрированной модернизации с равномерным распределением ресурсов между её стадиями.

Ключевые слова: рабочие, ресурсы, ресурсность, модернизация, стадии модернизации, интегрированная модернизация.

Mitiagina E.V.

Resources working on the industrial and information stages of modernization of Russian society

The article is devoted to the study of resource workers in the Russian modernization. From the Russian people's point of view, the real actors of modernization are workers. However, this is workers who appear to be unprepared for stagnation of the industrial stage of modernization, on one hand, and, on the other hand, for the changes, offered by information society.

Key words: workers, resources, employed resource potential, modernization, modernization stages, integrated modernization.

Постановка проблемы

Концепция *модернизации* постоянно обсуждается в дискуссиях ученых и политиков, на страницах газет, в Интернете, на телевидении и радио. Однако до сих пор не сложилось единого понимания этого понятия, «...не выделены основные направления желаемых перемен, за исключением обновления технологий. Нет общепринятого представления о том, *что* нужно и можно модернизировать в первую очередь, *кто, как и на какие средства* должен это делать, и *какие результаты* это должно принести» [1].

Попытки найти ответ на вопрос, *кто* является актором модернизации, приводят к анализу результатов общероссийского мониторинга на тему: «Готово ли российское общество к модернизации?», который был осуществлен Институтом социологии РАН в 2006 и 2010 гг. [2]. Согласно ему, «беспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения, – это рабочие и крестьяне. Заметно отстают от них, но все же отчетливо выглядят в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и

средний класс» [3]. Рабочие, согласно данным опроса, занимают первое место в списке акторов модернизации. В то же время именно рабочие оказываются наиболее уязвимой группой в условиях современной российской модернизации.

Возникает вопрос, готовы ли современные рабочие взять на себя всё бремя ответственности за модернизацию? Или лучше предоставить эту прерогативу другим социальным группам?

Особенности российской модернизации

При концептуализации понятия модернизация в отечественном социологическом дискурсе мы придерживаемся точки зрения Н.И. Лапина, который понимает её в *широком смысле* как «комплексный процесс глубинных изменений цивилизационного характера, совершающийся в различных странах под воздействием потребностей развития общества и человека, достижений науки и техники, конкуренции и иных способов взаимодействия акторов внутри стран и между ними» [4]. В своих работах Н.И. Лапин, вслед за китайским профессором, автором концепции вторичной модернизации ХэЧуаньци [5], считает, что «в большинстве развитых стран одновременно осуществляются две стадии модернизации» – *первичная*, знаменующая переход к индустриальному обществу, и *вторичная*, начавшаяся в период зарождения информационного общества [6].

Первая модернизация нашей страны была проведена в 30-е гг. XX века. Она была продиктована исторической необходимостью перевода материального производства от орудийных технологий к машинным и обеспечивала передачу машинного управления рабочим орудием. В кратчайшие сроки страна была электрифицирована, было создано стан-

костроение, энергетическое и транспортное машиностроение, на смену гужевому транспорту пришел железнодорожный, автомобильный и авиационный. Системой машин обеспечивалась механизированная обработка и доставка от поставщиков к потребителям природного сырья, энергии и готовой продукции. Индустриализация обеспечила быстрый подъем экономики страны, создала необходимые научно-технические и кадровые предпосылки для ее победы в Великой отечественной войне и быстрого восстановления разрушенного народного хозяйства.

Вторичная модернизация связана с компьютеризацией производственных процессов, с передачей вычислительным машинам функций работников по накоплению, обработке и транспортировке всей производственной и управляющей информации. Глобальная компьютеризация производственных процессов предопределяет переход общества от индустриальной стадии развития к информационному обществу. Информатизация, быстрое увеличение ее количества становится основным ресурсом и движущей силой социально-экономического, политического и культурного развития промышленно развитых стран.

Проблемой противоречиво развивающегося российского общества стала попытка перехода на вторичный уровень модернизации при незавершенном первичном. Появляется феномен «двойной» модернизации. «Согласно данным китайского исследования, из 25 европейских стран 21 страна в основном завершила индустриальную (первичную) модернизацию и имеет возможность сосредоточить ресурсы на осуществлении информационно-знаний (вторичной). ... Только 4 из 25 стран (Украина, Болгария, Россия, Румыния) еще не завершили первичную модернизацию, поэтому одно-

временно осуществляют двойную (первичную и вторичную) модернизацию. Соответственно, эти страны (а также Белоруссия) сталкиваются с более трудными задачами, чем большинство европейских государств» [7].

Этапы протекания «двойной» модернизации в этих странах характеризуются состояниями, чаще всего употребляемыми с частицей НЕ: нестабильность, незавершенность, несбалансированность, неэффективность и, наконец, неравномерность её протекания в регионах и сферах хозяйственной деятельности. Ученые констатируют, что для преодоления данных тенденций необходим выход из «колеи» двойной модернизации и направление усилий в сторону модернизации интегрированной, основой которой должно стать дифференцированное соотношение инвестиций в первичную и вторичную стадии. Интегрированная модернизация, в свою очередь, должна стать переходной стадией на пути к модернизации информационной.

Ресурсы и ресурсность в условиях модернизации

Приоритетным при изучении той или иной группы в условиях нестабильности «двойной» модернизации, по нашему мнению, является ресурсный подход. В узком смысле, он позволяет выявить как явные, так и скрытые человеческие резервы, которые в новых, изменившихся условиях могут оказать решающее влияние на место социальной группы в социуме. В широком, уровень актуализированности и взаимной конвертируемости ресурсов позволяет обозначить общее состояние и конкурентоспособность отраслей народного хозяйства и регионов, в которых «действует» та или иная социальная группа.

В своем анализе ресурсности мы опираемся на модели человеческо-

го потенциала, капитала, ресурсообеспеченности, представленные в работах как зарубежных (П. Бурдые [8], Д. Грусски [9], Э. Соренсен [10], У. Бек [11], М. Кастельс [12]), так и российских авторов (Т.Н. Заславская [13], В.В. Радаев [14], З.Х. Саралиева [15], Н.Е. Тихонова [16], Б.Г. Юдин [17], В.А. Ядов [18]).

Анализ научных концепций позволил сформулировать понятие ресурсов, под которыми мы понимаем *множественные характеристики актора, которые, с одной стороны, используются им для достижения своих целей и предотвращают/снижают угрожающие ему риски, с другой – используются социальными группами, институтами, организациями для сохранения или изменения достигнутого ими своего состояния.*

Н.Е. Тихонова, опираясь на тезис П. Бурдые о том, что «внутри каждого класса, определяемого по объему общего капитала, выделяются подклассы, различия между которыми основаны на структуре активов», отмечает, что ресурсы, которыми обладают представители различных страт и социальных групп, представлены тремя основными видами (уровнями актуализации): ресурсный потенциал, реальный ресурс (актив), капитал. При этом основная часть ресурсов выступает не более чем ресурсными потенциалами. Для изменения жизненной ситуации ресурс должен быть актуализирован, то есть, перейти в статус актива. «Как актив ресурс может рассматриваться тогда, когда он используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, и оказывает сколько-нибудь ощутимое положительное воздействие на положение его владельца в социуме» [19]. В свою очередь, капиталом актив становится, когда он «не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизво-

даться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса» [20].

Для обозначения всей совокупности ресурсов мы предлагаем использовать понятие *ресурсность* в следующей его формулировке: *характеристики, предполагающая соотношение наличия и размеров использования имеющихся у акторов ресурсов с различной степенью их актуализированности (в виде «потенциалов», «активов» и «капиталов»), объем и структура которых конвертируются в различные (в том числе, экономические) составляющие, «задают» стратегии действий, определяют эффективность этих действий как акторов, так и общества. Другими словами, ресурсность – это мера перспективности возможностей.*

Классификация ресурсов

Т.Н. Заславская [21], описывая ресурсы в системе компонентов человеческого потенциала, выделяет социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и инновационно-деятельностный виды. Преимуществами данной модели является выделение, помимо традиционных компонентов человеческого потенциала, инновационно-деятельностного ресурса как отражающего специфику вторичной стадии модернизации современного общества.

З.Х. Саралиева, рассматривая ресурсность, в частности, семьи, трактует данный термин как: комплексное, интегрированное понятие, совокупность потенциалов для формирования удовлетворения потребностей семьи. Ресурсность семьи представляется «в виде ряда кругов, находящихся в равном, но взаимодействующем пространственном положении, потому что у семьи не может быть главных или малозначи-

мых ресурсов-потенциалов. Отсутствие хотя бы одного из них (или недостаточность, деформированность) подорвет ресурсность семьи в целом» [22].

З.Х. Саралиевой выделяются следующие ресурсы семьи:

- *Ресурс родственных связей и поддержки:* родители; родственники.
 - *Ресурсы чувств:* любви; доверия; уважения, взаимопонимания; эмпатии.
 - *Ресурс психологического равновесия:* принятие и амортизация перемен и утрат в семье; освоение новых семейных ролей; толерантность.
 - *Физические ресурсы, здоровье.*
 - *Статусный ресурс:* сохранение, вертикальная мобильность.
 - *Человеческие ресурсы:* количество членов семьи; личностный потенциал членов семьи.
 - *Адаптационный ресурс:* освоение новых внесемейных ролей, перемен во внесемейном пространстве.
 - *Коммуникативно-информационные ресурсы:* образование; профессия; коммуникабельность; источники информации; среда общения.
 - *Финансовые, материальные ресурсы:* доход; собственность; сбережения.
 - *Интеллектуальный ресурс членов семьи.*
 - *Креативный ресурс семьи в целом и её членов.*
 - *Ресурс социальных связей:* коллеги; друзья; группы взаимопомощи; соседи; социальные институты.
- Наиболее близок нашему анализу индекс ресурсообеспеченности Н.Е. Тихоновой [24], которая выделяет восемь шкал, отражающих наличие ресурсов различных типов.
- В качестве основных типов ресурсов выделяются:
- *Экономический* во всех его традиционных видах (деньги, бизнес, недвижимость и т.д.).
 - *Квалификационный ресурс,* включая образование и навыки.

- *Социальный* (включенность в сети социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным по объему и структуре капиталом).

- *Властный* (только в части административного ресурса).

- *Символический*, связанный с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в данном сообществе.

- *Физиологический* (пол, здоровье, трудоспособность и т.д.).

- *Культурный*, включая особенности социализации и характер культурных запросов, отражающий стилевые характеристики жизни.

- *Личностный ресурс* (трудовые мотивации, инициативность, исполнительность и т.д.).

«... Анализ показал, что 38% россиян (и 30% работающих основных кормильцев домохозяйств) полностью лишены всех видов ресурсов, которые выступают в качестве реальных активов». Н.Е. Тихонова выделяет пять видов ресурсов, способных «превратиться в современном обществе в капитал: экономический, властный, квалификационный, социальный (в части наличия связей) и культурный (в части особенностей социализации, который выступал важной предпосылкой получения композитных рент, хотя самостоятельного значения не имел)» [25].

Данные классификации были положены нами в основу предлагаемой нами модели ресурсности рабочих.

Рабочими в современных условиях является группа в составе наёмных работников с высокой долей физической нагрузки и высокой степенью подчиненности организаторам труда и работодателю, основным, часто единственным источником существования которой является заработная плата (по трудовому договору или контракту) и результатом деятельности в большинстве случаев является конкретный продукт.

Основными видами ресурсов рабочего являются:

- *Квалификационный ресурс* (характер труда, уровень общего и профессионального образования, уровень квалификации, стаж работы в данной квалификации и удовлетворенность соответствием уровня квалификации выполняемой работе).

- *Экономический ресурс* (размер доходов, источник доходов, наличие собственности, особенности потребления, удовлетворенность материальным положением, способность его улучшить).

- *Властный ресурс* (способность участвовать в обсуждении и принятии решений на предприятии, перспективы служебного роста, способность отстаивать свои интересы и интересы своей группы).

- *Социальный ресурс* (включенность в формальные и неформальные сети – общественные организации и объединения, семья, трудовой коллектив, этническая, конфессиональная группа, возможности мобильности).

- *Личностный ресурс* (индивидуализм, лидерские качества, достижительные установки, креативность, инициативность, дисциплинированность, ответственность, гибкость и адаптивность, идентификация).

- *Биологический ресурс* (пол, возраст, уровень здоровья).

- *Ценностный ресурс* (смысловые ценности, ценность труда).

- *Информационно-инновационный ресурс* (степень осведомленности о деятельности предприятия, о предоставляемых услугах, способность к освоению нового и новаторской деятельности).

- *Возрастной ресурс* как самостоятельный.

- «*Производственный*» ресурс (сфера хозяйственной деятельности и регион, в котором функционирует предприятие, форма собственности предприятия).

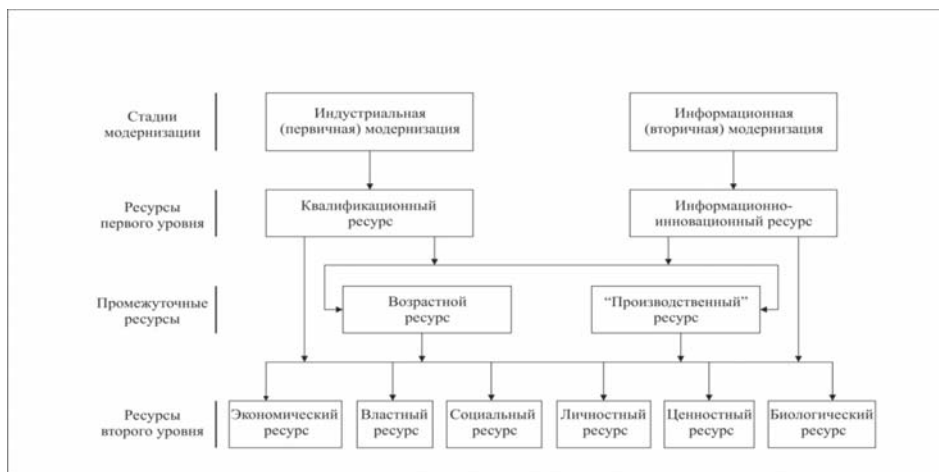

Рис. 1. Ресурсность рабочих в условиях «двойной» модернизации

По каждой из этих шкал нами было произведено укрупнение показателей, чтобы 2 балла соответствовали приобретению ресурсом статуса актива и 3 балла – статуса капитала.

Модели ресурсности рабочих в условиях российской модернизации

В условиях «двойной» модернизации ресурсы рабочих представлены следующим образом. На протяжении длительного исторического периода модернизации индустриального общества приоритетным ресурсом рабочих являлся квалификационный ресурс. Именно он оказывал существенное влияние на статус и место рабочего в обществе, организации и производственном коллективе, так как накопление его хотя бы в качестве актива предопределяло высокие позиции по всем остальным ресурсам: экономический, властный, социальный, личностный, ценностный и биологический. Принципиальное отличие информационного общества заключается в широком использовании и накоплении знаний (информации) и инноваций, в значительной мере заменяющих затраты материальных ресурсов, поэтому на информационной стадии модерни-

зации приоритетным становится информационно-инновационный ресурс.

Квалификационный и информационно-инновационный ресурсы являются ресурсами первого уровня на индустриальной и информационной стадиях модернизации. Соответственно, все остальные ресурсы являются ресурсами второго уровня. В случае с ресурсами рабочих, согласно нашей точке зрения, – это экономический, властный, социальный, личностный, ценностный и биологический ресурсы. Можно предположить, что для успешного движения в сторону интегрированной модернизации необходимо, чтобы у рабочих были накоплены ресурсы первого уровня в статусе актива или капитала.

Нестабильность «двойной» модернизация в России привела к формированию промежуточных ресурсов, часто оказывающих решающее влияние, во-первых, на формирование ресурсов первого уровня; во-вторых, на накопление ресурсов второго уровня. К ним относятся возрастной и «производственный» ресурс. Первый указывает на решающее значение молодости, которая востребована больше, чем ресурс квалификации, знаний и информации. Второй – на

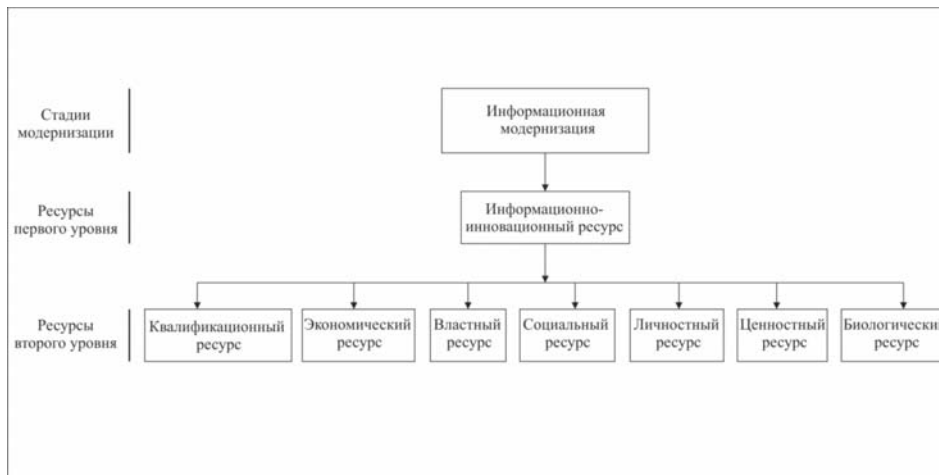

Рис. 2. Ресурсность рабочих в условиях информационной модернизации

зависимость ресурсности рабочих от формы собственности предприятия, на котором они работают, сферы хозяйственной деятельности и региона, в котором оно функционирует.

Модель ресурсности рабочего в условиях «двойной» модернизации может быть представлена следующим образом (см. рис. 1).

Движение в сторону интегрированной модернизации предполагает равномерное распределение ресурсов между стадиями и накопление рабочими квалификационного и информационно-инновационного ресурса в статусе актива или капитала, а также взаимозависимость и взаимовлияние этих ресурсов на ресурсы второго уровня и снижение роли «промежуточных» ресурсов.

Финальной точкой интегрированной модернизации становится переход к новой ступени – информационной модернизации. Ресурсом первого уровня на этой стадии является информационно-инновационный ресурс. Он оказывает решающее влияние на ресурсы второго уровня, к которым, помимо представленных выше, относится и квалификационный ресурс. Информационная стадия предполагает завершенность технологической модернизации и

автоматизацию производства с постепенным вытеснением человека из производственного процесса, и полную или частичную замену ручного труда машинным. Поэтому ресурс квалификации на информационной стадии утрачивает своё первостепенное значение, свойственное индустриальной стадии. Высокий уровень квалификации и формального образования (подтверждаемого документами) в среде рабочих будут цениться меньше, нежели владение реальными знаниями и информацией, способностью к инновациям и восприимчивостью к нововведениям.

Модель ресурсности рабочих на информационной стадии модернизации может выглядеть следующим образом (см. рис. 2).

Эмпирический анализ ресурсности рабочих в условиях «двойной» модернизации целесообразно начать с взаимовлияния ресурсов первого и «промежуточного» уровня друг на друга, а также с их влияния на ресурсы второго уровня.

Методология исследования

В 2012-2013 гг. на базе кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Ло-

бачевского и Научной социологической лаборатории Вятского государственного гуманитарного университета было проведено исследование на тему: «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации» (далее – *Исследование 2012-2013 г.*). Методом глубинного интервью было опрошено 35 руководителей предприятий различных сфер хозяйственной деятельности и методом раздаточного анкетирования – 1220 рабочих. Исследование проводилось в Нижегородской и Кировской областях. Одна из основных гипотез – зависимость завершенности процесса первичной модернизации от региона. Для сравнения результатов был осуществлен пилотный проект – в качестве изучения организованного кейса был избран завод по производству электротехнического оборудования в Московской области.

Для подтверждения выводов были использованы результаты вторичного анализа базы данных проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ» (далее – *RLMS*) [26], который ведется с 1992 г. и представляет собой серию ежегодных лонгитюдных обследований населения РФ. Из массива 2012 г. отобраны 3106 представителей рабочих профессий: квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и работники рыбной промышленности (1%); квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (30,6%); квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (39,1%); неквалифицированные рабочие всех отраслей (29,4%).

Ресурсы «первого уровня» у современных рабочих

Ресурсами первого уровня в условиях «двойной» российской модернизации являются квалификационный ресурс, приоритетный на ин-

дустриальной стадии модернизации, и информационно-инновационный ресурс, характерный для информационной стадии.

Квалификационный ресурс. Существует множество классификаций рабочих, в основе которых заложен уровень квалификации. Более близкой нашему анализу стали результаты кластерного анализа, проведенного С.Г. Климовой [27], и выделение трех групп рабочих: *рабочие «высокой», «средней» и «низкой» квалификации.* В основу анализа автором были положены следующие критерии: образование и его соответствие выполняемой работе, повышение квалификации, разряд или категория, стаж работы на предприятии, наличие рационализаторской, инновационной деятельности, дополнительные навыки (владение компьютером и др.). Нам представляется возможным согласиться с точкой зрения С.Г. Климовой и выделить три типа рабочих по уровню квалификации: «высокий», «средний», «низкий». Однако, так как в первую очередь нас интересует квалификационный ресурс, некоторые показатели были исключены из состава факторов, а некоторые добавлены. В результате в основу деления было положено шесть факторов, являющихся составляющими квалификационного ресурса: характер труда, уровень общего и профессионального образования, уровень квалификации (измерялся при помощи разряда, категории или класса, если они предусмотрены), стаж работы в данной квалификации и удовлетворенность соответствием уровня квалификации выполняемой работе. За каждый фактор, свидетельствующий о «высоком» уровне квалификации, начислялся 1 балл. И минус 1 балл засчитывался при отнесении индикатора к «низкому» уровню квалификации.

Квалификационный ресурс накоплен современными рабочими в

Таблица 1
Уровень профобразования рабочих

Варианты ответа	Исследование 2012-2013 гг.	RLMS 2012 г.
Начальная или неполная средняя школа	16,6	15,1
Полная средняя школа	16,6	15,1
Профессиональные курсы шоферов, трактористов и т.д.	6,2	13,4
ПТУ, ФЗУ, ФЗО без среднего образования	6,2	7,6
ПТУ со средним образованием, техническое училище	28,0	28,7
Техникум, мед., муз., пед., худ. училище	22,8	21,2
Институт, университет, академия	16,6	7,8
Итого	100	100

достаточной степени. Согласно данным нашего исследования, каждый третий российский рабочий является рабочим «высокого» уровня квалификации (32,4%), каждый второй «среднего» (48,4%) и лишь каждый восьмой – «низкого» (11,7%). Однако квалифицированные работники зачастую не востребованы на современных предприятиях. На тех предприятиях, которые имеют низкий уровень технологической модернизации, рабочим зачастую не могут предоставить рабочее место, соответствующее уровню его квалификации.

Автоматизация оснащенных по последнему слову техники предприятий (в основном, негосударственных, финансируемых отечественными и иностранными частными лицами и фирмами) также вытесняет высококвалифицированных рабочих с производства. Руководство этих организаций уверено в том, что: чем «успешнее» и производительнее предприятие, тем тверже оно должно быть в своих попытках модернизировать производство и «максимально отстранить человека от технологии». Найти, например, высококвалифицированного токаря на производстве сегодня всё сложнее. Найти оператора токарного станка, уровень квалификации которого не является чем-то уникальным и не требует высокого разряда, намного проще. Производство в большинстве

своем может обходиться 3-4 разрядом рабочих, обладателями которых являются уже выпускники профессиональных технических училищ. Более высокие разряды часто просто не востребованы.

Подобная ситуация касается и образования. Современные рабочие имеют достаточно высокий уровень образования (Табл. 1). Высшее образование, согласно данным проведенного нами исследования, имеет каждый десятый (16,6%). Наблюдается устойчивый повышательный тренд количества обладателей дипломов вузов среди рабочих. Причем данные о высшем образовании, полученные нами в Приволжском федеральном округе (Исследование 2012 – 2013 гг.), отличаются от данных по России в целом (RLMS). Регионы, в частности ПФО, имеют в наличии значительное количество высших учебных заведений, в которых могут получить образование большинство социальных групп населения. Однако регионы не могут предоставить достаточного количества рабочих мест для людей с высшим образованием. Получившие диплом вуза вынуждены работать в профессиях, не соответствующих их уровню образования, в том числе на рабочих специальностях. В целом по России процент рабочих с высшим образованием несколько меньше (7,8%), хотя также избыточный для рабочих профессий, так как ни одна из них,

Таблица 2
Уровень профобразования (в зависимости от профессии),%

Профессии (чел.)	Начальная или неполная средняя школа	Полная средняя школа	Проф. курсы	ПТУ, ФЗУ, ФЗО без среднего образования	ПТУ со средним обр., тех. училище	Техникум, мед., муз., пед., худ. училище	Институт, академия
Кладовщик (17)	0	0	5,9	5,9	41,2	23,5	23,5
Машинист-обходчик по котельному оборудованию (36)	0	25,0	0	8,3	19,4	19,4	27,8
Повар (35)	5,7	14,3	5,7	2,9	40,0	22,9	8,6
Подсобный рабочий (16)	6,2	25,0	6,2	6,2	37,5	12,5	6,2
Слесарь (21)	4,8	19,0	0	9,5	38,1	14,3	14,3
Сторож (22)	0	27,3	0	9,1	4,5	59,1	0
Электромонтер (43)	2,	11,6	2,3	16,3	23,3	16,3	27,9

согласно данным Единого тарифно-квалификационного справочника РФ, не предполагает необходимость наличия высшего профессионального образования.

Для рабочих России в целом в большей степени, нежели для рабочих ПФО, свойственно в качестве самого высокого уровня образования иметь профессиональные курсы.

Почти каждый четвертый рабочий имеет среднее профессиональное образование, которое, как правило, также является избыточным для большинства специальностей рабочего. Сокращается и доля малообразованных людей, имеющих основное общее образование, начальное и ниже.

Опросы руководителей предприятий показали, что, выбирая при приеме на работу из двух кандидатур, предпочтение они отдадут тому кандидату в рабочие, который не имеет высшего образования, так как перспектива сохранить его на «рабочей сетке» намного выше. Диплом об образовании, несомненно, пока ещё дает преимущества на рынке труда, но связано это не с тем, что получаемое образование эффективно, а с тем, что диплом для работодателя – это показатель дисциплинированно-

сти человека, уровня его коммуникативности. Для руководителей завода и начальника отдела кадров куда важнее оказывается не специальность, а общая культура, которую дает, например, высшее образование.

Соотношение уровня образования рабочих с их профессией позволило проиллюстрировать возможность выполнения одной и той же работы людьми как с вторичным, так и с поствторичным и даже третичным уровнями образования. Машинистам-обходчикам по котельному оборудованию в 25% случаев достаточно в качестве самого высокого уровня образования полной средней школы, однако в 19,4% случаев они имеют среднее профессиональное образование, в 27,8% случаев – высшее. Подобным образом обстоит дело со слесарями, электромонтерами и другими, даже низкоквалифицированными, специальностями рабочих (см. табл. 2).

Еще одной проблемой становится катастрофическое несоответствие специальности по диплому у рабочих выполняемой ими работе. На вопрос «Работаете ли Вы по полученной в образовательном учреждении специальности?» рабочие более

объективны, чем при проведении аналогии между уровнем их образования и выполняемой работой. В 53,3% случаев рабочие считают, что не работают по полученной в образовательном учреждении специальности, в 46,6% – работают именно по ней. Результаты наших исследований показывают, что, например, специальность по диплому «повар» имеют лишь 60% поваров, 57,7% электромонтеров имеют диплом данной специальности и лишь 27,3% слесарей могут отметить подобное соответствие.

Можно сделать вывод, что экономические последствия, отдача от полученного образования и уровня квалификации в социальной группе рабочих остается крайне низкой

Квалификационный ресурс, накопленный рабочими в достаточной степени, в условиях российской «двойной» модернизации теряет свою значимость в силу несоответствия уровня образования, специальности по диплому и квалификации рабочих реально выполняемой ими работе, что объективно обесценивает квалификационный ресурс. Квалификационный ресурс не влияет на ресурсы второго уровня. Существенное влияние в условиях «двойной» модернизации оказывают информационно-инновационный ресурс и «промежуточные» ресурсы.

Информационно-инновационный ресурс. Наиболее применимой для анализа информационно-инновационного ресурса является классификация, представленная сотрудниками Института социологии РАН в аналитическом докладе «Готово ли российское общество к модернизации?», которая делит рабочих, как, впрочем, и всё население страны, на модернистов и традиционалистов. В основу подобного деления положен «индекс модернизированности сознания, который учитывает, во-первых, специфику представлений об

оптимальной модели общества, во-вторых, ценности, нормы и мировоззрение». Некоторым недостатком подобного деления, является, как нам кажется, невозможность отнесения большинства населения ни к одному из данных типов, так как они не могут быть отнесены ни к «modernman», ни к представителям традиционного типа. Авторы доклада относят эту группу к промежуточному типу, «само существование которой отражает переходный этап социокультурной модернизации, который переживает сегодня российское общество» [28].

Взяв за основу классификацию, предложенную сотрудниками Института социологии РАН, наше деление на «модернистов», «промежуточный тип» и «традиционалистов» в рамках анализа информационно-инновационного ресурса представляется осуществить с помощью 4 основных факторов: степень осведомленности о деятельности предприятия, о предоставляемых услугах, способность к освоению нового, способность к новаторской деятельности. Как будет показано ниже, модернисты и традиционалисты в среде рабочих демонстрируют значимые отличия по целому ряду показателей, начиная с социально-демографических характеристик.

За индикаторы, свидетельствующие об инновационности и информированности, респонденту начислялся 1 балл и вычитался 1 балл, если они придерживались традиционалистских взглядов.

Согласно данным нашего исследования 2012-2013 гг., модернистами среди рабочих являются 33%, традиционалистами – 9%, промежуточный тип составляют – 58% рабочих. Данные Института социологии РАН, описывающие ситуацию в России в целом, чуть более пессимистичны. Модернисты составляют среди рабочих – 18%, традиционалисты

Рис. 3. Доля представителей различных типов мировоззрения в составе населения и социально-профессиональной группы рабочих, % (по данным исследований Института социологии РАН (2010 г.) и Исследования 2012-2013 гг.)

– 15%, промежуточный тип – 67%. (рис. 3). Это связано с ситуацией, описанной выше. Рабочие регионов имеют более высокий уровень образования и квалификации, которые оказывают значительное влияние на уровень модернизированности сознания. Однако рабочие регионов вынуждены выполнять работу, не соответствующую ни их образованию, ни их квалификации. Деление рабочих на модернистов и традиционалистов в ПФО больше соответствует данным РАН по всему экономически активному городскому населению России в целом. Это связано с тем, что в ПФО рабочая профессия в среде городского населения подчас становится единственным источником существования, поэтому рабочие являются гораздо более распространенной группой в структуре населения ПФО, нежели России в целом.

Обладание информацией, способностью к инновационной деятельности и восприятию нововведений становятся одним из ключевых показателей ресурсности современного рабочего.

Информации, по мнению рабочих, на их предприятиях хватает не всегда. В большей степени они считают, что информированы «о деятельности предприятия в целом» и «о спектре предоставляемых услуг и выпускаемых продуктах» (44,8% и

51,2% соответственно – «осведомлены в полной мере»). Хотелось бы получать более полную информацию «о деятельности руководства предприятия» и «о работе всех его подразделений» (39,4% и 46,2% соответственно – «ничего не знают»). В беседах с рабочими выяснилось, что наряду с традиционными видами информации, которую они хотели бы получать в большем объеме (о бюджете предприятия, об особенностях начисления заработной платы, о распределении и перенесении сроков отпусков), рабочих интересует также стратегическая информация «о планах организации на будущее» и экспресс-информация «о состоянии выполнения плана», «об оценке качества продукции».

Среди рабочих наблюдается несколько потребительское отношение к информации. По их мнению, руководство обязано предоставлять информацию, однако рабочие часто не готовы воспринимать даже ту информацию, которая поступает.

Отношение к нововведениям у рабочих также неоднозначное. В 52,9% случаев они относятся к ним осторожно и осмотрительно. Противниками нововведений, считая любое из них неоправданным риском, являются 10,3% из них. Около 36,8% приветствуют нововведения и всегда готовы идти на риск ради

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос: «Ваш возраст?», %

Варианты ответа	Исследование 2012-2013	RLMS
18-25	8,5	8,9
26-30	13,5	11,3
31-35	11,5	10,9
36-45	21,9	23,5
46-55	27,5	26,8
Старше 65	17,1	18,6
Всего	100	100

дела. Более того, эти рабочие хотели бы, чтобы обновление оборудования и нововведения происходили чаще. Отвечая на вопрос о том, какие условия труда представляют для них наибольшую трудность, на первое и шестое место (из двенадцати позиций) рабочие ставят «работу на устаревшем оборудовании» (21,6%) и «отсутствии возможности повышать квалификацию» (6,5%). Необходимость «освоения новых технологий, нового оборудования» (2,2%) и «постоянного повышения квалификации» (1,7%) стоят на последнем одиннадцатом и двенадцатом месте. Среди наибольших трудностей в трудовой деятельности также называются: большая нервная нагрузка (13,5%), большая физическая нагрузка (11,5%) и отношения с руководством (8,8%).

«Промежуточные» ресурсы современных рабочих

В соответствии с нашей моделью ресурсности, «промежуточными» ресурсами являются возрастной и «производственный» ресурсы (Рис. 1). Эти ресурсы оказывают существенное влияние на ресурсность рабочих в условиях «двойной» модернизации. Однако в условиях интегрированной, а позднее – информационной модернизации, они должны утратить своё влияние, уступив место ресурсам первого уровня.

Возрастной ресурс. Ресурс молодости был рассмотрен нами с точки зрения отнесения рабочих к «рабо-

чей молодежи» и «старшим возрастным группам». Традиционно молодым поколением считается возрастная когорта от 14 до 30 лет. С учетом того, что в современном обществе процесс профессионального обучения, который во все времена считался периодом подготовки к «взрослой» жизни, становится практически непрерывным и весьма долговременным, состояние «молодости» становится все более протяженным во времени. Молодые люди дольше самоопределяются и «формируются» в профессии, значительно позже (в сравнении с их родителями) вступают в официальные брачные отношения и обзаводятся детьми. Кроме того, нас интересуют рабочие, имеющие образование, вступившие в полноценную трудовую деятельность, самоопределившиеся в профессии. В связи с этим весьма логично считать молодым поколением лиц в возрастном диапазоне от 18 до 35 лет.

Ни для кого не секрет, что предприятия испытывают острую потребность в молодых кадрах. Для предприятий приоритетны рабочие, умеющие приспосабливаться к новым организационным и техническим требованиям, быстро находить нужные знания и осваивать необходимые навыки. Именно поэтому наиболее передовые производства ориентированы при приеме на работу только молодежи, которую они готовы обучать прямо на рабочем месте. Несмотря на ориентацию при при-

ёме на работу на молодых сотрудников, в структуре труда рабочих преобладают люди зрелого, предпенсионного и пенсионного возрастов. Согласно данным наших исследований, которые подтверждаются результатами мониторинга RLMS, молодежи в среде российских рабочих от 18 до 35 лет – 33,5%, их них: 18-25 лет (8,5%), 26-30 лет (13,5%) и 31-35 лет (11,5%). Старшие возрастные группы составляют 66,5%, из них: 36-45 лет (21,9%), 46-55 лет (27,5%) и старше 65 лет (17,1%) (см. табл. 3).

«Производственный» ресурс. Ещё в 1970 г. при исследовании ленинградских машиностроителей О.И. Шкаратан [29] уточняет границы рабочего класса как «исторически подвижные», меняя основания внутренней дифференциации рабочих и впервые включая в его состав часть работников нефизического труда, в том числе, техническую интеллигенцию. В современной структуре российского общества основания для дифференциации значительно расширяются. Они часто не зависят ни от характера труда, ни от уровня квалификации и образования, а определяются формой собственности предприятия, сферой хозяйственной деятельности и спецификой региона.

После распада Советского Союза большинство государственных предприятий либо прекратили свое существование, либо оказались неконкурентоспособными. Им на смену пришли предприятия, финансируемые российскими и иностранными частными лицами и фирмами, которые предлагали более выгодные условия труда и заработной платы. Появились смешанные виды найма, новые формы собственности, при которых рабочие стали совладельцами (акционерами) предприятий. Работа по одной и той же профессии с одинаковым уровнем квалификации пред-

полагала разные размеры материального стимулирования, разные условия труда, технологическую модернизацию производства. Рабочий класс оказался «разорванным» между этими видами предприятий и организаций, он утратил единство, стал зависим от формы собственности предприятий, сферы хозяйственной деятельности и региона, в котором это предприятие функционирует.

Ниже мы покажем, каким образом «производственный» ресурс в условиях «двойной» модернизации часто оказывает решающее влияние на ресурсы первого и второго уровня. Нами были изучены рабочие государственных и негосударственных предприятий (российские и иностранные частные лица и фирмы, коллектив предприятия) восьми сфер хозяйственной деятельности (промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт, обслуживание, связь, ЖКХ, лесное хозяйство) трех регионов (Московская, Кировская и Нижегородская области).

Ресурсы «второго уровня» у современных рабочих

Ресурсами второго уровня в условиях «двойной» модернизации являются: экономический, властный, социальный, личностный, ценностный и биологический. Рассмотрим некоторые из них:

Экономический ресурс. Экономический ресурс, считающийся базовым в любых интерпретациях социальной структуры социума, в современном обществе является малозначимым. «Критерий экономического ресурса... не способен выполнять роль базового ... критерия – по нему свыше 80% населения находится в одном и том же положении» [30]. Положение рабочих на этом фоне выглядит достаточно скромным, поэтому в основу экономического ресурса рабочих не могут быть включе-

ны традиционные его составляющие: наличие недвижимости, способной приносить дивиденды, сбережений, позволяющих жить на них более года, собственного бизнеса, доходов от собственности, способной приносить прибыль, пропорциональную вложенному капиталу.

Структуру экономического ресурса, подвергнутому измерению в нашем исследовании, составляют: размер доходов, источник доходов, наличие собственности, особенности потребления, удовлетворенность материальным положением и способность его улучшить.

Основным источником дохода рабочих является заработная плата по основному месту работы (79,7%). Разовые приработки (5,2%), пенсии, пособия, алименты (4,3%) совместительство (4,1%), помощь родственников, близких (3,7%) играют значительно меньшую роль в общей структуре доходов рабочих.

Заработная плата чаще является основным источником доходов для рабочих промышленности (82,8%), транспорта (81,1%) и сельского хозяйства (85,2%). Разовые приработки чаще используют представители сферы ЖКХ (14,6%), строительства (9,5%) и лесного хозяйства (6,7%). Совместительство – рабочие строительной сферы (6,3%), транспорта (5,7%) и обслуживания (5,2%). Рабочие государственных предприятий чаще вынуждены использовать дополнительные источники дохода, нежели работники негосударственных предприятий. Заработная плата по основному месту работы становится основным источником дохода для 91,3% рабочих на предприятиях, которыми владеют иностранные и частные лица и фирмы, 87,5% рабочих на предприятиях, которыми владеет коллектив предприятия, 80% – российские частные лица и фирмы. В государственных предприятиях этот процент равен 77%. Для рабочих,

которые являются владельцами предприятий индивидуальных форм собственности, заработная плата составляет 38,9% в структуре их дохода, правда, в отличие от рабочих государственных предприятий, основным источником их дохода становится собственный бизнес (38,9%) и совместительство (11,1%). Таким образом, «производственный» ресурс является определяющим фактором в источнике доходов рабочего.

Что касается размера доходов (Табл. 4), то, помимо «производственного», определяющее значение здесь играет информационно-инновационный и возрастной ресурсы. Модернисты в 26,7% считают, что их совокупный доход выше уровня средней заработной платы рабочего их квалификации (против 14,3% – традиционалистов и 18,2% – промежуточный тип). Модернисты чаще уверены в том, что материальное положение их семьи будет улучшаться благодаря их личному вкладу. Каждый пятый модернист (21,8%) считает, что оно «значительно улучшится» в последующее время, среди традиционалистов подобной точки зрения придерживается лишь каждый десятый (9,9%).

Молодежь также считает, что получает более высокую заработную плату. Совокупный процент тех, кто считает, что их заработная плата выше уровня заработной платы рабочего его квалификации, снижается с возрастом: 18-25 лет (29,1%), 26-30 лет (27,6%), 31-35 лет (27,2%), 36-45 (18,3%), 46-55 (12,4%) и старше 65 лет (15,6%). И, наоборот, процент тех, кто считает, что их заработная плата ниже средней заработной платы рабочего его квалификации, с возрастом увеличивается. Молодежь в большей степени удовлетворена своим материальным положением и смогла его улучшить за последние три года, нежели представители старшего поколения рабочих.

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос: «Ваш совокупный доход отличается от средней заработной платы рабочего вашей квалификации?» (в зависимости от информационно-инновационного, производственного и возрастного ресурсов)

Варианты ответа	В 3-4 раза выше средней заработной платы	В 2 раза выше средней заработной платы	В 1,5 раза выше средней заработной платы	На уровне средней заработной платы	Ниже средней заработной платы	Итого
Общий процент	4	7,1	9,7	54,9	24,4	100
Информационно-инновационный ресурс (p=0,023)						
Модернист	6,1	7,9	12,7	48,9	24,3	100
Промежуточный тип	3,1	7,1	8	57,5	24,3	100
Традиционалист	2,2	3,3	8,8	60,4	25,3	100
Возрастной ресурс (p=0,001)						
18-25	6,5	8,5	14,1	53,8	17,1	100
26-30	5,9	9,2	12,5	53,3	19,1	100
31-35	7,2	8,8	11,2	51,2	21,6	100
36-45	3,3	7,3	7,7	56,9	24,8	100
46-55	1,6	4,6	6,2	56,4	31,3	100
Старше 65	1	5,2	9,4	57,3	27,1	100
«Производственный» ресурс						
Сфера деятельности предприятия						
Промышленность	4,8	6,5	8,2	55,6	24,9	100
Строительство	11,3	9,4	18,9	43,4	17	100
Транспорт	1,9	8,9	12,1	57	20,1	100
Связь	0	0	7,4	63	29,6	100
Обслуживание	4,7	4,7	9,4	59,6	21,6	100
ЖКХ	2,7	5,4	8,1	45,9	37,8	100
Сельское хозяйство	1,5	6,6	6,6	58,4	27	100
Лесное хозяйство	8	8	12	48	24	100
Регион (p=0,029)						
Киров	4,1	7,8	10,1	53,8	24,2	100
Москва	4,1	1,6	3,3	66,7	24,4	100
Н.Новгород	1,8	7,0	14,0	49,1	28,1	100
Форма собственности предприятия (p=0,003)						
Государство	2,1	7,6	10,6	55,8	23,9	100
Российские частные лица и фирмы	4	7,2	9,1	56,8	23	100
Иностранные частные лица и фирмы	4,8	9,5	9,5	57,1	19	100
Коллектив предприятия	5	2,5	2,5	45	45	100
Индивидуальная форма собственности	23,5	5,9	17,6	41,2	11,8	100

«Производственный» ресурс также оказывает влияние по всем основным позициям, касающимся разме-

ра доходов. Считают, что их заработная плата выше уровня средней заработной платы представителя сфе-

ры строительства и (39,6%) и транспорта (22,9%). Наименьший доход получают рабочие ЖКХ (37,8% – ниже средней заработной платы), связи (29,6%), промышленности (24,9%) и сельского хозяйства (27%). Наиболее критичны по отношению к своему доходу рабочие столицы, рабочие государственных предприятий, а также предприятий с акционерной формой собственности, когда собственником является коллектив предприятия.

Таким образом, решающее влияние на экономический ресурс рабочих оказывают «промежуточные» ресурсы и информационно-инновационный ресурс. Влияние квалификационного ресурса на другие ресурсы эмпирически не подтверждается, так как зависимости источника доходов, размера доходов, удовлетворенности материальным положением от уровня квалификации не являются статистически значимыми.

Властный ресурс. Должностной статус и возможность оказывать влияние на принятие решений в масштабах всего предприятия или в его подразделениях является главным признаком *властного ресурса*. Должность рабочего лишает его права принимать решения в размерах всей организации. Особенно четко это прослеживается в условиях «двойной» модернизации. Каждый второй рабочий (55,1%) считает, что от его мнения практически ничего не зависит. Лишь каждый двадцать пятый рабочий (3,9%) склонен в своих субъективных оценках предполагать, что он способен повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия.

Наиболее яркие различия в способности оказывать влияние на принятие решений на предприятии обнаруживаются среди владельцев информационно-инновационного ресурса. Модернисты (6,8%) чаще считают, что они способны оказывать

влияние на принятие решений в масштабах всего предприятия (2,5% – промежуточный тип и 3,1% – традиционалисты). Каждый четвертый модернист (27,3%) считает, что может влиять на принятие решений в масштабах своего подразделения, в отличие от каждого пятого представителя промежуточного типа (20,1%) и лишь каждого десятого традиционалиста (11,2%). Традиционалисты чаще либо считают, что от их мнения практически ничего не зависит (61,2% – традиционалисты, 58,5% – промежуточный тип и 48,9% – модернисты), либо затрудняются ответить на этот вопрос (24,5% – традиционалисты, 18,9% – промежуточный тип и 17% – модернисты).

На возможность принятия решений в организации влияет и «производственный» ресурс. Считают, что они способны оказывать влияние на принятие решений в масштабах своего подразделения рабочие сферы строительства (34,6%), жилищно-коммунального хозяйства (31,4%), связи (30,3%) и обслуживания (26,4%). Не могут оказать влияния на принятие решений рабочие промышленности (58,3%), сельского хозяйства (57,3%) и транспорта (54,1%). Форма собственности предприятия также оказывает влияние на принятие решений. Рабочие государственных предприятий (57,4%) и предприятий, на которых собственниками являются иностранные частные лица и фирмы (57,1%), чаще склонны заявлять о том, что от их мнения практически ничего не зависит. Пограничная ситуация наблюдается среди рабочих, которые считают, что собственниками является коллектив предприятия или они лично. С одной стороны, они либо считают, что могут принимать решения в масштабах всего предприятия (35,3% – лично рабочий и 4,7% – коллектив предприятия) или масштабах своего подразделения (17,6%

Таблица 5
Распределение ответов на вопрос: Если говорить о Вашей работе, то можно ли Вы сказать, что Вы...? (в зависимости от информационно-инновационного, производственного и возрастного ресурсов)

Варианты ответа	Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия	Способны повлиять на решения в масштабах подразделения	От вашего мнения практически ничего не зависит	Затрудняюсь ответить	Итого
Общий процент	3,9	21,6	55,1	19,5	100
Информационно-инновационный ресурс (p=0,000)					
Модернист	6,8	27,3	48,9	17	100
Промежуточный тип	2,5	20,1	58,5	18,9	100
Традиционалист	3,1	11,2	61,2	24,5	100
Возрастной ресурс (p=0,008)					
18-25	4,4	29,9	50	15,7	100
26-30	7,4	19,8	49,4	23,5	100
31-35	3,6	17,4	60,1	18,8	100
36-45	3,8	22,6	51	22,6	100
46-55	2,7	21,3	57,1	18,8	100
Старше 65	2	12,9	69,3	15,8	100
«Производственный» ресурс					
Сфера хозяйственной деятельности предприятия (p=0,008)					
Промышленность	1,3	19,4	58,3	21	100
Строительство	9,1	36,4	40	14,5	100
Транспорт	5,6	18,6	54,1	21,6	100
Связь	3	30,3	48,5	18,2	100
Обслуживание	6,9	26,4	50	16,7	100
ЖКХ	0	31,4	48,6	20	100
Сельское хозяйство	0,7	20,3	57,3	21,7	100
Лесное хозяйство	7,7	19,2	38,5	34,6	100
Регион (p=0,001)					
Киров	4,5	23,2	54,4	17,9	100
Москва	1,3	12,9	56,1	29,7	100
Нижегород	1,5	16,7	62,1	19,7	100
Форма собственности предприятия (p=0,008)					
Государство	4,1	21,4	57,4	17,1	100
Российские частные лица и фирмы	3,6	22,2	54,8	19,4	100
Иностранные частные лица и фирмы	0	28,6	57,1	14,3	100
Коллектив предприятия	4,7	23,3	41,9	30,2	100
Вы лично	35,3	17,6	23,5	23,5	100

– лично рабочий и 23,3% – коллектив предприятия) либо затрудняются с ответом (23,5% – лично рабочий и 30,2% – коллектив предприятия). Рабочие Кировской области в большей степени склонны положи-

тельно отвечать на вопрос о своем влиянии в организации, нежели рабочие Московской и Нижегородской областей (см. табл. 5).

Биологический ресурс представлен такими характеристиками, как

Таблица 6
Распределение ответов на вопрос: «Оцените состояние Вашего здоровья?» (в зависимости от информационно-инновационного, возрастного и производственного ресурсов), %

Варианты ответа	Очень хорошее	Хорошее	Среднее	Плохое	Очень плохое	Итого
Общий процент	6,4	36,2	53,3	3,5	0,7	100
Информационно-инновационный ресурс (p=0,000)						
Модернист	10,1	40,2	46,9	1,8	1	100
Не определившийся	4,9	35,5	55,8	3,4	0,4	100
Традиционалист	2,2	31,1	54,4	12,2		100
Возрастной ресурс (p=0,000)						
18-25	23,2	51,7	24,6	0,5	0	100
26-30	5,1	51,9	41,1	1,3	0,6	100
31-35	9,8	48,9	39,8	0,8	0,8	100
36-45	1,2	32	61,3	3,9	1,6	100
46-55	0,9	19,4	73,1	5,9	0,6	100
Старше 65	1	28	63	8	0	100
"Производственный" ресурс						
Сфера хозяйственной деятельности предприятия (p=0,000)						
Промышленность	5,6	40,6	51,2	2,7	0	100
Строительство	14,8	33,3	42,6	7,4	1,9	100
Транспорт	8,3	41,7	45,2	3,5	1,3	100
Связь	3,3	43,3	50	3,3	0	100
Обслуживание	5,2	33,1	56,4	4,1	1,2	100
ЖКХ	5,6	36,1	52,8	5,6	0	100
Сельское хозяйство	2,1	22,1	70,7	3,6	1,4	100
Лесное хозяйство	16	28	56	0	0	100

пол, возраст и уровень здоровья. Среди модернистов больше мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Промежуточный тип в большей степени представлен женщинами от 36 лет и старше. Традиционалисты представлены как мужчинами, так и женщинами в возрасте от 31 года. Особенно высок процент традиционалистов в старших возрастных группах, хотя как среди старших возрастных групп есть модернисты, так и среди рабочей молодежи – традиционалисты.

Состояние своего здоровья как очень хорошее чаще оценивают модернисты (10,1%), чем традициона-

листы (2,2%), как хорошее также модернисты (40,2%), нежели традиционалисты (31,1%). Традиционалисты в большей степени определяют уровень своего здоровья как плохое (12,2% – традиционалисты и 1,8% – модернисты).

Наблюдается зависимость уровня здоровья от возраста. Молодежь чаще оценивает уровень своего здоровья как очень хорошее и хорошее. Каждый четвертый молодой рабочий в возрасте от 18 до 25 лет (23,2%) говорит об идеальном состоянии своего здоровья. Представители старшего поколения чаще заявляют

о среднем состоянии своего здоровья: 36-45 лет (61,3%), 46-55 лет (73,1%) и старше 65 лет (63%). Наиболее позитивно уровень своего здоровья оценивают представители сферы строительства, промышленности, связи и транспорта. Наиболее критично представители сельского и лесного хозяйства и сферы обслуживания (Табл. 6).

Поддержанию здоровья, по мнению рабочих, мешает нехватка времени (23,4%), отсутствие материальных возможностей (15,6%), сложности с получением квалифицированной медицинской помощи (8%), вредные привычки (9,3%), занятость семьей, детьми (7%) и др.

Выводы

В России наметился процесс, носящий название «двойной» модернизации, при котором произошла попытка перехода на вторичный (информационный) уровень при незавершенном первичном (индустриальном) уровне. Государство ставит задачи, связанные с инновационным развитием, решение которых возможно только при условии перехода России на новую ступень модернизации. Однако большинству производств катастрофически необходимо прохождение и завершение полного цикла первичной модернизации. Необходим последовательный переход от «двойной» модернизации к интегрированной модернизации, после прохождения которой станет возможным достижение информационной стадии модернизации.

Наибольший урон от «двойной» модернизации нанесен российским рабочим, которые считались «гегемоном общественного прогресса» на индустриальной стадии модернизации. Рабочие оказались не готовыми, с одной стороны, к стагнации индустриальной стадии модернизации, с другой стороны, к изменениям, которые диктуются информаци-

онным обществом.

В условиях «двойной» российской модернизации ресурсы рабочих представлены неравномерно. Наблюдается явный перекоп накопленных ресурсов в сторону индустриальной стадии модернизации. Квалификационный ресурс, являющийся ресурсом первого уровня в период индустриальной модернизации, накоплен рабочими в значительной степени. Однако в условиях российской «двойной» модернизации он теряет свою значимость в силу несоответствия уровня образования, специальности по диплому и квалификации рабочих реально выполняемой ими работе, что объективно обесценивает квалификационный ресурс. Высокий уровень квалификации не является гарантией высокого дохода, доступа к управлению.

Информационно-инновационный ресурс, приоритетный на информационной стадии модернизации, накоплен рабочими лишь в незначительной степени. Однако именно он оказывает решающее влияние на ресурсы второго уровня модернизации. Модернисты в среде рабочих – это люди, имеющие высокий уровень квалификации, готовые к обучению, к восприятию инноваций и новаторской деятельности, имеющие более устойчивые экономические и властные позиции. Исследования показали статистически значимые различия между ними и теми, кто придерживается традиционалистских взглядов. Можно сделать вывод, что ресурс социальной инновации в среде российских рабочих отнюдь не исчерпан, и дальнейшее движение по пути реформ вполне может быть ими поддержано. Именно модернисты могут выступить активными участниками и акторами модернизационных процессов.

«Двойная» модернизация сформировала промежуточные ресурсы: возрастной и «производственный»,

которые в случае достижения интегрированной модернизации не должны играть значимой роли. В условиях же «двойной» модернизации их роль в формировании общей ресурсности рабочего часто является определяющей. Именно «промежуточные» ресурсы оказывают влияние на уровень дохода, доступ к управлению предприятием, уровень здоровья и др.

Рабочие различных сфер хозяйственной деятельности и регионов имеют различный уровень актуализированности и взаимной конвертируемости ресурсов, что отражает общее состояние той или иной отрасли народного хозяйства в современной экономике. Наиболее проблемными зонами, уровень ресурсности рабочих в которых крайне низок, являются сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность. Особое внимание при движении в сторону интегрированной модернизации следует уделить сбалансированному развитию регионов, отраслей народного хозяйства.

Не менее значимой составляющей «производственного» ресурса является форма собственности предприятия, на котором работают рабочие. Рабочие государственных предприятий являются более низко-ресурсными по сравнению с рабочими предприятий негосударственных.

Приоритетным в условиях «двойной» модернизации становится возрастной ресурс молодости. Рабочая молодежь более мобильна, способна к переквалификации, обладает гибкостью, способностью к поиску необходимой информации, к инновационной деятельности, обладает инновационным мышлением. Однако более высоко ресурсная молодежь либо отказывается выбирать в качестве профессиональной жизненной карьеры рабочие профессии и не готова поступать в образовательные учреждения, занимающиеся подго-

товкой рабочих кадров, либо считает профессию рабочего временным этапом в профессиональной жизненной стратегии, что усугубляет и так достаточно сложное положение производственных отраслей экономики.

Более подробный анализ ресурсности рабочих позволит определить четкие критерии внутренней дифференциации данной социальной группы, выделить высоко ресурсные и низко ресурсные группы рабочих и определить их роль в качестве актора российской модернизации.

Ссылки:

1. Заславская Т.И. О социальных факторах модернизации // Общественные науки и современность. 2011. №3. С.13-14.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.-К. Горшкова, Р. Кумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир», 2010. 242 с.
3. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.-К. Горшкова, Р. Кумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир», 2010. С. 231-232.
4. Лапин Н.И. Состояние модернизации в России и её регионах (Стадии модернизации, их уровни и фазы) / Тезисы доклада на Ученом совете Института социологии РАН [Электронный ресурс]. (дата обращения 07.06.2013) http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Uchenyi_sovet_20.06.12_Lapin.pdf.
5. Чуаньци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М.: Издательство «Весь мир», 2011. 256. с.
6. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // СОЦИС. 2012. №9. С. 5.
7. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // СОЦИС. 2011. №9. С. 14.

8. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Т.6. №3. 2005. С. 60-74.
9. Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D.B. Grusky. Westview Press. 2001. P. 3-39.
10. Sorensen A.B. Toward a sounder basis for class analysis // The American Journal of Sociology. Chicago. Vol. 105, N 6 (May 2000), p. 1523-1558.
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
13. Заславская Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 5-16.
14. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №4 (сентябрь). С. 20-32.
15. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2003. 287 с.
16. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
17. Человеческий потенциал как критический ресурс России / под. ред. Б.Г. Юдина. М.: ИФ РАН, 2007. 175 с.
18. Ядов В.А. Семейный ресурс: [семья в системе ценностей современного общества] // Знание-сила. 2003. №1. С. 16-21.
19. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 218.
20. Там же. С. 219.
21. Заславская Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 5-16.
22. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 2003. С. 79.
23. Там же. С.80.
24. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
25. Там же. С. 228-229.
26. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения 07.02.2012).
27. Климова, С.Г. Преживание экономического кризиса российскими рабочими // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 200-217.
28. Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М.К. Горшкова, Р. Кумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир», 2010. С. 32.
29. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970. 423 с.
30. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 230.

Теоретический анализ противоречий межсекторного взаимодействия¹

Трескин П.А.

В статье проводится теоретический анализ современных исследований в области социального партнерства и межсекторного взаимодействия. Рассматриваются внешние и внутренние условия и противоречия развития социального партнерства и их социально-практическое и теоретико-методологическое рассмотрение у разных ученых.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальное развитие, интеграция

Treskin P.A.

Theoretical analysis of the contradictions of social partnership

The article presents a theoretical analysis of current research in the field of social partnership and cross-sector collaboration. We consider both external and internal conditions and contradictions of social partnership and social-practical and theoretical-methodological consideration in different scientists.

Key words: social partnership, social development, integration

Социальная ответственность – очень широкое понятие. С одной стороны это деятельность бизнеса в сфере политики и экономики, культуры и образования, искусства и досуга и проч. С другой стороны это помощь в организации программ социальной политики в ресурсном обеспечении, оказании различных услуг, материальной помощи и прочих благ населению района, города, страны.

Для одних социальная ответственность принимает форму юридической ответственности компании за свою продукцию или услуги, для других это синоним законности, для третьих это социально-ответственное поведение в этическом или моральном аспектах, для четвертых это каузальная «ответственность за...», для пятых это социальная сознательность бизнесменов, для шестых это основанная на общественном доверии обязанность, требование высоких стандартов поведения бизнеса в целом.

Одни авторы проходят к данному вопросу с позиции интересов бизнеса и их встраиваемости в существующую социально-экономическую и политическую ситуацию в стране.

Например, С. П. Перегудов, И. С. Семенов, Ю. Е. Благоев, Е. А. Иванова² поставили вопрос о качественной эволюции отношений корпораций, общества и государства в процессе исторического развития; Б. Б. Коваленко, А. А. Бочарова, А. Г. Деметьева³ говорят о схожих моментах изменения взаимоотношений этих субъектов и иллюстрирует это примерами экономических реформ в странах СНГ; М. А. Шабанова, М. П. Бизяева, М. А. Бурчакова, Ю. В. Дворцов, Е. В. Левкин⁴ анализируют изменения форм социальной поддержки под влиянием реформ внутри страны, а также под влиянием некоммерческого сектора и зарубежных организаций; А. Ю. Зудин, В. А. Иванова⁵ сравнивает эволюцию российского и зарубежного опыта бизнес-ассоциаций, их сходства и отличия; М. В. Бикеева, Т. П. Зантарая, Е. Н. Феоктистова⁶ рассматривают функции и роль крупных предприятий в социальном обустройстве городов; М. В. Кулибина, В. Г. Антонов, О. А. Лещенко, А. А. Ляпина⁷ показывают влияние корпоративной социальной ответственности на имидж компании; В. И. Франчук, Е. П. Тавокин, Рубцова рассматривают роль корпоративной ответственности в управлении компанией⁸. О социальной ответственности бизнеса в различных секторах экономики и политики говорится в работах А. А. Аннаева, Д. В. Ефременко⁹ и др.

Другие авторы, рассматривают бизнес как один из элементов взаимодействия и воздействия на другие институты. Особое место занимает концепция межсекторного социального партнерства, определяемая как конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (А. С. Автономов, Л. И. Никовская, В. Н. Якимец¹⁰); в работе А. А. Кружевниковой приводятся сравнение институциональных факторов приводящих к эффективной работе

малого предпринимательства¹¹; в исследовании И. Б. Мардарь приводится анализ социального взаимодействия бизнеса и НКО¹²; Е. М. Осипов, Д. Зайцев, А. Березин, Р. Гринберг, И. Б. Олимпиева, В. В. Староверов¹³ приводят примеры социальной ответственности бизнеса в наши дни и проблемы, с которыми он сталкивается (как внутри коллектива, так и во взаимодействии с другими социальными институтами); А. В. Виленский, А. Е. Чирикова, А. М. Старостин, Л. Полищук, Н. З. Почуха, А. И. Попандуло¹⁴ рассматривают взаимодействие бизнеса и власти; в работах С. Н. Алямкина, А. А. Кокшаровой, А. И. Плотникова, Е. А. Бондарчука, В. Н. Якимец, Е. В. Марковой, М. Я. Рожанского¹⁵ рассматриваются конкретные технологии взаимодействия различных акторов социальной ответственности на муниципальном и региональном уровне.

Третья группа исследователей изучает ожидания населения и различных институтов в адрес друг друга. Например, исследования влияния социальной ответственности бизнеса на социальную структуру и социальную дифференциацию в обществе показаны в работах С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова, Е. И. Пахомовой¹⁶. Восприятие социальной роли и социальной ответственности бизнеса различными группами населения также исследуется в работах О. А. Полюшкевич и П. А. Трескина, М. К. Горшкова, А. А. Лебедева, А. Е. Чириковой, Н. Ю. Лапиной¹⁷ и др.

Четвертая группа рассматривает социальное партнерство как показатель социокультурных сдвигов, приводящих к изменению представлений об успехе, целях, деньгах, культуре, благотворительности и других ценностно-окрашенных категориях социальной реальности. Например, Н. Н. Зарубина показывает взаимосвязь финансового благополучия и социальной ответственности¹⁸, К.

Захаров говорит о социальной ответственности как условии качественного труда¹⁹, И. Д. Кочетова рассматривает социальную ответственность как предпосылку социального партнерства и условие социокультурных изменений²⁰.

Таким образом, обобщив проблематику вышеперечисленных авторов, мы можем заключить, что социальное партнерство – это многогранное явление. Оно может рассматриваться 1) как отношения между группами, классами и индивидами, направленные на формирование единого социокультурного пространства взаимодействия; 2) как функциональное явление – соблюдение условий, содержания и форм деятельности групп, слоев, общностей с целью их социальной солидарности; 3) как политический институт, направленный на формирование стабильности и отстаивания прав различных социальных групп.

В тоже время, социальное партнерство может восприниматься как условие развития всего общества (партнерство как взаимодействие всего общества) и более узко как партнерство ограниченное временным периодом и задачами поставленными во временных рамках различными субъектами. Представления о социальной ответственности бизнеса базируются на трех основных позициях, бизнес должен быть заинтересован: 1) в производстве качественных товаров и услуг, уплате налогов, хорошо оплачиваемых рабочих мест, финансовой поддержке ведомственной социальной инфраструктуры; 2) во вкладе в развитие социальных программ, влияющих на работу самого предприятия в настоящем и в будущем; 3) в восприятии социальной ответственности как полноценного, многофакторного и структурного элемента деятельности компании, влияющего на имидж, инвестиционную привлека-

тельность, маркетинговую эффективность, конструктивность взаимоотношению с властью и обществом.

Обобщая выводы исследователей, можно сказать, что с одной стороны, российский бизнес несет все больше социальной нагрузки, с другой – он пассивен и не заинтересован в реализации социальной политики (Перегулов). Предприниматели платят налоги и хотят безопасности и комфорта для своей жизни. Работает простая экономическая схема – «я плачу деньги, хочу получить результат» (я плачу налоги – хочу получить результат (безопасность, стабильность, законность) и т.д. Примером несогласования ожиданий представителей бизнеса могут стать чиновники, которые берут деньги за то, что итак должны делать. Результатом этого становится протест бизнеса взаимодействовать с властью и решать насущные вопросы. Исследования Горшкова, Чириковой, Лапиной констатируют разрыв между ожиданиями населения (помогать не только своим сотрудникам, но и всей территории, где расположено предприятие) и готовностью бизнеса проявлять социальную ответственность. Иными словами, – это ценностный разрыв между двумя институтами. По данным Мардарь, Никовской, Якимец, Полюшкевич, Трескина и других аналогичный разрыв происходит между НКО и бизнесом из-за отсутствия прозрачной схемы выполнения своих обязанностей каждой из сторон.

Помимо этого, изменились социально-экономические условия развития бизнеса и общества. Если в конце 90-х в обществе доминировала потребность в рабочих местах и роль бизнеса была в предоставлении работы и оплаты зарплаты, то спустя 10 лет – требования изменились, от бизнеса требуют не только занятости и достойной оплаты сотрудникам, но и корпоративной социальной

ответственности, выраженной в заботе об окружающей территории, обеспечении инфраструктуры региона и т.д.

Указанные сложности межсекторного взаимодействия показывают то, что требования к бизнесу возрастают с каждым днем, но его возможности остаются теми же. Государство не создавая особых условий для бизнеса требует от него социальной ответственности. Например, простые люди, платят 13% своих доходов государству, предприниматели платят значительно большие суммы от своих доходов, но и ожидают от государства они значительно большего – возможностей и гарантий стабильного, безопасного развития. Если государство не справляется, то бизнес может самостоятельно организоваться, создавая свои элитные поселки, зону своей безопасности. Но тем самым прочерчивается линия социальной дифференциации (вызванная желанием защитить себя, т.к. государство с этим не справляется). Рано или поздно, это приведет к социальным напряжениям и протестам. Примером тому могут служить «белые» и «черные» районы в США, Гетто в Германии и др. Защищая себя, подчеркивая свою состоятельность, бизнесмены будут провоцировать недовольство низов, считающих что это «они зарабатывают это деньги, а бизнесмены на этом наживаются».

Правительство, отказавшись от схемы социалистического общества, в котором население было примерно уравнено между собой и потенциал развития мог быть у каждого, не создало альтернативных легальных схем сегодня. Поэтому, самодифференциация происходит в различных кругах самостоятельно. Бизнес-среда – это наиболее активная и комфортная зона формирования новых законов развития всего общественного устройства. По наше-

му мнению, в дальнейшем, социальное неравенство будет только обостряться.

НКО не предлагая прозрачных схем партнерства требуют от бизнеса финансирования и включенности в социальные проекты. Население воспринимает предпринимателей как «успешных, обеспеченных, богатых и поэтому они *должны...*» требует качественной продукции и дополнительной социальной ответственности для территории. Успешных и удачливых людей более заметно на общем фоне, поэтому к ним обращаются с просьбами и требованиями. Это правило старо как мир.

Помимо этого, наше общество уже давно называют потребительским. Не следует это понимать только в узком смысле – приобретения материальных благ и развлечений. «Потребительство» проявляется во всем – что мне даст то или иное рабочее место, что мне даст мой руководитель, что мне даст государство (какие права и гарантии). И от предпринимателя требуют того же самого – «дай». Формируется социальный слой людей – потребителей не только товаров, но и потребителей социальных институтов. Это приводит к разрыву в мышлении различных поколений (родители выросли в обществе где школа и детский сад были бесплатны, а нынче даже за деньги не так просто найти детский сад, в 2011 году обсуждается вопрос о бесплатном начальном образовании (хотя и это образование только условно бесплатно, т.к. есть необходимость покупать учебники, тетради, канцелярию и т.д.), среднее образование будет платным и дифференцированным. Это приведет к новой стратификации общества на основе интеллектуального потенциала и уровня полученного образования. Меняется мировоззрение людей. Эти процессы непосредственно отразятся на предпринимательской

деятельности, т.к. вопрос о квалифицированных кадрах будет стоять все более остро. Но, заточенные под иные стандарты (предложенные СМИ), мышление молодых поколений будет иначе воспринимать сферу должного и получаемого. Потребление как социальное явление станет мерилем не только внешних форм экономики, но и внутренним потенциалом социально-экономического развития общества в целом.

Потребление как психология работников опять же ограничивает современных работодателей, т.к. потребности и запросы подчиненных (провоцируемые СМИ), растут быстрее, чем возможности работодателей. Налоговая система изменяется и требует большей отчетности и денег от бизнесменов. Некоммерческие организации требуют от бизнес-структур участия и поддержки. Подобного рода процессы происходят во всех сферах, с которыми сталкивается отечественный бизнес.

Но если не помогать бизнесу, то и ожидать от него возросшей социальной ответственности не приходится. На сегодняшний день, каждый институт хочет что-то получить от него, не предлагая ему ничего в замен. Это заведомо ложный путь. Но пока, наше общество идет именно по нему.

Примечания

1 Исследование выполнено в рамках гранта Президента МК-480.2013.6 «Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерный аспект» (руководитель - к.ф.н., доцент - О.А. Полюшкевич), а также при поддержке Государственного контракта № 16.740.11.0421 Федеральной целевой программы Минобрнауки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010-2012 г.г.), исследовательский проект «Ресурсы консолидации российского общества:

институциональный анализ» (Руководитель проекта – д.ф.н., профессор О.А. Кармадонов).

2 *Перегудов С. П.* Государство и бизнес до и после президентских выборов 2008 года // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия / под ред. Л. Е. Ильичевой / С. П. Перегудов. М.: ИНЭК, 2010. С. 28-41.; *Перегудов С. П.* Кризис корпоративной модели российского бизнеса / С. П. Перегудов // Мировая экономика и международные отношения, 2010. № 5. С. 32-43.; *Перегудов С. П., Семенов И. С.* Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? / С. П. Перегудов // Мировая экономика и международные отношения, 2009. № 6. С. 58-66.; *Перегудов С. П.* Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии / С. П. Перегудов, И. С. Семенов. М.: ПрогрессТрадиция, 2008. 447 с.; *Благов Ю. Е.* Корпоративная социальная ответственность в России: уроки национального доклада о социальных инвестициях / Ю. Е. Благов, Е. А. Иванова // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7, № 1. С. 3-24.

2 *Коваленко Б. Б.* Проблемы оценки экономических реформ в странах СНГ / Б. Б. Коваленко // Проблемы современной экономики, 2005. № 1/2 (13/14). С. 278-283.; *Бочарова А. А.* Политика корпоративной социальной ответственности: пути реализации / А. А. Бочарова // Справочник по управлению персоналом. 2010. № 4. С. 50-56.; *Дементьева А. Г.* Корпоративная социальная ответственность / А. Г. Дементьева // Маркетинг. 2009. № 4. С. 3-12.

3 *Коваленко Б. Б.* Проблемы оценки экономических реформ в странах СНГ / Б. Б. Коваленко // Проблемы современной экономики, 2005. № 1/2 (13/14). С. 278-283.; *Бочарова А. А.* Политика корпоративной социальной ответственности:

пути реализации / А. А. Бочарова // Справочник по управлению персоналом. 2010. № 4. С. 50-56.; Дементьева А. Г. Корпоративная социальная ответственность / А. Г. Дементьева // Маркетинг. 2009. № 4. С. 3-12.

4 Шабанова М. А. Российский бизнес на пути к более цивилизованному? / М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. 2008. №6. С. 11-26.; Бизяева М. П. Проблемы становления корпоративной социальной ответственности в России / М. П. Бизяева // Управление персоналом. 2009. № 23 (225). С. 46-48.; Бурчакова М. А. Становление системы социальной корпоративной отчетности: международный опыт и Россия / М. А. Бурчакова // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 8. С. 36-43.; Дворцов Ю. В. Усиление социальной ответственности бизнеса в России / Ю. В. Дворцов // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 3. С. 54-58.; Левкин Е. В. Роль Глобального договора ООН в развитии корпоративной социальной ответственности в России / Е. В. Левкин // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 5. С. 20-23.

5 Зудин А. Ю. «Подснежники» или незаменимые посредники? Сектор «работающих» бизнес-ассоциаций России (по данным качественного исследования) / А. Ю. Зудин // Мир России: Социология, этнология, 2011. №3. С. 95-124.; Зудин А. Ю. Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России / А. Ю. Зудин // Общественные науки и современность, 2011. №3. С. 26-35.; Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. Коллект. монография / Яковлев А. А., Зудин А. Ю., Голикова В. В., Говорун А. В., Гарифуллина Г. А., Астафьева Е. В. М.: МОНФ, 2010. Т. 219. 190 с.; Зудин А. Ю. Ассоциации в системе отноше-

ний бизнеса и государства. «Классические» и современные формы в странах Запада / А. Ю. Зудин // Прогнозис, 2009. № 2 (18). С. 241-287.; Зудин А. Ю. Государство и бизнес в России: эволюция взаимоотношений / А. Ю. Зудин // Неприкосновенный запас, 2006. № 6(50). С. 200-212.; Иванова В. А. Особенности формирования моделей корпоративной социальной ответственности в зарубежных странах и России / В. А. Иванова // Человек и труд. 2009. № 10. С. 46-50.

6 Бикеева М. В. Составляющие социальной среды крупных предприятий региона / М. В. Бикеева // Регионоведение. 2010. №4. С. 197-203.; Зантарая Т. П. Социальные программы социальной ответственности бизнеса / Т. П. Зантарая // Управление персоналом. 2007. № 11. С. 63-64.; Феоктистова Е. Н. О корпоративной социальной ответственности в России / Е. Н. Феоктистова // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 5. С. 6-11.

7 Кулибина М. В. Влияние корпоративной социальной ответственности на бренд и деловую репутацию компании / М. В. Кулибина, В. Г. Антонов // Маркетинг. 2008. № 5. С. 66-76.; Лещенко О. А. Корпоративность бизнеса в России и социальное развитие / О. А. Лещенко // Философские науки. 2009. № 3. С. 55-69.; Ляпина А. А. Экологические и социальные аспекты деловой репутации / А. А. Ляпина // Экономика природопользования. 2008. № 4. С. 53-60.

8 Франчук В. И. Мифы о социальной организации и управлении / В. И. Франчук // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6. С. 255-266.; Тавокин Е. П. Российские компании в условиях экономического кризиса (в оценке экспертов) / Е. П. Тавокин // Социологические исследования. 2010. №3. С. 76-85.; Рубцова М. В. Управляемость во взаимодействии

субъектов: традиционные и новые практики / М. В. Рубцова // Социологические исследования. 2011. №2. С. 46-53.

9 *Аннаев А. А.* Корпоративная социальная ответственность в финансовом секторе / А. А. Аннаев // Банковское дело. 2009. № 9. С. 72-75.; *Ефременко Д. В.* Влияние крупного бизнеса на теорию и практику глобальной экологической политики / Д. В. Ефременко // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 61-68.

10 *Автономов А. С.* Конституционные основы взаимодействия общества и государства // Альманах Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры) / Под ред. Н. Л. Хананашвили / А. С. Автономов. М.: Настольная книга, 2002. 230 с.; *Автономов А. С.* Межсекторное взаимодействие: принципы и основы // Альманах. Межсекторные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры) / А. С. Автономов. М.: Настольная книга, 2000. 230 с.; *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* От конфликта к межсекторному партнерству в России. / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №1. С. 96-112.; *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Типология публичной политики в российских регионах / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социологические исследования. 2011. №3. С. 56-66.; *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. 2011. №1. С. 80-97.

11 *Кружевникова А. А.* Институциональные факторы, обеспечивающие эффективное развитие малого предпринимательства / А. А. Кружевникова // Социально-гуманитарные знания. 2010. №2. С. 193-200.

12 *Мардарь И. Б.* Трансформации сетевой деятельности некоммерческих организаций / И. Б. Мардарь // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 133-138

13 *Осипов Е. М.* Социальное партнерство как условие добросовестной конкуренции в малом бизнесе / Е. М. Осипов // Социология власти. 2011. №2. С. 127-133.; *Зайцев Д., Березин А.* Социальная политика организации / Д. Зайцев, А. Березин // Проблемы теории и практики управления. 2010. №2. С. 54-60; *Гринберг Р.* Экономическая эффективность предпринимательства и социальная ответственность фирмы / Р. Гринберг // Общество и экономика. 2006. № 9. С. 9-18.; *Олимпиева И. Б.* Коллективные переговоры на предприятиях: от «трудового картеля» к социальному партнерству / Олимпиева И. Б. // Социологические исследования. 2010. №4. С. 65-74.; *Староверов В. В.* Рейдерство как фактор трансформации российского предпринимательства / Староверов В. В. // Социологические исследования. 2010. №4. С. 54-65.

14 *Виленский А. В.* Российские объединения малых предпринимателей как институт гражданского общества / А. В. Виленский // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 59-68.; *Чирикова А. Е.* Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики. Региональная проекция / А. Е. Чирикова. М.: Независимый институт социальной политики, 2007. 152 с.; *Старостин А. М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России / А. М. Старостин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 351 с.; *Полищук Л.* Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора / Л. Полищук // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 4-22.; *Почуха Н. З.* Свя-

зи с правительством – корпоративные коммуникации - лоббизм: проблема соотношения социальных практик / Н. З. Почуха // Социология власти. 2011. №3. С. 150-157; *Попандуло А. И.* Государство и бизнес: новые горизонты партнерства / А. И. Попандуло // Власть. 2011. №8. С. 22-26.

¹⁵ *Алямкин С. Н.* Специфика социальной ответственности бизнеса в регионе / С. Н. Алямкин // Регионоведение. 2008. №1. С. 172-180.; *Кокшарова А. А.* Межсекторное социальное партнерство как фактор устойчивого развития муниципального образования / А. А. Кокшарова // Регионоведение. 2009. №2. С. 228-235; *Плотников А. И.* Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России / А. И. Плотников // Современные научные исследования и инновации. Май, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404> (дата доступа 14.08.2013); *Бондарчук Е. А., Якимец В. Н.* Межсекторное социальное партнерство: объединение ресурсов бизнеса, власти и общества на территории МО (Местное самоуправление – новые технологии развития) // Электронный журнал «Местное устойчивое развитие» 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://fsdejournal.ru/pdf-files/2010/bondarchuk_yakimets_03-2010.pdf (дата обращения 01.08.2011); *Маркова Е. В.* К вопросу о социальной ответственности бизнеса / Е. В. Маркова // Власть. 2007. №6. С. 55-62.; *Рожанский М. Я.* Местное самоуправление: борьба за ресурсы и поиск ресурсов // Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова и А. Титкова. / М. Я. Рожанский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 359-369.

¹⁶ Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры общественного мнения и эксперты

оценивают социальную роль бизнеса в России / Под ред.: С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова. М.: Ассоциация менеджеров, 2003. 100 с.; *Литовченко С. Е.* Корпоративная ответственность является неотъемлемой частью системы прогнозирования и управления рисками / С. Е. Литовченко [электронный ресурс]. URL: <http://www.Socotvet.ru/sob2/sob.nsf> (дата доступа 17.08.2011); *Пахомова Е. И.* Доверие общества и государства к частному бизнесу - основа развития ГЧП / Е. И. Пахомова // Национальные проекты. 2008. № 7/8. С. 136-138.

¹⁷ *Полюшкевич О. А., Трескин П. А.* Бизнес и власть: основы гражданской консолидации / О. А. Полюшкевич, П. А. Трескин, А. В. Кобжицкий // Дискуссия. 2012. №6 (24). С. 94-101.; *Горшков М. К., Лебедев А. А.* Крупный российский бизнес: социальная роль и социальная ответственность (позиция населения и оценки экспертов) / М. К. Горшков, А. А. Лебедев. М.: Национальный инвестиционный совет; Институт комплексных социальных исследований, 2005. 232 с.; *Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю., Шилова Л. С., Шишкин С. В.* Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / А. Е. Чирикова, Н. Ю. Лапина, Л. С. Шилова, С. В. Шишкин. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 232 с.

¹⁸ *Зарубина Н. Н.* Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 13-23.

¹⁹ *Захаров К.* Социальная ответственность - не дань моде, а один из базовых принципов ведения бизнеса / К. Захаров // Человек и труд. 2008. № 6. С. 18-19.

²⁰ *Кочетова И. Д.* Социальная ответственность как предпосылка социального партнерства / И. Д. Кочетова // Высшее образование сегодня. 2009. № 5. С. 51-54.

Инновационный менеджмент и социальное поле приложения логистики

Чебан Д.А.

Все большее значение в современной экономике приобретают проблемы инновационного менеджмента и тесно связанной с ним логистики. В статье дан диахронный и синхронный анализ инновационного менеджмента, показаны сущность и современные тенденции в изучении логистических процессов. Самостоятельное место отводится взаимосвязи прикладной социологии и логистики.

Ключевые слова: инновационный менеджмент, этапы процесса инновации, стратегия инновационного развития, логистика, механизмы управления, социолог-прикладник

Cheban D.A

Innovation management and social field of logistics applications

Increasingly important in today's economy is the problem of innovation management and is closely associated logistics. The paper gives a diachronic and synchronic analysis of innovation management, and shows the essence of current trends in the study of logistics processes. Self is given to the relationship of applied sociology and logistics.

Key words: innovation management, stages of the innovation process, the strategy of innovative development, logistics, and management an applied sociologist

Инновационный менеджмент – одно из направлений стратегического менеджмента, осуществляемого на высшем уровне руководства компанией. Его целью является определение основных направлений научно-технической и производственной деятельности фирмы в следующих областях: разработка и внедрение новой продукции (инновационная деятельность); модернизация и усовершенствование выпускаемой продукции; дальнейшее развитие производства традиционных видов продукции; снятие с производства устаревшей продукции¹.

Главное внимание в инновационном менеджменте уделяется выработке стратегии инновации и мер, направленных на ее реализацию. Разработка и выпуск новых видов продукции становится приоритетным направлением стратегии фирмы, так как определяет все остальные направления ее развития. В целом осуществление инновационного менеджмента предполагает: разработку планов и программ инновационной деятельности; наблюдение за ходом разработки новой продукции и ее внедрением; рассмотрение проектов создания новых продуктов; проведение единой инновационной политики; обеспечение финансами и мате-

риальными ресурсами программ инновационной деятельности; обеспечение инновационной деятельности квалифицированным персоналом; создание временных целевых групп для комплексного решения инновационных проблем².

Особенностью современного этапа развития инновационной деятельности является образование в крупнейших организациях единых научно-технических комплексов, объединяющих в единый процесс исследование и производство. В 1980-е гг. в инновационной политике организаций отчетливо проявилась тенденция к переориентации направленности научно-технической и производственно-сбытовой деятельности, которая выражалась, прежде всего, в стремлении к повышению в ассортименте выпускаемой продукции удельного веса новых наукоемких изделий, сбыт которых ведет к расширению сопутствующих технических услуг: инжиниринговых, лизинговых, консультационных и др. С другой стороны, отмечается стремление к снижению издержек производства традиционной продукции.

В современных условиях в крупных фирмах сложились устойчивые механизмы управления инновационной деятельностью, отражающие особенности процесса интеграции науки и производства, все большую ориентацию исследований и разработок на рыночные потребности, усиление влияния рыночных факторов на определение стратегических позиций организаций. Новым в 1980-90-е гг. стало возникновение и развитие интегрированных систем управления процессом инновации: разработка и внедрение нововведений превратились в непрерывный управляемый процесс, когда инновационные идеи интегрируются в перспективные производственные планы и

программы. Создание более гибкой и комплексной системы управления инновационными процессами, нового хозяйственного механизма, ориентированного на разработку перспективной продукции, перестройку организационных форм и функций управления, а также стиля управления, стимулирует создание и внедрение новшеств и обеспечивает сквозное управление инновационным процессом от возникновения идеи до ее реализации. Организационно такой механизм предусматривает, что службы и отделы, занимающаяся реализацией технической политики и управлением нововведениями, рассредоточены по разным уровням управленческой структуры, и между ними действует налаженная система взаимодействия и координации.

Сложившаяся в 1980-е гг. *система управления процессом инновации* предполагает: создание на высшем уровне специализированных подразделений (советов, комитетов или рабочих групп по разработке технической политики); создание центральных служб, отделений новых продуктов для координации инновационной деятельности; выделение целевых проектных групп или центров по разработке новой продукции; повышение роли находящихся в составе производственных отделений отделов НИ-ОКР, лабораторий, научных центров, занимающихся инновационной деятельностью; образование венчурных подразделений и специальных фондов стимулирования инновационной деятельности; организация консультационной помощи в области нововведений; создание специальных отраслевых лабораторий по проблемам освоения новой технологии.

Активное использование инноваций существующими компаниями обеспечит повышение их эффективности и конкурентоспособности, по-

может компаниям ускорить свой рост, освоить новые рынки, создать новые рабочие места, что, в конечном счете, определяет экономическое развитие региона, рост налоговой базы, повышение качества жизни. По различным оценкам, от 75 до 100% прироста производства промышленно развитых стран сегодня обеспечивается за счет использования именно инноваций³. Как известно, их успех определяется сочетанием трех равноправных компонентов: технологий, ресурсов и менеджмента. Наиболее прибыльными сегодня являются секторы, ориентированные на производство информационных технологий, компьютеров и полупроводников, средств связи и систем телекоммуникаций, лекарственных препаратов и медицинского оборудования.

Под инновациями в широком смысле понимается прибыльное использование новшеств в виде новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого, административного или иного характера. Период времени от зарождения идеи, создания и распространения новшества и до его использования принято называть жизненным циклом инноваций. С учетом последовательности проведения работ, жизненный цикл рассматривается как инновационный процесс⁴.

Инновации характеризуются более высоким технологическим уровнем, новыми потребительскими качествами товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом. Инновационные процессы зарождаются в отдельных отраслях науки, а завершаются в сфере производства, вызывая в ней прогрессивные, качественно новые изменения.

Инновации оцениваются не с точки зрения технологического совер-

шения, а исключительно в зависимости от их соответствия общественным потребностям, платежеспособному спросу, деловой стратегии. Наивысшую стоимость приносят инновации, создающие новые рынки. Одной из важных предпосылок становления и развития новой экономики является зрелость и устойчивость институциональной среды⁵.

Основная масса инноваций реализуется в рыночной экономике предпринимательскими структурами как средство решения производственных, коммерческих задач, как важнейший фактор обеспечения стабильности их функционирования, экономического роста и конкурентоспособности.

В настоящее время инновации становятся основным средством увеличения прибыли хозяйствующих субъектов за счет лучшего удовлетворения рыночного спроса и снижения производственных издержек по сравнению с конкурентами. Под инновациями понимаются такие результаты научных исследований и разработок, которые способны улучшить технические, экономические, потребительские характеристики существующей продукции, процессов, услуг или могут стать основой создания новой. Такие достижения науки становятся источником новой (дополнительной) прибыли, а, значит, могут стать самостоятельным рыночно-востребованным товаром и иметь свою рыночную стоимость. Инновации в сочетании с профессиональным менеджментом в современной мировой экономике становятся основой повышения конкурентоспособности продукции, способов или механизмов управления различными технологическими, экономическими, социальными процессами.

Мировой экономикой нарабатано несколько стратегий инновационного развития:

- поддержка диффузии инноваций, в частности путем купли патентов и технологий за границей с целью их последующего самостоятельного усовершенствования;

- поддержка высокотехнологической экспансии и интеграции в транснациональные корпорации с целью копирования передовых технологий и повышения квалификации трудовых ресурсов;

- поддержка отраслей и предприятий достигших определенных успехов в научно-технических разработках, имеющих человеческий и инфраструктурный потенциал для эффективного инновационного развития.

Новизна инноваций оценивается по технологическим параметрам, а также с рыночных позиций. С учетом этого строится классификация инноваций⁶.

В зависимости от технологических параметров инновации подразделяются на продуктовые и процессные.

Продуктовые инновации включают применение новых материалов, новых полуфабрикатов и комплектующих; получение принципиально новых продуктов. *Процессные инновации* означают новые методы организации производства (новые технологии). Процессные инновации могут быть связаны с созданием новых организационных структур в составе предприятия (фирмы).

Понятие инновационного процесса может быть рассмотрено с различных позиций. Во-первых, его можно рассматривать как параллельно-последовательное осуществление научно-исследовательской, научно-технической и инновационной производственной деятельности и маркетинга. Во-вторых, его можно рассматривать как временные этапы жизненного цикла нововведения.

В-третьих, его можно рассматривать как процесс финансирования и инвестирования нового товара или услуги. В этом случае он выступает в качестве инновационного проекта. Понятие инновационный проект употребляется в двух значениях: как дело, деятельность, мероприятие, предполагающее осуществление комплекса каких-либо действий, обеспечивающих достижение определенных целей и как система организационно-правовых и расчетно-финансовых документов, необходимых для осуществления каких-либо действий.

Любой инновационный проект делится на ряд этапов (или стадий, фаз). В самом общем виде процедура выполнения проекта предусматривает следующие этапы: обоснование и выбор проекта; составление первоначального плана реализации проекта; «запуск» проекта; собственно реализация проекта и завершение проекта. Основными аспектами реализации проекта являются: планирование, мониторинг и контроль, менеджмент риска. В любом проекте одна из наиболее важных задач состоит в максимально точной оценке риска и обеспечении действенного контроля за ним.

В целом проблема определения экономического эффекта и выбора наиболее предпочтительных вариантов реализации инноваций требует, с одной стороны, превышения конечных результатов от их использования над затратами на разработку, изготовление и реализацию, а с другой — сопоставления полученных при этом результатов с результатами от применения других аналогичных по назначению вариантов инноваций.

Западные ученые выделяют пять стадий развития инновационного процесса:

Стадия зарождения идеи — возникает идея возможного использо-

вания в коммерческих целях какого-либо научного достижения

Стадия вынашивания идеи — разработка технологии производства нового продукта, которая может быть коммерчески реализована

Стадия демонстрации — создание прототипа и презентация его перед потенциальными инвесторами и заказчиками

Стадия раскрутки продукта — создание спроса на рынке на новую продукцию

Стадия закрепления на рынке — приобретение уверенности в том, что новый продукт или технология будут иметь долгое и успешное будущее на существующем рынке.

К. Левин выделил три фазы инновационных процессов: (1) размораживание — ситуация тревожности, напряженности, готовности коллектива к переменам; (2) собственно изменение — идентификация работников в процессе нововведения, проявляющаяся в их готовности следовать проекту, а также усвоение, т. е. перевод целей нововведения в плоскость личных интересов; (3) замораживание — испытание и институционализация новых образцов, созданных в ходе изменений.

В модели Д. Миллоу жизненный цикл инновации состоит из следующих этапов: 1) концептуализация новшества; 2) предварительное согласие с инновацией; 3) приобретение ресурсов; 4) реализация инновационной концепции; 5) институционализация результатов. Другие авторы описывают инновацию как двухэтапный процесс, состоящий из этапа инициирования и этапа внедрения инновации. Этап инициирования состоит из трех фаз: 1) заинтересованность в дополнительных знаниях; 2) формирование инновационных установок; 3) принятие решения. Этап внедрения состоит из двух фаз: 1) первичное внедрение (свя-

зано с испытанием новшества на ограниченном пространстве); 2) реализация инновации. Вторая фаза носит циклический характер, связана с изменением сознания и отношения людей к новшеству, преодолением сопротивления, неожиданно возникающих трудностей и непредвиденных последствий.

В общем виде инновационный процесс состоит в получении и коммерциализации изобретения новых технологий, видов продукции и услуг, решений производственного, финансового административного и иного характера и других результатов инновационной деятельности. Цели процесса инновации можно свести к следующему: 1) нахождение нового технического решения задачи — создание изобретения; 2) проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИ-ОКР); 3) налаживание серийного производства продукции; 4) параллельная подготовка и организация сбыта; 5) внедрение нового товара на рынок; 6) закрепление на новых рынках путем постоянного повышения конкурентоспособности продукта. Инновационная деятельность составляет органическую часть маркетинговой деятельности организации. Рассмотрим основные этапы процесса инновации и их характеристики:

Этап 1. Систематизация поступающих идей (сбор информации о технологических изменениях на рынке, различных нововведениях; а также сбор информации о потенциальных возможностях фирмы в отношении разработки и освоения продукции, определение степени и размеров риска; сбор информации о целевых рынках и долгосрочных тенденциях их развития).

Этап 2. Отбор выявленных идей и выработка концепции нового продукта (определение возможностей

практической реализации идей, выяснение степени технологической общности новых и традиционных идей; соответствие новой продукции имиджу организации и стратегии ее развития; определение патентной чистоты будущего изделия).

Этап 3. Анализ экономической эффективности нового продукта, разработка программы маркетинга (техническая разработка продукта, определение его технико-экономических характеристик, оценка его качества и потребительских свойств; оценка потенциального рыночного спроса и объема продаж; определение расходов (инвестиций) на создание и освоение новой продукции, сроки окупаемости новой продукции; наличие необходимых ресурсов для производства новой продукции; сроки освоения новой продукции и выхода с ней на рынок; анализ и оценка рентабельности производства новой продукции, разработка программы маркетинга по продукту).

Этап 4. Создание нового продукта (разработка конкретной программы развития нового продукта; создание образца и проведение технических испытаний, определение наименования товара, его товарного знака, оформления, упаковки, маркировки).

Этап 5. Тестирование на рынке (тестирование на ограниченном рынке по цене и другим коммерческим условиям; выбор оптимальных каналов реализации; выбор средств и методов рекламы; организация технического обслуживания).

Этап 6. Принятие решения о внедрении нового изделия в производство (массовое, серийное) на основе программы маркетинга по продукту, отражающей коммерческое обоснование нововведения, производственные и финансовые возможности, соответствие нормативным

показателям, обеспечение патентной защиты нововведения.

В условиях рынка как системы экономических отношений купли-продажи товаров и услуг, в рамках которой формируется спрос, предложение и цена, основными компонентами инновационной деятельности выступают новшества инвестиции и нововведения. Новшества формируют рынок новшеств (новаций); инвестиции — рынок капитала (инвестиций); инновации — рынок чистой конкуренции нововведений. Эти 3 основных компонента и образуют сферу инновационной деятельности. Основным товаром рынка новшеств является научный и научно-технический результат, т.е. продукт интеллектуальной деятельности, на который распространяются авторские права. В мировой практике принято различать научную, научно-техническую деятельность, а также экспериментальные разработки. Научная деятельность направлена на получение, распространение и применение новых знаний. Научно-техническая деятельность имеет целью получение, распространение и применение новых знаний в сфере решения технологических, инженерных, социальных и гуманитарных проблем, обеспечение функционирования науки, техники и производства как единой системы.⁷

Инновационный процесс представляет собой обширнейшую сеть сложных внутренних взаимоотношений и обратных связей. Как доказывают многочисленные примеры, появление новшества — это начальная и самая простейшая стадия инновационного процесса. Процесс внедрения новшества в производство предполагает дополнительное выполнение следующих видов работ: изготовление головных образцов, организацию серийного производства, реализацию новой продукции. Предприниматели

и большинство ученых давно поняли, что на следующих после появления новшества стадиях инновационного процесса затрачивается гораздо больше труда и капитала, чем на создание собственно новшества.

Проведя исследования, IRI (Industrial Research Institute) — американская организация, занимающаяся мониторингом промышленности, разработал концепцию, позволяющую фирме перейти от поиска инноваций к их производству. Во-первых, необходимо объяснить всем работникам компании насколько важную роль играют инновации в успешном существовании компании на рынке, то есть в повышении их доходов. Во-вторых, необходимо рассматривать все идеи, даже самые невероятные. В-третьих, необходимо особенно интенсифицировать исследования в тех областях, которые до этого почти не разрабатывались. И, наконец, самое главное, необходимо постоянно перемещать людей из одной лаборатории в другую, из одного отдела в другой, чтобы они получили четкое представление о потребностях рынка⁸.

Считается, что нужно рассмотреть около трех тысяч хороших идей, чтобы, в конце концов, получить всего лишь четыре программы производства новых продуктов, причем, лишь одна из них по статистике приносит успех. Поэтому необходимо создать в компании такую атмосферу, которая способствовала бы развитию новых нестандартных идей. Прекрасным примером является ЗМ (Minnesota Mining and Manufacturing). В этой американской компании была создана целая инновационная культура, в основе которой лежит принцип Вильяма Макнайтта, руководившего компанией в 1940-х годах. «Найдите правильных людей и оставьте их в покое. Они все сделают сами», — говорил

основоположник ЗМ. На базе этой идеи компания сформировала так называемую «философию Макнайтта».

Неопределенность, или неполнота (неточность) информации об условиях реализации проекта, связанная с возможностью возникновения в ходе его реализации неблагоприятных ситуаций и последствий, характеризуется понятием риска. При оценке проектов наиболее существенными представляются следующие виды рисков: риск связанный с нестабильностью экономического законодательства и текущей экономической ситуации, условий инвестирования и использования прибыли; внешнеэкономический риск, возможность введения ограничений на торговлю и поставки, закрытие границ и т.д.; риск неблагоприятных социально-политических изменений в стране или регионе; риск, связанный с неполнотой информации о динамике технико-экономических показателей, параметров новой техники и технологий; колебания рыночной конъюнктуры, цен, валютных курсов и т.д.; производственно-технологический риск (аварии, отказ оборудования); неопределенность целей и интересов участников; неполнота или неточность информации о финансовом положении и деловой ситуации организаций-участниц. Наиболее точным методом уменьшения риска является формализованное описание неопределенности, которое состоит из следующих этапов: 1) описание всего множества возможных условий реализации проекта и отвечающих этим условиям затрат, результатов и показателей эффективности; 2) преобразование исходной информации о факторах неопределенности в информацию о вероятности отдельных условий реализации и соответствующих показателей эффективности и интервалах их из-

менения; 3) определение показателей эффективности проекта в целом с учетом неопределенности условий его реализации и показателей ожидаемой эффективности.

Для снижения риска необходимо провести тщательную экспертизу предлагаемого к осуществлению инновационного проекта. Главная задача экспертизы — предоставление сведений о перспективности новых технологических и организационных решений, оформленных в виде проекта, экономической целесообразности и рискованности инвестиций на основе интегральной оценки самого инновационного решения и внешних условий, в которых оно будет осуществлено. Проведение экспертизы представляет собой исключительно трудную задачу, и ее качество во многом определяется квалификацией экспертов и размерами средств, выделенных на ее проведение.

В современных условиях в крупных компаниях сложились устойчивые механизмы управления инновационной деятельностью, отражающие особенности процесса интеграции науки и производства, все большую ориентацию исследований и разработок на рыночные потребности, усиление влияния рыночных факторов на определение стратегических позиций организаций. Новым стало возникновение и развитие интегрированных систем управления процессом инновации: разработка и внедрение нововведений превратились в непрерывный управляемый процесс, когда инновационные идеи интегрируются в перспективные производственные планы и программы. Создание более гибкой и комплексной системы управления инновационными процессами, нового хозяйственного механизма, ориентированного на разработку перспективной продукции, перестройку организационных форм и

функций управления, а также стиля управления, стимулирует создание и внедрение новшеств и обеспечивает сквозное управление инновационным процессом от возникновения идеи до ее реализации⁹.

Среди инновационных методов в последнее время все активнее учитывается применение современного логистического (логико-эвристического, теоретико-игрового, экспертно-аналитического) инструментария к управлению транспортными, производственными, внешнеэкономическими, геоэкономическими и социальными структурами¹⁰.

Снижение и оптимизация затрат на товаропродвижение выдвигается на первый план в механизмах построения системы улучшения соотношения качества товара и его цены для конечного потребителя¹¹. В широком смысле под логистикой подразумевается наука о планировании, управлении и контроле за движением материальных, информационных и финансовых ресурсов в различных системах. В зарубежной литературе логистика трактуется как управление ресурсами и их распределением между пунктом производства и пунктом потребления. В качестве ресурсов могут выступать не только материалы, сырье или оборудование, но также люди, знания, информация. В обиходную и научную речь *logistics* входит с конца XIX века во Франции. Французское *logistique* происходит от древнегреческого *λογιστής*; *λογιστής* означает быть бухгалтером или ответственным за подсчет чего-либо¹².

Экспертными расчетами установлено, что от 40 до 60% цены товара относятся к категории «затраты на управление логистикой» и непосредственным образом влияют на повышение стоимости потребительской продукции. Между снижением цены товара и снижением затрат на логи-

стику нет прямой корреляции. Опытным путем установлено, что снижение на логистику ведет к снижению качества продукции, а значит, к неявному повышению цены товара. Таким образом, в современном менеджменте речь идет о таком совершенствовании инструментов логистики, которое предполагает не снижение, а оптимизацию затрат на логистические процессы. При этом построение логистических бизнес-процессов и эффективное управление ими включает в себя разработку логистической стратегии, учитывающую не только целевые установки компании и технические регламенты, но также человеческий фактор и социально-экономическую среду функционирования компании.

Активно формируются новые исследовательские направления и подходы в области логистики. В связи с этим можно назвать разработанную в 2006 г. С. Гирдзияускасом логистическую теорию управления капиталами, которая описывает закономерности циклических феноменов в экономике¹³; реверсивную логистику, как интегральную часть инновационного менеджмента, учитывающую потребности, мотивацию, ценностные ориентации и процесс принятия решений, т.е. влияние человеческого фактора на технико-экономические параметры¹⁴; инновационную логистику¹⁵, призванную изучать необходимость и возможность внедрения прогрессивных инноваций в организацию текущего и стратегического управления потоковыми процессами в хозяйственных и других общественных структурах с целью выявления и использования дополнительных резервов путем рационализации (оптимизации) этого управления¹⁶.

Казалось бы, далекая от социологии логистика в последние годы все теснее интегрируется с социологией

и активно включается в социологическое образование. На зарубежных, прежде всего американских, вузовских сайтах можно встретить объявления о приеме на курсы логистики на социологических факультетах. Обычно это происходит в рамках Master of Science in Administration Logistics Management program, Interdisciplinary Studies in Social Sciences Program, Organizational Management, Logistics Management, Applied Behavioral Science и др. На рынке труда появилась новая профессия логистического менеджера (logistics manager)¹⁷.

На западе социолога-прикладника рассматривают как «мастера на все руки», т.е. специалиста во множестве отраслей и направлений, в том числе в области менеджмента. Проблемы с трудоустройством, существующие как за рубежом, так и в нашей стране, вынуждают выпускников социологических факультетов братья за любую и даже казалось бы не свойственную им работу. Если в курс подготовки не входили прикладные дисциплины, а лишь академические предметы, то им непросто сориентироваться в непривычной для себя среде и выступить в роли специалиста, скажем по медицинскому страхованию или логистическим процессам. Как показывают специальные опросы, более 70% выпускников-социологов трудоустраиваются не в университетах и научно-исследовательских институтах, а на предприятиях, в банках и корпорациях, где занимаются прикладными вопросами экономической социологии и менеджмента.

Тем не менее и на этом поле социологи-прикладники могут вполне успешно конкурировать с представителями других наук. Количество специалистов в области логистики и количество самих областей логистики постоянно растет во всем мире. Сле-

довательно, поле приложения усилий для прикладных социологов будет постоянно расширяться, равно как будет возрастать актуальность специальных логистических курсов на социологических факультетах.

Ссылки:

1 Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. СПб., 2008.

2 См.: Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 2005.

3 См.: Юзбашьянц Г. Россия перед вызовом XXI века // Человек и Труд, 2001. № 12.

4 Валента Ф. Управление инновациями. М., 1985; Брайан Т. Управление научно-техническими нововведениями / сокр. пер. с англ. 1989.

5 Друкер П. Инновации и предпринимательство. М., 1992.

6 Молчанов И.Н. Инновационный процесс: организация и маркетинг. СПб., 1995.

7 Фокин С. Роль инноваций в системе мирового хозяйства (<http://georub.narod.ru>).

8 Фокин С. Роль инноваций в системе мирового хозяйства (<http://georub.narod.ru>).

9 Интеллектуальные ресурсы. Интеллектуальная собственность. Интеллектуальный капитал. М.: АНХ, 2000

10 Подробнее см.: Миротин Л.Б., Боков В.В. Современный инструмент логистического управления. Учебник для вузов. М., 2005.

11 Неруш Ю.М. Логистика. Учеб. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.

12 Tepic et al., Ancient logistics – historical timeline and etymology. Technical Gazette 18, 2011 <http://connection.ebscohost.com/c/articles/67363071/ancient-logistics-historical-timeline-etymology>

13 Barakauskaitė-Jakubauskienė N. Logistic capital management theories

and theoretical aspects of economic growth cycle // Economics & Sociology. Vol. 4, No 1, 2011.

14 Carter, C. R., & Ellram, L. M. Reverse Logistics: A review of the literature and framework for future investigation // Journal of Business Logistics, 1998. 19(1), 85-103; Daugherty, P. J., Myers, M. B., & Richey, R. G. Information support for Reverse Logistics: the influence of relationship commitment // Journal of Business Logistics, 2002. 23(1), 85-106; Dowlatshahi, S. Developing a Theory of Reverse Logistics // Interfaces, 2000. 30(3), 143-155; Majchrzak, A, Cooper, L., Neece, O. Knowledge reuse for innovation // Management Science, 2004. 50(2), 174-188; Minner, S. Strategic safety stocks in Reverse Logistics supply chains // International Journal of Production Economics, 2001. 71(1-3), 417-428; Stock, J. R. The Development and Implementation of Reverse Logistics Programs. Oak Brook, IL: Council of Logistics Management, 1998; Wadhwa S., Rakheja S.B., Madaan J. Innovation Management: Developing Framework for Reverse Logistics Systems // <http://www.indianjournals.com>.

15 Курбатов О.Н., Проценко И.О., Новиков Ф.Д. Условия использования инновационной логистики в различных сферах общественной деятельности // РИСК. 2007. №4. С. 56-60.

16 Курбатов О., Новиков Д., Новиков Ф. Базовая и инновационная логистика как две части единой науки и сферы деятельности // РИСК. 2007. № 2. С. 64; Карпова Н.П. Логистика как управленческая инновация в рыночном пространстве // Экономические науки, 2011. 4(77), с.71.

17 С письмом бывшего социолога, а ныне логистического менеджера можно познакомиться на сайте: <http://www.wisegeek.org/what-is-a-logistics-manager.htm>

Победители конференции **Ломоносов–2013**

Роль бренда «Россия» в формировании отношения студенческой молодежи к стране

Апалькова О.В.

Статья посвящена проблеме влияния бренда «Россия» на формирование отношения студенческой молодежи к стране. На основании данных проведенного автором эмпирического исследования произведен анализ содержания бренда нашей страны в понимании студенческой молодежи. Выявлена корреляция между пониманием идентичности бренда «Россия» студентов и их желанием жить в этой стране, что является признаком недостаточной сформированности в сознании молодежи нашего государственного бренда.

Ключевые слова: бренд страны, идентичность бренда, национально-государственная идентичность

Apalkova O.V.

The role of the brand «Russia» in the formation the attitudes of student youth toward the country

The article is devoted to the influence of the brand «Russia» in the formation the attitudes of student youth toward the country. On the basis of empirical research conducted by the author analyzed the content of the brand of our country in the understanding of students. There is the correlation between the understanding identity of brand «Russia» students and their desire to live in this country. This fakt is a sign of a lack of formed in the minds of the youth of our state brand.

Key words: brand of country, brand Identity, national and state identity

Процесс глобализации, охвативший в настоящее время все сферы жизни общества, привел многих исследователей к мнению, что сейчас для всех мировых держав самый главный бренд - это само государство, на реконструкцию и продвижение которого нельзя жалеть средств.

По мнению И. Семененко, бренд страны - это некий образ, который ассоциируется у людей с государством, т.е. это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения [4]. Поэтому государственный бренд является одним из факторов формирования отношения граждан к своей стране.

В рейтинге национальных брендов в 2012 году (The 2012 Brand Finance Nation Brands 100) по версии Brand Finance Россия заняла 11 место [1], следуя за Канадой, Бразилией, Индией и Италией. Такая мировая позиция складывается не только из международной оценки страны в целом, но и восприятия государства его гражданами. Поэтому на современном этапе развития для нашей страны особое значение имеет проведение социализации бренда «Россия», что будет способствовать не только укреплению чувства патриотизма и самоидентификации граждан, но формированию национальной идеи как сути бренда «Россия».

Исходя из того, что одной из ведущих составляющих «Концепции социально-экономического развития России до 2020 года» является молодежная политика, основной объект которой - студенты как главные носители креативных и интеллектуальных возможностей и основополагающая опора инновационного потенциала страны [3], проблема социализации нашего государственного бренда требует рассмотрения сущности бренда «Россия», сложившейся в понимании студенческой молодежи, а также его социальной роли в формировании отношения к стране.

В апреле-мае 2011 года нами было проведено социологическое исследование среди студентов Юго-Западного государственного университета как типичных представителей российской студенческой молодежи, целью которого было выявить особенности понимания содержания бренда «Россия» студентами и их отношение к стране.

Как показало исследование, респонденты четко представляют, по каким параметрам следует оценивать бренд страны: для студентов бренд страны – это престиж, качество, имя, которое себя зарекомендовало, высокое место на мировом уровне, уникальность культуры, истории, традиций и т.д., а также устоявшийся ряд ассоциаций со страной. Поэтому уверенность студентов в том, что «Россия» является брендом (79%), говорит, на наш взгляд, о позитивном восприятии респондентами нашего государства, которое заключается в его престиже, значимости для мировой общественности, уникальных особенностей, отличающих Россию от других стран.

Особенности национально-государственной идентичности студентов, мы выясняли вопросом «Что для Вас означает фраза «Я россиянин»? Нами была отмечена явная тенденция в переходе национально-государ-

ственной самоидентичности в констатацию места своего проживания или рождения. То есть отсутствует какая-либо характеристика непосредственно россиянина, кроме как российское гражданство, территориальная принадлежность и происхождение. Лишь 2% опрошенных отметили, что «Россиянин – это представитель великой нации», 6%, что «Я россиянин – звучит гордо». Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что респонденты не имеют четких представления о ценностях, национальных чертах российского человека. Следовательно, в сознании студенческой молодежи отсутствует устойчивый образ социального поведения россиянина, стираются особенности гражданина России как представителя уникальной страны и нации. Следование данной тенденции может привести к потере народного единства страны в целом, поскольку молодое поколение не осознает своих национально-государственных особенностей, тем самым стараясь определить не свойственный для себя паттерн поведения, образцом которого выступает европеизация либо американизация духовной сферы российского общества.

Как отмечает Н.Ю. Кравченко, современная студенческая молодежь воспринимает себя в качестве граждан страны, но смысловое наполнение этого феномена искажено [2].

Это подтверждается следующим фактом, выявленном в нашем исследовании: от понимания идентичности бренда «Россия» студентов ЮЗГУ зависит их желание жить в этой стране, что является признаком недостаточной сформированности в сознании студентов нашего государственного бренда. Так 67% опрошенных при наличии достаточного количества материальных средств переехали бы жить в другую страну, лишь 18% отметили твердое желание остаться жить в России.

В качестве неофициального символа России как бренда студенты предложили сделать нефтяной фонтан (13%), матрешку, ель или сосну (по 12%), олимпийского мишку (9%), Ю. Гагарина (5%). Это наиболее популярные ответы на открытый вопрос. Однако выделенные респондентами символы бренда страны, на наш взгляд, не отражают всей его сущности. Как следствие, искажаются представления о бренде страны в целом. Получается, в понимании студентов в основе национального бренда России в настоящее время лежит либо народный дух и культурные достижения (матрешка), природные ресурсы (ель, сосна), спортивные достижения прошлого и менталитет (олимпийский мишка), прорыв России в науке и технике, национально-героический образ (Ю. Гагарин).

В целом же смысловое содержание бренда «Россия» у студентов ЮЗГУ характеризуется хаотичностью с одной стороны, с другой, определяется отсутствием национально-государственной идентичности студенческой молодежи ЮЗГУ, что ведет к снижению уровня патриотизма, политической активности, развивает потребительское отношение к государству и к

друг другу, тем самым ослабевает единство всего народа. Вот почему необходимо вести целенаправленную коррекцию деформированного представления студентов о бренде «Россия» на государственном уровне не только посредством масс-медиа и проведения мероприятий мирового масштаба, но и прививать уважение к национальным ценностям, формировать национальную идею, которая сможет лечь в основу гражданской идентичности студенческой молодежи.

Литература

1. Brand Finance: рейтинг 100 национальных брендов 2012 года // Официальный сайт Центра Гуманитарных технологий: <http://gtmarket.ru/news/2012/09/03/4947>
2. Кравченко Н.Ю. Формирование гражданской идентичности студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. Социология. Политология. 2011. Вып.3. С. 18-21.
3. Россия и современный мир / Под редакцией В.Д. Нечаева. М.: РОСМОЛОДЕЖЬ, 2009. С. 52.
4. Семенов И. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007. №1. С. 51 - 53.

Социологический анализ неравенства в образовании

Иванова В.А.

Статья представляет попытку обобщенного видения социальных механизмов, обеспечивающих воспроизводство неравенства в сфере образования. Анализ опирается на материалы зарубежной и отечественной социологии образования, а также на данные специальных исследований в Новгородском государственном университете.

Ключевые слова: образование, неравенство, механизмы расслоения, политика, социальная справедливость

Ivanova V.A.

Sociological analysis of inequality in education

The paper attempts to generalize sociological vision of social mechanisms reproducing inequality in education. Analysis is based upon both the world and national sociology of education, as well as on data from topical surveys in Novgorod state university.

Key words: education, inequality, stratification mechanisms, policy, social justice.

Взаимосвязь образования и социального неравенства – одна из популярных проблем в социологии. В оценках этой взаимосвязи сталкиваются интересы разных социальных групп и страт, направлений и концепций социологической науки. В конце XX века столкновения за равенство образовательных возможностей, казалось бы, поутихли на Западе. Но вспышки конфликтов на почве социально-правовых, религиозных интересов или ограничения доступа к образованию на фоне массовой бед-

ности говорят о сохранении актуальности данной проблемы, в том числе в современной России.

В советской России равенство доступа к образованию, в том числе к его высшим уровням, воспринималось как само собой разумеющееся. Изменения последних двадцати лет не остались незамеченными социологами и отразились в ряде специальных публикаций [1].

В отношении этого широкого направления исследований сегодня можно сделать два существенных замечания.

1. Многие исследования лежат в плоскости констатации фактов, тенденций. Они указывают на обостряющийся характер неравенства образовательных возможностей для разных социальных групп и слоев. Но анализ редко доводится до уровня теории, на котором можно выработать более целостное объяснение природы неравенства и затем ставить практические вопросы коррекции образовательной политики.

2. Существующие теоретические представления о неравенстве сегодня остаются недостаточно развитыми применительно к разным сегментам системы образования. Так, не вполне ясно, действуют ли гипотетически выделенные механизмы неравенства одинаково во всех образовательных ситуациях? Какова специфика этих механизмов в отдельных подсистемах образования, в том числе высшем?

В данном сообщении речь пойдет о социальных механизмах расслоения в системах образования. Эти механизмы, часто оставаясь «невидимыми» обыденному восприятию, делают формальное образование далеко не равнодоступным в одном государстве, городе и вузе, даже в одной и той же студенческой группе. Такая реальность нередко списывается на счет самих жертв неравенства – их якобы слабых способностей,

лени или низкой личной дисциплины.

Сегодня российские социологи пока в большей степени опираются на зарубежные разработки в проблематике механизмов социального расслоения в образовании, а попытки теоретического обобщения в нашей литературе являются единичными, как и специальные исследования. Среди них весьма убедительными представляются, в частности, публикации Д.Л. Константиновского. Не снимается с повестки и вопрос о взаимосвязи неравенства с институциональными функциями образования [2]. Понимание их – предпосылка не только грамотной стратегии развития образования, но и конструирования содержания и технологий образования.

Механизмы социального расслоения в образовании – относительно устойчивые совокупности факторов среды, обеспечивающие воспроизводство социального неравенства индивидов и групп. Среди этих механизмов есть управляемые и неуправляемые переменные [3], но их детальный анализ применительно к основным сегментам системы образования требует дополнительных исследований.

Опираясь на данные зарубежной и отечественной социологии образования [4], а также на материалы многолетних социологических исследований в Новгородском государственном университете, попытаемся рассмотреть механизмы социального расслоения в контексте высшего образования,

1. Разведение учащихся по разным образовательным потокам (*трэкинг* – от англ. «track» – «беговая дорожка») в зарубежной социологии ассоциируется с применением *внутренних* инструментов, как учебно-контрольные тесты и рейтинги успеваемости. В зарубежных системах образования трэкинг осуществляет-

ся на формально-организационном уровне образования, приводя к структурированию массы учеников в интересах социальных элит, силами школьного менеджмента как проводника этих интересов.

Трэкинг рассматривается в контексте общего образования (публичной школы) [5]. Возникает ли он в высшем образовании? Если да, то что служит границами между разными трэками («беговыми дорожками») в рамках формально фиксируемой совокупности студентов?

Обнаружить такие границы и отследить их действие в российском вузе, принимая в качестве методологического признака их формальный характер, оказывается непросто. Одним из формальных *разграничителей* может быть закрепление студентов в определенных потоках профессиональной специализации (возможно, различающихся уровнем интеллектуальной сложности, престижности и карьерной перспективы) или научно-исследовательской подготовки.

В таком структурировании массы студентов на первый взгляд трудно усмотреть *принудительный* характер, обычно приписываемый трэкингу зарубежной социологии. Но, учитывая конкурсный отбор в некоторые профили подготовки и нарастающую коммерциализацию образования в России, следует ожидать усиления данного механизма.

Посредством трэкинга работники образования структурируют сложную разнородную массу учащихся по приемлемым для большинства клиентов образования критериям, из которых главными являются два - *уровень способностей* обучаемого и *его область познавательных интересов*. Такая дифференциация облегчает для работников образования всю профессиональную деятельность, и в условиях преобладания групповых форм образовательного процесса позволяет чаще обращать-

ся к индивидуальным методам работы и достигать на этой основе лучших показателей обучаемости.

Образцы подобного принудительного, по своей сути, хотя и педагогически обоснованного деления учащихся, варьируют. В одних случаях они предстают как углубленное изучение каких-то определенных предметов, в других - как скрытое или формальное формирование в одном и том же учебном классе (группе) подгрупп из учащихся с различной успеваемостью.

Но поскольку социально-культурный контекст тестов формируется учителями или иными специалистами, относящимися к среднему или высшим классам и слоям общества, постольку учащиеся - выходцы из среднего и высшего класса лучше справляются с тестами благодаря лучшему знакомству с задаваемыми в тестах языковыми (лингвистическими), смысловыми, ценностными и логическими ситуациями.

Вопреки риторике, провозглашающей равенство образовательных возможностей вне зависимости от благосостояния, в результате трэкинга масса обучающихся формально или неформально разделяется на ряд потоков. В каждом из потоков складывается сравнительно однородный состав учащихся, существенно отличающийся по признакам социоэкономического статуса родителей и от других потоков, и от социально-экономической структуры местного сообщества. Причем, в ближайшем образовательном сообществе становится очевидной для всех определенная иерархия этих потоков с точки зрения внимания со стороны администрации образовательного учреждения и сообщества, выделяемых ресурсов, приписываемой ответственности. Не скрываются и существенные различия в плане престижности включенности учащихся и преподавателей в отдельные потоки.

Типичной чертой трэкинга становится преобладание среди успевающих учеников (студентов) выходцев семей, более богатых в экономическом или культурном отношении. Соответственно, в низкопрестижных потоках и в массе отсеивающихся преобладают учащиеся из экономически ущемленных слоев населения и те, кто не придерживается доминантных культурных норм [6].

Меритократический по своей сути характер процедур трэкинга с неизбежностью превращает образование в гонку за высокими оценками, не обязательно ведущую к развитию способностей учащегося и осуществлению общественного предназначения системы образования. Именно поэтому эти процедуры потому подвергается жесткой критике, чаще всего звучащей с позиции социологии конфликта и марксистских направлений социологии.

Трэкинг в современной общественной системе образования выступает, в сущности, организационно-педагогической предпосылкой последующего структурного выделения элитарных по социальному составу контингента учреждений. Но и до выделения подобных самостоятельных учреждений внутри отдельной школы могут складываться такие организационно-педагогические условия, в которых учащиеся из элитарных социальных групп получают определенные преимущества с точки зрения содержания образования, объема внимания и психологических стимулов со стороны учителей, методического обеспечения образовательного процесса.

Приведенные характеристики трэкинга вытекают преимущественно из материалов зарубежных социологических исследований образования [5]. В них основательно рассматриваются личностно-психологические и социальные последствия системы трэкинга, в том числе ее влияние на дальнейшую образова-

тельную карьеру, выбор профессии, социальное продвижение учащихся, социальный конфликт в школе.

Признаки трэкинга можно усматривать и в современной российской общеобразовательной школе. В ней, правда, педагогически обоснованное разделение учащихся проявляется не в столь жестких формах, как это встречается в американских или западно-европейских школах. Оно реализуется нередко в «добровольном» выборе учеником (при участии родителей) того или иного предметного направления. Поэтому в действительности трэкинг имеет более сложную детерминацию: в нем соединяются:

- действие организационно-педагогических факторов,
- ситуативное проявление индивидуальных способностей, учебных знаний и навыков учащихся,
- образовательная и социальная мотивация учащихся и их родителей.

Своеобразным примером трэкинга в современной России является массовая практика профилизации общеобразовательной школы. Она нередко осуществляется в угоду спровоцированному ажиотажному спросу на отдельные направления образовательной подготовки. Ее проявлением служит целенаправленное деление общеобразовательной программы на две составные части – весьма ограниченный по объему базисный учебный план и дополнительные, как правило, факультативные по форме образовательные возможности.

В учреждениях высшего образования в учебных группах подобный трэкинг проявляется в отдельных случаях, по мнению, высказанному некоторыми экспертами. Но, в отличие от западных моделей, он выступает не в виде формального деления и меритократического рейтинга, а закрепляется в «партикулярных» отношениях преподавателей с учащимися, в ролевых структурах межличностных от-

ношений. Важным водоразделом этих структур могут оказываться взаимный интерес и симпатия преподавателей и студентов, основанная на приоритете ценности Знания, Науки, будущей Профессии. Этот водораздел может условно и неформально отделять «интересующихся», «творческих», «хороших» студентов, с одной стороны, от «серой массы», «лодырей», «прогульщиков», с другой. В контакте с первыми преподаватели вуза получают большее удовлетворение собственной профессиональной самореализацией. Трэкинг реализуется и в том, что «продвинутые» потоки получают больше усилий и внимания со стороны преподавателей, чаще включаются в факультативную, инновационную и научно-исследовательскую работу. Таким образом, изначально обуславливается неодинаковый образовательный результат разных потоков в вузе.

2. Коммерциализация образования и возникающая на этой основе социально-экономическая селекция учащихся

Коммерциализация образования выражается в распространении платных услуг, с неизбежностью ведущем к расслоению людей в сфере образовательных возможностей и закрытому воспроизводству отдельных профессиональных групп, к формированию системы элитарного образования, доступ к которой обусловлен экономическим статусом семьи.

В России эта ситуация проявляется в статистически сильной связи между социальным составом, статусом семей учащихся и типом учебного заведения, предоставляющего платные услуги. На этой основе формируется особый круг престижных образовательных учреждений, доступ в которые в значительной степени обусловлен экономическими ресурсами семьи.

Отражением данной ситуации является существенная дифференциация образовательных планов молодежи в зависимости от уровня благосостояния семьи. Эта дифференциация проявляется уже в общеобразовательной школе как резкий спад интереса к общему образованию учащихся из экономически неблагополучных семей в связи с отсутствием средств на последующее получение высшего профессионального образования, с намерением ограничить собственную подготовку начальным профессиональным образованием. Проективная оценка возможности поступления в престижные направления подготовки в таких семьях крайне низка. И, наоборот, у детей менеджеров и специалистов отмечена более устойчивая ориентация на получение высшего образования, чем у детей из семей рабочих [7].

Социально-экономическая селекция учащихся в системе высшего образования оказывается, вероятно, даже более интенсивной, чем в среднем общем образовании. В ней встречаются сравнительно новые, отсутствующие на уровне среднего образования виды экономических затрат, в том числе: приобретение дорогостоящей учебной и научной литературы, компьютерной техники, оплата ксерокопировальных услуг, оплата расходов заграничных учебных поездок (чаще всего длительных), оплата арендного жилья на время учебы (при отсутствии достаточных мест в общежитиях), оплата качественного питания и медицинского обслуживания (которая в мегаполисах является особенно высокой). Особая статья расходов относится на счет нелегальных финансовых расчетов с преподавателями (репетиторами, консультантами и т. п.). В СМИ неоднократно сообщалось, что, по экспертным оценкам, совокупные объемы теневых «инвестиций» в высшей школе близки объему ее государственного финансирования.

3. Специфические отношения педагогов к учащимся из разных социальных групп

Данные зарубежных исследований свидетельствуют, что большинство учителей школ и преподавателей колледжей и университетов принадлежат к среднему классу. Это ведет к необъективной оценке учащихся из разных социальных групп и слоев, учитывающей скорее манеры поведения и, в конечном счете, к делению учеников на «хороших» и «плохих».

Нормы поведенческой дисциплины и манеры, поддерживаемые в школах, обычно легче усваиваются учениками из семей среднего класса и значительно медленнее и хуже – детьми из экономически неблагополучных семей и социальных и этнических меньшинств. Сами эти нормы служат, во-первых, составной частью субъективно вырабатываемого комплекса критериев оценивания, а потому критерием оценивания учащихся, и, во-вторых, фактором *структуризации*, организации и регламентации образовательного процесса и неодинаково влияют на успешность выходцев из разных социальных групп и слоев.

В исследованиях обнаруживается прямая связь между ориентацией образовательного процесса на поддержание дисциплины и определенной иерархии отношений, задаваемых учреждением, и социальным составом учащихся, попадающих в отсеы [6; 8]. Не удивительно, что в этом составе как раз и преобладают «нарушители дисциплины», причем, нередко независимо от их способностей.

В этом смысле учителя, реализуя одновременно и задачи образования, и задачи поддержания порядка и дисциплины в классе, вольно или невольно участвуют в осуществлении отсева, обусловленного в главном социально-культурным происхождением учащихся.

По данным российских исследований, в учебных взаимодействиях

большинство преподавателей, информированных о социально-профессиональном статусе родителей отдельного учащегося, учитывают этот статус в оценивании способностей последнего.

Часто это выражается в субъективном приписывании ребенку из семьи, где родители добились значительного жизненного успеха (благополучия, должностного роста, общественного признания и т. д.), сравнительно более высоких умственных способностей и, соответственно, в выставлении несколько более высоких оценок.

4. Региональные и территориальные различия в системе образования

Ученые обращают особое внимание на концентрацию образовательных учреждений в городской местности и их неодинаковое функционирование в разных типах сообществ: в малых городах, престижных или неблагополучных городских кварталах, в сельской местности. Школьная политика в этих сообществах по-разному способствуют развитию процесса неравенства образовательных шансов их жителей. Так, по данным российских исследователей, «... угрожающими темпами растет число молодежи, не получающей среднего образования на селе: если в 1994 г. всего 6% сельскохозяйственных рабочих имели начальное и неполное среднее образование, то к 1997 г. они составили половину всех занятых» [9].

Характерно, что региональный университет, рассчитывая на поддержку со стороны *всего* регионального сообщества, позиционирует себя как *региональная* организация, служащая всему региону. Но один из выводов регионального исследования состоял в том, что университет в гораздо большей степени служит городу, в котором действует, и в гораздо меньшей степени - региону. Если студентом дневной формы обу-

чения стал в среднем каждый второй-третий молодой новгородец, то применительно к молодым людям за пределами областного центра – лишь каждый двенадцатый.

Это подтверждается анализом структуры контингента студентов Новгородского государственного университета. Молодые люди студенческого возраста, проживающие в областном центре, составляют 33,2% в общей численности этой возрастной группы в населении Новгородской области. В то же время доля жителей города в составе студентов превышает 50%. И наоборот, молодые люди из различных территорий Новгородской области за границами областного центра представлены в контингенте студентов НовГУ вдвое хуже относительно их доли в населении этой же возрастной группы в населении области (около 31%).

Характерный факт приводит Н.Д. Сорокина: доля москвичей и жителей Московской области составляет в контингенте первокурсников МГУ 74%, а вместе со студентами из Центрального округа достигает 80% [10]. Данных о географии последующего трудоустройства выпускников, к сожалению, не приводится. Но можно с большой долей уверенности предположить, что подавляющее большинство их по окончании так и остается жить и работать в столице. Из этого следует, что в воспроизводстве высококвалифицированных кадров Московский государственный университет, финансируемый по отдельной строке в федеральном бюджете, на 80% своих мощностей служит собственному мегаполису и, в лучшем случае, лишь на 20% – остальной части страны.

Приведенный выше регионально-поселенческий параметр отбора и формирования контингента студентов действует, разумеется, не напрямую, а чаще опосредованно, в связи с социально-экономическим поло-

жением родительской семьи абитуриента (студента). Региональные и поселенческие различия в доступности качественного высшего образования состоят не только в экономических и бытовых сложностях адаптации и закрепления молодого провинциального мигранта в университетском городе, но и в более высоких уровнях риска отсева таких студентов из вуза.

5. Структура семьи и ее размер обуславливают положение ребенка в семье и модели его личностных взаимодействий и, значит, объем и содержание процессов его социализации.

Зарубежные социологи выявили зависимость между структурой семьи и школьными успехами детей и предложили модель «слияния» эффектов размера семьи, порядка рождения детей и уровня их умственных способностей. Согласно этой модели, успеваемость была выше (1) у выходцев из небольших семей; (2) у детей, родившихся ранее, чем среди рожденных позднее; (3) у детей из полных семей, чем у детей из неполных семей. Отечественные исследования давно подтвердили эту закономерность [11]. Однако, она не подтверждается материалами исследований, характеризующих некоторые «традиционные» культуры и доиндустриальные сообщества.

6. Ценностное отношение родителей из разных социальных слоев к учебе своих детей, будучи далеко не одинаковым в разных социально-культурных группах и социально-экономических слоях, оказывает сильное влияние на школьные успехи последних.

Чем выше ожидания родителей в отношении учебных успехов ребенка и даже «взрослого» студента, тем лучше его успеваемость. К сожалению, объективным препятствием в поддержке и реализации такого внимания родителей применительно к обучению своих детей становится

все более эзотерический характер содержания образования, особенно в высшей школе. Если, применительно к средней школе, многие родители еще сохраняют способность компетентного, квалифицированного диалога со своими детьми по поводу содержания образовательных материалов, то на более высоких ступенях обучения в средней профессиональной и высшей школе это возможно лишь применительно к родственным профессиям, в случаях реализации «династического» профессионального интереса родителей и детей. Но такой интерес сопровождается, по данным исследований в НовГУ, от 7 до 13 процентов студентов.

Отсутствие родительского интереса коррелирует с низкой успеваемостью детей, что особенно наглядно в группах учащихся из нижних слоев социально-экономической структуры населения.

7. Развитие языковых способностей учащихся также обуславливает учебные успехи. Зарубежные социологи, следуя концепции Б. Бернштейна, выделяют устойчивые отличия в языке (речевые коды) школьников из низших и средних социальных слоев. Дети из разных социальных слоев по-разному выражают словами свои чувства, мотивы и намерения, знания и опыт, что неизбежно отражается на учебных оценках и успеваемости. Применительно к высшему образованию подобные различия зафиксировали французские социологи (П. Бурдьё, Ж.-К. Пассерон). В отношении российской высшей школы подобные гипотезы еще предстоит проверить, но это потребует специальных социолингвистических методов.

8. Гендерные стереотипы и барьеры оказываются важными дополнениями к указанным выше механизмам социального расслоения в системе образования, в том числе и высшего. Эти стереотипы уходят свои

ми корнями в древность и, тем не менее, гендерные барьеры могут с новой силой вырастать, нагромождаются в системе образования даже в начале XXI века.

Статистический дисбаланс по полу в составе студентов отдельных специальностей университета весьма велик. За некоторыми профессиями и вузовскими специальностями закрепились стереотипные женские или мужские роли. Считается изначально, что учителем начальных классов может быть девушка, а инженером-механиком – юноша. Так отдельные специальности в университете становятся почти закрытыми в гендерном плане [11; 12], чем усиливается гендерная асимметрия профессий и гендерные стереотипы в обществе. С феминизацией учительства, вероятно, связаны отчасти его пассивность в общественно-политической сфере и в формах социально-протестных действий (голодовки без отрыва от выполнения работы в школе), отличающие российское учительство от «мужских» профессий (например, шахтеров, авиадиспетчеров).

Тенденция маскулинизации присуща воспроизводству инженерно-технического корпуса в регионе. Она вызывает критику с позиции современного гендерного подхода, сопровождается признаками дегуманизации, деформациями ценностной и социально-нормативной сферы соответствующих профессий. В традиционно мужских профессиях закрепились более высокая оплата труда, и в этом – признак социального и экономического ущемления женщин.

Около половины всех выпускниц сельских школ по-прежнему ориентирована на профессии гуманитарного и педагогического профиля, и низкая оплата труда в будущем не отталкивает их от этого пути. Такая ориентация служит одним из звеньев в замкнутом круге, где сельская школа превратилась в «черную дыру»

для педагогических факультетов и сложилась система устойчивого перепроизводства учителей. Подобная ситуация сложилась и в отношении других «женских» специальностей, в том числе в здравоохранении.

Причины гендерной закрытости коренятся и в том, что в системе образования не осознано в должном объеме значение данной проблемы, а студенты и профессиональные группы, в которые они вольются, воспринимаются менеджерами образования как «бесполое». Анализируя половую диспропорцию в учебных подразделениях вуза, нужно иметь в виду, что в студенческом возрасте активно протекает гендерная социализация, формируются основы семейно-ролевых установок, начинается или, наоборот, сдерживается процесс планирования молодежных семей, в оптимизации которого заинтересовано региональное сообщество. Без коррекции гендерного содержания образования и психолого-педагогического анализа гендерных аспектов профессиональных ориентаций школьников вряд ли удастся преодолеть гендерный дисбаланс профессиональных групп.

Итак, рассмотрены лишь основные концепции и механизмы социальной селекции учащихся в высшем образовании. С гуманистической точки зрения вызывает тревогу тот факт, что равенство шансов отдельных социальных групп и слоев утрачивается уже на довузовской стадии образовательной траектории и продолжается в сфере высшего образования. Социальные группы имеют разные стартовые возможности, могут преследовать разные цели и иногда негативно относиться к образованию. Вопреки распространению образования, социально-слоевое неравенство в нем не преодолено. Знание механизмов неравенства поможет адекватно понимать современ-

ные процессы в образовании, уточнить исследовательские подходы и образовательную политику.

Примечания

1. Проблему образовательного неравенства в своих трудах освещают Руткевич М.Н., Шереги Ф.Э., Матвеев В.В., Шишкин С.В., Петрова Т.Э., Флюгов С.Н., Осипов А.М., Константиновский Д.Л. и др.

2. Иванова В.А. Институциональные функции образования: устаревшая или перспективная проблема? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Том 14. №3.

3. Осипов А. М. Социология образования. Очерки теории. Ростов/Д, 2006. Раздел 7.2.

4. Глобальная социология образования. Под ред. В.А. Ивановой, А.М. Осипова. Великий Новгород; Москва, 2012.

5. Education and Sociology. An Encyclopedia N.Y., 2002. P. 687-692.

5. Bodwich Ch. Getting Rid of Troublemakers: High School Disciplinary Procedures and the Production of Dropouts. // *Social Problems*. 1993. Vol. 40.

6. Чередниченко Г.А. Личные планы выпускников средних учебных заведений // *Социологические исследования*. 2001. № 12. С. 108-115.

7. Fish K.L. Conflict and Dissent in the High Schools. N.Y., 1970.

8. Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования. М., 1999. С. 110.

9. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире. М., 2004. С. 86.

10. Васильева Э.К. Семья и учебные успехи школьников. В кн.: Социальные проблемы образования и воспитания. М., 1973. С. 45.

11. Пугач В.Ф. Российское студенчество: статистико-социологический анализ. М., 2001. С. 38-40.

12. Медик В.А., Осипов А.М. Университетское студенчество. М.: Логос, 2003.

Клуб интегрированного общения в адаптации подростков с ограниченными возможностями здоровья

Михайлец Д.И.

Проблема дезадаптации подростков с ограниченными возможностями здоровья к полноценной жизни в обществе здоровых людей приобрела в наше время особую важность и актуальность. В октябре 2012 года в городе Барнауле студентами Алтайского государственного университета на базе Краевой общественной организации родителей детей-инвалидов и инвалидов детства «Незабудка» был создан клуб интегрированного общения «Будь со всеми, и оставайся собой». Цель - создание условий, способствующих приобретению людьми с особыми нуждами нового положительного социального опыта для личностного развития и их адаптации к жизни в обществе. В рамках клуба было проведено исследование, которое позволило делать вывод о том, что для участников клуба такая идея своевременна, и она поможет подросткам в их дальнейшей жизни.

Ключевые слова: социальная адаптация, подростки с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, самореализация, клуб интегрированного общения.

Mikhailets D.I.

Club of integrated communication in adaptation of teenagers with disabilities

The problem of disadaptation of teenagers with limited opportunities of health to full-fledged life in the company of healthy people gained presently special importance and relevance. In October, 2012 in the city of Barnaul students of Altai state university on the basis of Regional public organization of parents of disabled children and disabled from childhood «Forget-me-not» created club of the integrated communication «Be with all, and remain itself». Within club researches about detection of prospects of work were conducted. Analyzing results of questioning «About overall performance of club» we came to a conclusion that for our participants such idea is very timely, and it will help teenagers with their further life. Drawing conclusions and from all above-mentioned it is possible to tell with confidence that analogs of our work aren't present not only in our region, but also is far beyond its limits.

Key words: self-actualization, inclusive education, social adaptation, disabled teenagers, integrative communication.

Проблема социальной адаптации подростков с ограниченными возможностями здоровья (далее с ОВЗ) к полноценной жизни в обществе здоровых людей приобрела в наше время особую важность и актуальность. Это связано с существенными изменениями в обществе и законодательстве, по отношению к людям, которые по воле судьбы родились или стали инвалидами [4].

В настоящее время в России одновременно применяются три подхода в обучении детей с особыми образовательными потребностями. Дифференцированное обучение детей с нарушениями речи, слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, с задержкой психического развития в специальных (коррекционных) учреждениях I–VIII видов. Интегрированное обучение детей в специальных классах (группах) в общеобразовательных учреждениях. Третьим подходом стало инклюзивное обучение. Инклюзия – это процесс интеграции детей в общеобразовательный процесс независимо от их половой, этнической и религиозной принадлежности, прежних учебных достижений, состояния здоровья, уровня развития, социально-экономического статуса родителей и других различий. Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и доступность качественного образования для всех на основе создания образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех детей.

В настоящее время специалисты в области социальной работы, психологии и педагогики ведут активные дебаты об оптимальном способе адаптации людей с ОВЗ.

В данной работе в качестве теоретической основы взяты фундаментальные положения научных работ Л.С. Выготского [1], Н.Н.Малофеева, Н.Д.Шматко [3] и др., рассматривающие развитие личности, как следствие специфических отношений между людьми в пространстве социальных связей.

По мнению выдающегося российского психолога Л.С. Выготского, «все процессы сверхкомпенсации направлены на завоевание социальной позиции. Именно в коллективной жизни, коллективности его поведения содержится материал, необходимый для социализации личности» [1].

И мы считаем, что ребенок способен быстрее адаптироваться в обществе только в окружении сверстников и благодаря самореализации. Итак, одним из наиболее перспективных способов адаптации людей с ОВЗ в общество, может быть клуб интегрированного общения.

В октябре 2012 года в городе Барнауле студентами АлтГУ на базе Краевой общественной организации родителей детей-инвалидов и инвалидов детства «Незабудка» был создан клуб интегрированного общения «Будь со всеми, и оставайся собой».

Актуальность клуба заключается в том, в его рамках может быть восполнена потребность в общении людей, которые очень часто не могут ее реализовать по объективным и субъективным причинам.

Уникальность заключается в том, что он:

Во-первых, создан силами студентов и существует на волонтерской основе.

Во-вторых, мы даем возможность абсолютно каждому члену клуба самоактуализироваться.

В-третьих, нашу деятельность можно назвать импровизацией.

Цель: создание условий, способствующих приобретению людьми с особыми нуждами нового положительного социального опыта для личностного развития и их адаптации к жизни в обществе.

К задачам клуба относятся:

-организация и проведение целевых встреч с членами клуба;

-организация и проведение развивающих игр и упражнений с членами клуба;

-подготовка, организация и проведение различных мероприятий и праздников для воспитанников «Незабудки» и их родителей.

В ходе работы было проведено исследование, целью которого было выявление ситуации комфортности участников и волонтеров в рамках клуба. В качестве объекта выступили участники клуба (10 чел) и волонтеры (12 чел). Предметом исследования стало отношение участников и волонтеров к созданию проекта. При оценке работы клуба интегрированного общения по 5-ти бальной шкале, 90% респондентов поставили «5».

Отвечая на вопрос, «Чувствовали ли Вы когда-либо дискомфорт при посещении клуба?», лишь 10% ответили «да», а 90% - «нет».

В 100% ответ был положительный, при ответе на вопрос – «Помогает ли Вам участие в клубе интегрированного общения?». Очень интересные и содержательные, для дальнейшей работы клуба, были ответы на вопрос относительно пожеланий и предложений на дальнейшую работу клуба. Например, члены клуба отвечали - «Чаще хочется посещать различные выставки, галереи..», «Хочется, чтобы нас стало еще больше», «Еще больше проводить мероприятия для воспитанников «Незабудки» и т.д.

Анализируя результаты анкетирования «Об эффективности работы клуба» можно сделать вывод, что для

наших участников такая идея очень актуальна, т.к. они могут себя здесь самореализовать, воплотить в жизнь свои, порой, самые неожиданные идеи и при этом общаться наравне со своими сверстниками. Можно предположить, что данная работа является очень значимой и своевременной для сегодняшней политики государства в целом, тем более что аналогов нашей работы нет не только в нашем регионе, но и далеко за его пределами.

Таким образом, обобщая мнения большинства исследователей, следует отметить, что социализация рассматривается как усвоение индивидуальным социальным опытом по мере включения его в многоплановые и разносторонние общественные отношения. И с помощью клуба интегрированного общения могут быть достигнуты положительные результаты.

Литература

1. Выготский Л.С. «Дефект и сверхкомпенсации»: http://dugward/library/vygotskiy_defect_i_sverhkomp.html

2. Карпова Г., Ярская-Смирнова Е. «Социокультурная политика в отношении инвалидов: от законодательства к общественному мнению // Образование для всех: политика и практика инклюзии». Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2008. С.24-30

3. Малофеев Н.Н., Шматко Н.Д. «Отечественные модели интегрированного обучения детей с отклонениями в развитии и опасность механического переноса западных моделей интеграции // Актуальные проблемы интегрированного обучения». - М., 2001. - С. 8 – 13.

4. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ФЗ № 124 от 24.07.98 в ред. Федеральных законов от 21.12.2004 N 170-ФЗ)

Политические настроения студентов вузов

Москвы

Станевич А.Ю.

В статье изучается феномен политических настроений на примере студентов московских вузов. В ней даётся авторское определение понятию «политическое настроение», описывается его составляющие. Особое внимание уделяется авторскому социологическому исследованию и анализу полученных результатов. В результате исследования были выявлены основные тенденции в политическом ключе: электоральные предпочтения, заинтересованность политикой и протестный потенциал. Ключевые слова: политическая активность, протестный потенциал, электоральные предпочтения, политические взгляды.

Stanevich A.Y.

Political attitudes of university students in Moscow
The article is devoted to the phenomena of political moods of Moscow students. It gives the author's definition to "political mood" and describes its structure. A sociological portrait embodies the result of our survey. We have also drawn key tendencies touching the matter of concern of political activity, notably electoral preferences, political interest and protest potential.

Key words: political activity, protest potential, electoral preferences, political views.

Важным инструментом расширения демократии является активное участие граждан, в том числе студентов, в политической жизни страны. А участие в политической жизни страны определяет политическое поведение граждан, которое в свою очередь предопределяется политическими настроениями. По своему определению, политическое настроение не является чем-то стабильным, но именно оно передаёт актуальное состояние общества и даже может прогнозировать действия носителей этого настроения. Д. В. Ольшанский активно изучал феномен политического настроения, в связи с чем в ходе нашего исследования мы опирались на следующее определение политичес-

кого настроения: «однородная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни; субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний при данных условиях; а также стремление к изменению условий ради осуществления притязаний»¹.

При изучении политических настроений студентов Московских вузов автор провёл социологическое исследование. Объём выборки по Москве составил 741 человек. Ошибка выборки 3,4%. Метод: личное интервью.

Политическая активность была выражена удовлетворённостью и интересом к политике, протестным потенциалом, политическими взглядами, политическим курсом и электоральными предпочтениями.

С помощью критерия Хи-квадрат было выявлено наличие связи между **отношением к политике и удовлетворённостью политической ситуацией в стране**. Значимые различия были выявлены между активными студентами (интересуются политикой и поддерживают митинги и массовые акции и демонстрации) и аморфными (не интересуются политикой и не поддерживают митинги и массовые акции и демонстрации). Так, активные студенты в гораздо большей степени не удовлетворены происходящим в стране (34% против 5,3%): очевидно, информированность и политический кругозор знакомят личность с более привлекательными альтернативами. По этой же причине среди активных студентов не оказалось затруднившихся ответить. Положительную оценку политической ситуации в стране дал лишь каждый пятый активный студент (21,3%); среди аморфных студентов такой процент в два раза выше (40,7%).

Если говорить о **протестном потенциале**, то он недостаточно высок: лишь каждый десятый студент участвовал в акции протеста, однако не стоит игнорировать тот факт, что в целом больше трети студентов лояльно относятся к митингам в оппозиции, а как нам известно, настроение сего дня завтра может стать уже действием. Чуть ниже «протестный потенциал» у сторонников провластных митингов: в целом лояльно к ним относится каждый пятый.

Что касается **политических взглядов**, то любопытно узнать, что треть студентов (32,9%) считают себя либералами. Это самый большой процент из всех представленных политических взглядов, и ведь дальше идёт большой разрыв с другими идеологиями.

Проанализируем предпочитаемый студентами **политический курс**. В принципе, между теми, кто выступает за существенные перемены и кардинальные реформы и теми, кто считает, что стране нужна стабильность, существует небольшая четырёхпроцентная разница. Сторонников активных реформ оказалось 41,6%, «эволюционистов» - 37,8%.

Что касается **электоральных предпочтений**, были выявлены значимые различия в данных ЦИК и данных, полученных по результатам нашего опроса. Так, по данным ЦИК², явка по Москве была 58,1%, в то время как в нашем случае она оказалась немного выше (63%). Это может быть вызвано тем, что студенты на крайних президентских выборах проявили себя как активные избиратели, ведь мы помним сильнейший общественный резонанс после думских выборов – люди были шокированы столь высоким уровнем фальсификации, поэтому впредь решили не «дарить» право своего голоса и сходить на выборы самим, и даже если не проголосовать, то испортить бюллетень, но с той же

целью – чтобы за них не проголосовали. По данным ЦИК, за Прохорова отдали голоса 20,45% избирателей, по нашим данным – вдвое больше. За Путина проголосовала почти треть молодёжи – 27,7%. Мы знаем, за Путина в основном голосовали пенсионеры и другие социально незащищённые категории граждан, а также военные и госслужащие.

Выводы: Большинство студентов интересуется политикой. Также большинство не удовлетворено политической ситуацией в стране, при чём среди интересующихся политикой процент недовольных возрастает. Отношение студентам к митингам является в целом отрицательным. Что касается политических предпочтений, то большинство студентов оказалось беспартийными либералами, проголосовавшими на президентских выборах за Прохорова.

В общем стоит заметить, что каждый пятый студент затрудняется ответить на вопрос касательно полити-

ки, будь то политическая идеология, приверженность какой-либо партии или даже политическое развитие России. То есть 20% студентов вообще не имеют мнения касательно политики. Каждый пятый так же проигнорировал выборы. Можно предположить, что если вовремя не будут предприняты какие-либо меры, количество таких студентов будет только увеличиваться. Ситуация улучшится, если молодёжь хотя бы будет разбираться в политических течениях. Вообще стоит заметить, что государственная политика, направленная на политическую социализацию молодёжи, в нашем государстве отсутствует, хотя в ней есть острая необходимость.

Ссылки:

1 Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 204.

2 Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=>

Участие молодежи в деятельности молодежных организаций

Терещенко А.А.

Статья содержит в себе исследование, которое выявляет степень участия молодежи в деятельности молодежных организаций и движений Ростовской области и России, мотивации и цели участия молодых людей, сравнительный анализ локального и федерального уровней. Кроме этого рассматриваются наиболее интересные направления организаций, начиная с благотворительных, заканчивая экологическими. Поднимается проблема существования организаций, основанных «сверху» и по инициативе лидеров, то есть «снизу». Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, мероприятия, Ростовская область, Россия, добровольчество, государство.

Tereshenko A.A.

The participation of youth in actions of youth organizations. This article includes the research, which defines the degree of participation of youth in actions of youth organizations and movements of Rostov region and Russia, motivations and participation's goals of young people. Moreover, interesting directions of youth organizations like volunteer and ecological are considered. There are organizations, which have been based by government and by young people. Key words: youth, youth organizations, actions, Rostov region, Russia, participation, volunteering, government.

Как известно, последние годы прошлого столетия были очень тяжелыми для экономики России, и в целом для государства. В упадке были предприятия, случился экономический дефолт, приватизация – молодежи некогда было думать об участии в общественной жизни страны – необходимо было как-то зарабатывать на жизнь. Сейчас, когда прошло уже более десяти лет с наступления 21 века, молодежная политика начала возрождаться и набирать обороты. Одну из важнейших ролей занимают молодежные организации, как поле, на котором молодежь может реализовать свои интересы и потребности в процессе совместной деятельности.

Целью статьи является выявление степени участия молодежи в молодежных организациях на уровне страны и Ростовской области, интересов и мотиваций участия и создания самих молодежных организаций.

Многочисленные исследования повествуют о том, что молодежь видит в государстве патерналистские функции: около 43% считает, что именно оно должно заботиться о молодежи. Поэтому необходимо формирование у нее потребностей в самоорганизации, уверенности в собственных силах и умению консолидироваться совместно со своими сверстниками для решения личных, так и общественных задач¹. Однако потенциал есть, который проявляется в целеустремленности молодежи, инициативности и самостоятельности.

Исследование российской молодежи Института социологии РАН показало, что лишь 6,1% молодых людей в возрасте от 14-30 лет являются членами молодежных организаций. Эти цифры кажутся небольшими, однако коренным образом отличаются от показателей десятилетней давности. А вот отношение к молодежной политике в целом различное – 15,3% одобряют, 41,7% считают, что что-то делается, но недостаточно, а 32% и вовсе не довольны. Интересно, что 13,6% хотели бы участвовать, что говорит о большом потенциале развития молодежных инициатив. Наиболее активной группой являются подростки, а с увеличением возраста количество участвующих уменьшается по понятным причинам – работа, семья, карьера.

Наиболее активными являются студенты ВУЗов и техникумов, а вот наименее – предприниматели. Самыми приоритетными направлениями среди молодежных организаций выделяются студенческие, спортивные, политические и профессиональные. Наименее востребованными являются краеведческие и экологические.

Возможно, это связано с тем, что эти направления чаще всего заняты школьниками, а доля активных студентов все же больше. Если опираться на гендерный фактор, то девушки предпочитают больше благотворительные и студенческие организации, а парни – политические и спортивные.

Интересно заметить, что политические выбирают именно студенты ПТУ и работники полиции, МВД. Скорее всего студенты профессиональных училищ принимают сторону именно националистических и национал-патриотических организаций, потому что их основной мотивацией является идеология. А вот для прокремлевских организаций – личные интересы, такие как карьера, приобретение навыков политической деятельности и т.д.² К сожалению, такие тенденции могут привести к экстремизму в молодежной среде.

Необходимо так же помнить, что и у самих молодежных организаций существуют свои трудности. Они могут касаться неготовности молодежи к самостоятельным действиям, размыванию целей создания организаций, бюрократизации с большим количеством отчетов, за которыми скрываются реальные дела и мероприятия. Кроме того огромное влияние оказывает постоянная смена лидеров или же «монархия» одного, приводящая к застою³.

Рассмотрим далее локальный уровень на примере пробного исследования, проведенного в Ростовской области на Школе молодого социолога Южного Федерального Университета⁴. Согласно этим данным, 20% опрошенных являются членами молодежных организаций, что в 2 раза выше, чем по всей России. При этом 48% считают себя социально-активными, что отражается, по их мнению, в участии в выборах, протестных акциях или митингах. 70% хотели бы участвовать в молодежных организа-

циях. Опять же потенциал очень высок, и особенное желание проявляется к добровольческим организациям (преимущественно у женщин) и политическим (преимущественно у мужчин). Хочется заметить, что 50% мужчин относятся скептически к волонтерству и считают его бесполезным. Основные цели участия молодые люди видят в знакомстве, проведении досуга, старте для карьеры, патриотизме и влиянии на власть. Важным показателем является то, что половина опрошенных считают, что молодежные организации – это государственный заказ. Действительно, некоторые исследователи видят причину в утрате доверия к безраздельному монополизму комсомола. Считают, что «сверху» молодежные организации делаются для того, чтобы создать официальную структуру контроля над обществом, а затем выгодно представлять их в отчетах в СМИ и вышестоящих органах. Как раз в большинство организаций, созданных «снизу» являются протестные или нонконформистские, а так же независимые и альтернативные объединения. В таком случае можно оправдать организации «сверху» в предотвращении негативных явлений в обществе⁵. Но в то же время, сложно определить, создана эта организация «сверху» или инициирована «снизу».

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов о том, что:

1. В Ростовской области доля участвующей молодежи в деятельности молодежных организаций в 2 раза выше, чем в России.

2. Потенциальных участников больше половины в области, в России – 13%.

3. Волонтерство больше интересно девушкам, а спорт и политика – молодым людям.

4. Основными интересами являются – досуг, знакомства, патриотизм, карьера и влияние на власть.

5. Существуют организации, созданные «сверху» и «снизу», каждая из которых имеют свои собственные цели.

Ссылки:

1 М.К.Горшков, Ф.Э.Шереги «Молодежь России: социологический портрет». – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

2 Кострикин А.В. Молодежные объединения как социальный институт легитимизации социальной активности молодежи и формирования социального капитала // Сборник научных статей Всероссийской социологической конференции. – 2012. – Том 2. - 313 – 317 с.

3 Бондаренко Р.А. Трудности развития молодежной организации как института социализации в постсоветской России // Сборник научных статей Всероссийской социологической конференции. – 2012. - Том 2. – 216 – 218 с.

4 Данные пробного исследования Школы молодого социолога ЮФУ на тему «Общественная активность молодежи Ростовской области»

5 Сорокин О.В. Политические партии и молодежные организации в формировании и регуляции политического сознания молодежи // Сборник научных статей Всероссийской социологической конференции. – 2012. - Том 3. – 201 – 206 с.

Образ россиян глазами китайских студентов

Тремасова Е.А.

Традиционно существенную часть иностранных студентов, получающих высшее образование в России, составляют китайцы. С целью диагностики некоторых сторон жизни китайских студентов, обучающихся в РФ, их планов, отношения к России и взглядов на российскую политику и общество, в 2012 году был проведен социологический опрос. Данная статья раскрывает различные стороны образа россиянина, сложившегося в среде студентов из Китая: черты характера, особенности поведения, достоинства и недостатки и др. Также в статье показан региональный срез мнений, поскольку опрос проводился в субъектах федерации, различающихся культурой, историей, расстоянием от государственной границы.

Ключевые слова: образ россиян, китайцы, миграция, образование.

Tremasova E.A.

The image of Russians through the eyes of Chinese students

Traditionally, a significant portion of foreign students in tertiary education in Russia are Chinese. In order to diagnose certain aspects of the life of Chinese students studying in Russia, their plans, relations with Russia and views on Russian politics and society, in 2012, a survey was conducted. This article reveals different aspects of the image of Russians that emerged among students from China: character traits, behaviors, strengths and weaknesses, etc. The article also shows the regional section of opinion, since the survey was conducted in the subjects of the federation, which differ in culture, history, distance from the state border.

Key words: image of Russians, Chinese, migration, education.

Экспорт образовательных услуг? явление далеко не новое для российской высшей школы. Сейчас, как и более ста лет назад, во многих отечественных вузах вместе с российскими студентами обучаются студенты из других стран. Традиционно большинство приезжающих для обучения в Россию? это выходцы из стран Азии. На данный момент одну из самых многочисленных групп иностранных студентов составляют китайцы.

С целью диагностики некоторых сторон жизни китайских студентов, обучающихся в РФ, их планов, отношения к России и взглядов на российскую политику и общество, в 2012 г. был проведен социологический опрос¹.

Одной из целей данного опроса было выявление образа современного россиянина в представлении китайских студентов. Также результаты позволяют проанализировать региональный срез, поскольку опрос проводился в регионах, кардинально различающихся культурой, традициями, географическим положением и т.д.

Для начала необходимо обозначить, что более чем три четверти (78%) респондентов заявили, что за время пребывания в РФ их мнение о стране улучшилось. Такая тенденция прослеживается и в Чите, и в Н.Новгороде. Можно предположить, что изменение мнения о России в лучшую сторону связано с разрушением стереотипов о русском менталитете, которые отчасти описаны в брошюре неизвестного китайского автора «Пронизывая взглядом Россию», получившей известность благодаря переводу ведущего научного сотрудника Института ДВО РАН Б.Ткаченко. Текст брошюры пронизан русофобскими настроениями, автор обвиняет Россию в воинственности, отсутствии традиций демократии, пренебрежении моралью, высокомерии и крайнем радикализме.²

Стоит отметить также, что абсолютное большинство респондентов (90%) связывает свою дальнейшую жизнь с Россией: более половины (59%) предпочитают жить в Китае, но приезжать в РФ по делам и около трети (31%) хотят работать в РФ, имея вид на жительство, но оставаясь гражданами Китая. Желание поехать в Россию совсем не оправдалось у незначительной части респондентов (4%).

По мнению двух третей опрошенных (69%) русские нейтрально принимают мигрантов. Во многом объясняют это ответы, следующие ниже.

Более половины респондентов (51%) отметили, что россияне относятся к ним доброжелательно и около трети (31%) заявили, что нейтрально. Стоит обратить внимание на то, что крайне негативного отношения не заметил в свой адрес ни один из опрошенных. Однако некоторые респонденты заявили, что их оскорбляли (29%, причем в Забайкалье вдвое чаще, чем в Нижегородской обл.), угрожали избить (12%), проявляли высокомерное отношение (8%), нарушали безопасность друзей или родственников (8%). Можно сделать вывод, что в целом, размолвки между китайскими студентами и жителями России происходят не часто, но всё же случаются, причем в Забайкальском крае более регулярно, чем в Нижегородской области. Вероятно, это обусловлено спецификой населения: существенная часть жителей Забайкалья – бывшие заключенные с низкой культурой и отсутствием толерантности к приезжим.

С целью формирования наиболее полного образа русских респондентам были заданы вопросы о чертах характера. Среди положительных качеств россиян чуть менее половины китайских студентов выделяют доброту (42%). Около трети респондентов (31%) нравятся общительность и открытость, а каждый пятый опрошенный (19%) отметил честность и прямоту русских.

Из недостатков россиян китайцы смогли выделить лень (18%), спеси-

вый характер и пессимизм (15%), непунктуальность (10%) Пятая часть респондентов (19%) отмечает любовь россиян к спиртному (но у респондентов из Читы, этот вариант не был так популярен, как у респондентов из Н.Новгорода).

При ответе на вопросы анкеты подавляющее большинство китайских студентов (97,7%) отметило, что они кое-что знают об истории и культуре России, но хотели бы углубить знания.

Один из блоков анкеты содержал открытые вопросы о том, что интересует или даже удивляет китайцев в культуре, истории и обыденной жизни россиян. Среди ответов об интересных китайским студентам элементах культуры наиболее часто встречались следующие: литература (42% респондентов), искусство (16%), музыка (12%), национальная кухня (23%), традиции и обычаи (23%). Подобный вопрос об истории России выявил, что студентов из Китая занимают времена правления Петра I (9%), Великая Отечественная война (12%) и эпоха СССР (26%). Ответы китайской молодежи об обыденной жизни русских сильно различаются, однако превалирует интерес к блюдам (33%) и праздникам (12%). Некоторые респонденты выразили удивление тем, что «русские любят пить чай с сахаром», «едят пельмени со сметаной» и «кушают хлеб и картошку».

Отдельно был поставлен вопрос об отношениях к бракам между русскими и китайцами. Более половины опрошенных (53%) ответили на этот вопрос «нейтрально», в то время как 31% отнесли к ним положительно, а 16% – отрицательно. Респонденты, отрицательно относящиеся к смешанным бракам, аргументировали это различиями в культуре и нормах поведения и опасениями наследственных заболеваний. Положительное отношение к таким бракам опрошенные объясняли тем, что смешанные народы красивы и умны.

Что касается социального положения и престижа человека в россий-

ком обществе, то, по мнению китайских студентов, определяющим фактором здесь являются личные качества людей (43%). Следующими по популярности стали ответы «владение деньгами и материальными ценностями» (29%) и «личные достижения в образовании и профессии» (16%). Интересно, что ответы респондентов на аналогичные вопросы о китайском обществе примерно такие же. Это может означать, что респонденты ввиду недостатка знаний и короткого срока пребывания в РФ проецируют на российское общество взгляды, сформированные во время жизни в Китае.

Представляется, что проведенное исследование может иметь практическую значимость. Формирование позитивного образа России важно для государства, поскольку от этого зависит инвестиционная и туристическая при-

влекательность, сотрудничество иностранных компаний с отечественными. Также эти сведения могут быть полезными при создании комфортных условий для временного и постоянного проживания в РФ иностранных граждан и для повышения эффективности миграционной политики.

Ссылки:

1 Опрос проводился среди студентов из Китая, обучающихся в вузах Забайкальского края (N=26) и Нижегородской обл. (N=23) под руководством к.с.н. И.А.Газиевой, при участии автора.

2 Пронизывая взглядом Россию // Арсеньевские вести №34 от 25.08.2010 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.arsvest.ru/archive/issue910/politica/view19169.html> (12.12.12)

Ценностные ориентации подростков: сравнительный анализ

Чернышева Л.А.

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций группы подростков 14-17 лет двумя различными методами: слабоформализованным анкетным опросом, который предполагал написание информантами эссе при ответе на вопрос «Как вы представляете себя в возрасте 25 лет?», а затем – тестированием по методу М.Рокича, подразумевавшее ранжирование респондентами предложенных ценностей по степени важности. В обеих частях исследования принимали участие одни и те же подростки, однако результаты оказались различными. Подростки присвоили высокие ранги в тестировании некоторым ценностям, но при этом не указали их в своих эссе. Это означает, что некоторые ценности воспринимаются ими не как значимые для них самих, а, скорее, как общественно-значимые.
Ключевые слова: подростки, ценности, качественные методы, количественные методы.

Chernysheva L.A.

Value orientations of adolescents: a comparative analysis
The paper presents the results of a study of value orientations of adolescents in age of 14-17 with two different methods: partially formalized questionnaire that suggested informants to write an essay with an answer for the question «How do you present yourself at the age of 25 years?» And then there was the testing with M. Rokeach's method that implied ranking suggested values ??in order of importance by respondents. In both parts of the study attended the same teenagers, but the results were different. Teenagers awarded the highest rank in the testing of certain values, but do not specify them in their essay. It means that some values ??are perceived not as meaningful for themselves, but rather as a socially important.
Key words: adolescents, values, qualitative methods, quantitative methods.

Исследования ценностных ориентаций сегодня представлены в огромном количестве, и значительная их часть связана с изучением социально-демографической группы подростки. Тема не теряет актуальности, т.к. напрямую связана с проблемой профориентации подростков, проблемой их выбора жизненных стратегий и перспектив. Множество исследователей, занимающихся этой проблемой [1,2], – социологов и психологов – используют в исследованиях ценностных ориентаций подростков ряд количественных методов, наиболее популярным из которых является тест М.Рокича (в модификации Д.А. Леонтьева, Ш.Шварца и др.).

Известный исследователь С.Г.Вершловский пишет: «Анкетный опрос не позволяет получить исчерпывающую информацию о духовном мире человека. Тем не менее, ряд

эмпирических данных дает возможность сделать некоторые выводы: к стабильным и наиболее значимым жизненным ценностям выпускники относят здоровье, семью, гармоничные отношения с любимым человеком. Такие показатели самореализации, как профессиональное мастерство, интересная работа, рассматриваются ими как второстепенные, сопутствующие, не определяющие жизненный успех человека» [1, с.259]

Исследования С.Г. Вершловского были проведены с использованием количественных методов. Каковы были ли бы результаты, если бы исследователь пользовался иной методологией? Говорить об этом, очевидно, бессмысленно, т.к. нет ни единой возможности проверить результат, для чего потребовалось бы найти респондентов, опрошенных в рамках представленных выше исследований. Прodelать эту работу невозможно, именно поэтому мною было проведено небольшое собственное исследование, в рамках которого сопоставление результатов количественного исследования с результатами качественного оказалось весьма интересным.

Итак, объектом моего исследования являлись подростки 14-17 лет, обучающиеся на музыкальных отделениях Лицея искусств «Санкт-Петербург» и Дворца Детского и Юношеского Творчества (г. Санкт-Петербург).

Основной вопрос о ценностных ориентациях подростков, обозначенный выше, был дополнен вопросом о факторах их социализации, таким образом, предметом исследования стало влияние различных факторов социализации на подростков, а также ценностные ориентации подростков.

В качестве метода исследования был использован сначала метод слабоформализованного анкетного опроса. Данный метод относится к ко-

личественным и заключается в анализе написанных информантами эссе на заданную исследователем тему. Подросткам предлагали написать небольшое эссе, в котором содержался бы ответ на следующий вопрос:

«Пожалуйста, представьте себя в возрасте 25 лет. Опишите подробно, где Вы живете, чем занимаетесь, кем работаете, как проводите свободное время и т.д. По возможности укажите, на кого из реальных людей или вымышленных персонажей Вы похожи (или на жизнь какого человека/персонажа похожа Ваша жизнь)»

Следующим этапом исследования стало проведение тестирования по методу М.Рокича. Тестируемые ранжировали предложенные ценности в соответствии с собственными представлениями об их важности. Тестирование было проведено спустя 3 месяца после проведения первого этапа.

В исследовании участвовали 30 подростков, из которых 9 мальчиков, 21 девочка; 17 лет – 2 человека., 16 лет – 4 чел., 15 лет – 10 чел., 14 лет – 14 чел. Данная выборка, естественно, не является репрезентативной для представления данных о ценностных ориентациях подростков г. Санкт-Петербурга, однако вполне может показать схожесть или различие результатов при использовании различных методов, поскольку в обоих этапах исследования участвовали одни и те же респонденты.

Рассмотрим последовательно результаты каждой из частей исследования, а затем сравним.

При анализе эссе из выделенных М.Рокичем 18-ти терминальных ценностей было обнаружено только 13: Здоровье, интересная работа, красота природы и искусства, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, познание, развлечения, свобода, счастливая

семейная жизнь, счастье других, творчество.

Среди наиболее часто встречающихся ценностей оказались: Дружба, Развлечения, Материально обеспеченная жизнь, Карьера, Семья.

Количественная часть исследования предполагала составление единой иерархии терминальных ценностей, выделенных М.Рокичем, на основе ранжированного каждым участником списка. В результате этого несложного подсчета пятью наиболее важными ценностями можно назвать:

1. Наличие хороших и верных друзей;

2. Здоровье (физическое и психическое) – в эссе здоровье было упомянуто всего 1 раз.

3. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве);

4. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);

5. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) – ценность, которую ни один информант не упомянул в своем эссе.

При этом материально обеспеченная жизнь оказывается на третьем с конца месте, а счастливая семейная жизнь – и вовсе последней.

Итак, наличие хороших и верных друзей действительно оказалось очень важным для подростков условием счастливой жизни. Остальные же ценности, так часто встречающиеся в эссе, получили слишком низкие ранги в тестах.

Очевидно, не стоит делать вывода о неверности метода тестирования или метода анализа эссе. В действительности невозможно проверить важность перечисленных в эссе ценностей: в ходе исследования я руководствовалась исключительно частотой ее упоминания. При этом содержание эссе не дает данных о положении ценностей относительно друг друга. Однако появление в списке пяти наиболее важных ценностей, выявленных тестированием, нескольких не обозначенных в эссе ценностей, скорее всего, говорит о том, что подростки воспринимают ряд ценностей не как важной для них самих, а как имеющие общественную значимость. Такие ценности не являются руководством к действию, они скорее отражают представление о том, что «должно быть» важным для человека.

Литература

1. Вершловский С.Г. Портрет выпускника петербургской школы: опыт социально-педагогического исследования // Вопросы образования №4, 2004 г. С. 256

2. Ценностные ориентации современного подростка [Электронный ресурс] / Собкин В.С., Буреломова А.С. — Электрон. дан. — М.: Справочно-информационный интернет-портал ФГНУ «Институт социологии образования» Российской академии образования — Режим доступа: http://www.socioedu.ru/userfiles/file/Sobkin,%20Burelomova_Zennostnie.pdf свободный. — Загл. с экрана — С. 49

Вызовы современности и формирование профессиональной идентичности педагога

Шакурова А.В.

В статье дается описание ведущих вызовов современной действительности, поступающих в адрес средней школы (МОУСОШ, ОУ с углубленным изучением отдельных предметов, лицеи, гимназии, негосударственные учебные заведения), и способов реагирования разнотипных образовательных учреждений средствами индивидуальных и коллективных профессионально-ролевых комплексов.

Ключевые слова: профессиональная деятельность учителя, профессиональная идентичность, организационная культура школы, роли, мотивы.

Shakurova A.V.

Challenges of today and the formation of professional identity of the teacher

The paper describes the major challenges of today and ways to respond to different types of educational institutions by means of individual and collective professional roles complexes

Key words: professional activity of teachers, professional identity, organizational culture, schools, roles, motivations

Поиск возможных путей поддержания долгосрочной конкурентоспособности отдельных предприятий всегда был, есть и будет важнейшей задачей менеджмента, в решении которой научно обоснованные рекомендации могут оказаться весьма полезными [1; 2; 3; 4]. Согласно большинству из них, принципиальное влияние на результаты организационной деятельности оказывает качество человеческого ресурса [5]; [6] и, в том числе, профессиональная идентичность последнего [7; 8; 9; 10], поэтому определение и содержательная интерпретация данного конструкта представляются сегодня актуальными и востребованными. Особую значимость приобретает оценка профессиональной идентичности современных учителей, вклад которых в подготовку образованных, компетентных и творческих кадров при наличии у педагогов соответствующих идентификаций может оказаться весьма существенным, поскольку в школе складываются первые организационные предпочтения, профессиональные интересы, формируются универсальные действия, необходимые не только в учебной, но и будущей трудовой деятельности.

Анализ многочисленных научных социологических и психолого-педагогических концепций [7; 8; 9; 10] показывает, что профессиональная идентичность ассоциируется с той важной характеристикой субъекта, которая влияет на качество индивидуального трудового поведения и позволяет стать частью профессионального сообщества за счет освоения компетенций, ролей, эмоционального принятия ценностей и по-

вторения типичных эффективных практик исполнения. Но, на наш взгляд, не менее логично связывать профессиональную идентичность с феноменом, который отражает мотивационно-целевую готовность актора и операциональные схемы реализации некоторого содержания труда в соответствующем организационном контексте в виде сложившихся профессионально-ролевых комплексов, обусловленных определенными ценностными предпочтениями. Исходя из этого положения, организационную культуру целесообразно считать одним из серьезных внешних вызовов, которые диктуют особые требования к содержанию индивидуальных и коллективных профессиональных идентификаций.

Так, логично предположить, что в организациях, которые отличаются высокой степенью централизации, ограничениями в делегировании власти, ориентацией на межличностные отношения или, напротив, на официальные правила и процедуры, персонал демонстрирует коллективное, церемониально- и/или ситуативно-приспособительное поведение, по возможности бесконфликтное, с признаками «обратного делегирования» у подчиненных или церемониально-приспособительные (или инструкторные) модели, в соответствии с функционалом, закрепленным за участником взаимодействия, и раскрываемые посредством ролей «коммуникатора» и/или «последовательного реализатора».

В компаниях с низкой дистанцией власти и степенью централизации, стремлением к креативному, нестандартному, успешному решению проблемы сотрудников отличаются преобразующие действия, характер которых (индивидуальный или коллективный) определяют требования самой задачи, и/или рефлексивно-целевое исполнение, предполагающее самостоятельное проектиро-

вание процедуры и способов ее реализации, индивидуальное участие и партнерское взаимодействие в достижении поставленных целей. Следовательно, более востребованными в таких условиях оказываются «генераторы идей», «аналитики», «завершители», «исследователи ресурсов».

Как известно, настоящее время отличается многообразием и дифференциацией организационных культур на предприятиях, а частая смена последних не характеризует работника сугубо негативно, поэтому особую ценность в данных обстоятельствах приобретает персонал, испытывающий удовлетворение от работы и успешно функционирующий в разнотипных организационных контекстах. Это могут быть организации семейного и инновационного типа, обладающие гибкой структурой, но в первом случае концентрирующиеся на решении внутренних проблем, во втором – на внешних вызовах; а могут быть деловые или иерархические компании, стабильные по своей структуре, ориентированные на результативность действий персонала либо их соответствие принятым правилам [11].

Ввиду выше сказанного становится понятной востребованность тех субъектов труда, которые успешно реализуют роли, задающие образцы для активности в разных контекстах, и одинаково способны к:

- эффективным горизонтально-вертикальным коммуникациям делового характера («исследователь ресурсов», «мотиватор» и «коммуникатор»),
- регуляции и реализации собственных действий посредством предложенного алгоритма («реализатор» и «завершитель»),
- активной разработке новых нестандартных идей («генератор идей» и «аналитик»),
- принятию решений в ситуации нехватки времени и недостатка информации («координатор»).

Между тем, культура, в которой осуществляется подготовка будущих учителей, а также система среднего полного (общего) образования, хотя и представлена целым рядом типов образовательных учреждений со своими организационно-культурными условиями, несут на себе следы «традиционности» в виде сильно выраженных кланово-иерархических ценностей. Например, результаты анализа организационно-культурных условий в ВУЗе свидетельствуют о доминировании кланово-иерархических ценностей, хотя в зависимости от конкретного измерения (форматные характеристики организации, управление сотрудниками, общность ценностей, стратегические цели, критерии успешной деятельности) сила выраженности последних оказывается различной.

Существеннее всего традиционный клановый и иерархический компоненты проявляются во внешних, форматных, характеристиках факультетов, в организационных ценностях, в отличие от руководства педагогическим коллективом, организационной стратегии и показателей эффективности, которые содержат элементы востребованной сегодня менеджментом адекватной государственным социально-экономическим приоритетам, но непривычной для отечественных организаций, культуры адхократического и делового типа [12; 13; 14].

Анализ организационной среды в учреждениях среднего полного (общего) образования показал, что, несмотря на некоторую культурную специфику в зависимости от типа ОУ, школьные организации так же, как и ВУЗы, по большей части сосредоточены на решении внутриорганизационных проблем. Муниципальным школам и ОУ с углубленным изучением отдельных предметов оказывается свойственной результативно-кланово-иерархическая и кланово-

результативно-иерархическая культура, в которой ценности «отношения» и «правило», несмотря на статистически достоверные различия долей каждой из них в общем конструкте ОК для двух выборок, играют ведущую роль, а акцент на результативной части является наиболее слабым.

Так, если в средних общеобразовательных школах большей силой обладает клановый компонент, то в ОУ с углубленным изучением отдельных предметов – иерархическая составляющая. Наиболее явно данная особенность проявляется в таких аспектах организационной жизнедеятельности, как «форматные характеристики» и «коллективные ценности». Иначе говоря, школы с углубленным изучением отдельных предметов внешне напоминают очень формализованные и структурированные организации, главной задачей которых является достижение образовательного результата в строгом соответствии с программой, учебным планом и графиком учебно-воспитательного процесса, в отличие от обычных школ, где «личные дистанции» (по Э. Холлу) в отношениях коллег имеют равноценное значение.

Выявленное статистически значимое преобладание иерархического компонента ОК во внешнем облике учебных заведений повышенного статуса целесообразно интерпретировать как определенное следствие «внутренних объединяющих начал» иерархически-делового типа или, другими словами, стремления планомерно добиваться высоких показателей в педагогической деятельности и целенаправленно, последовательно работать над формированием положительной репутации ОУ у учащихся, их родителей, общестественности города.

Жизнедеятельность негосударственных образовательных учреждений также определяет кланово-

иерархический компонент ОК, однако в отличие от государственных МОУСОШ и школ повышенно статуса, адхократически-деловая составляющая здесь оказывается равнозначной традиционным оргкультурным ориентациям. Согласно полученным данным, педагогов в одинаковой степени характеризует приверженность «семейным ценностям» и «порядку», психологическая готовность ответственно, результативно, в соответствии с нормативно-правовой базой, выполнять свои функциональные обязанности, неравнодушное, заботливое отношение и творческий подход к вопросам обучения, воспитания и развития школьников.

Но при этом отдельные аспекты организационной культуры негосударственных школ оказываются менее согласованными по сравнению со светскими образовательными организациями, разные части которых подчеркивают внимание на одинаковом наборе культурных смыслов. Например, форматные параметры негосударственных ОУ и подходы к управлению коллективами имеют тенденцию делать акцент на иерархически-клановом компоненте, а стили лидерства – на адхократическом, ориентированном в будущее, аспекте культуры. Соответственно, в ОУ, которые внешне похожи на *сообщества единомышленников, уважающих друг друга, вовлеченных в принятие решений и разрешение проблем на основе доверия принятым правилам жизнедеятельности, активно поощряются инициатива, индивидуальность и самобытность педагогов.* Более того, представители школьных администраций ассоциируются с личностями, которые крайне серьезно озабочены *поиском возможностей для достижения образовательных целей и сами подают пример новаторства и экспериментирования.* Систему показателей организационной эффективности респонден-

ты связывают с сугубо иерархическими ценностями типа *«плановность», «контроль», «подотчетность», «последовательность»* и *«предсказуемость»*, а стратегические цели – с инновационно-деловыми ориентациями типа *«апробация передовых педагогических технологий»* и *поиск возможностей для «возрождения национального гено типа России, т.е. учености и воспитанности», «репутация ОУ».*

Что же касается элитных учебных заведений «лицей» и «гимназия», из числа традиционных ценностей только иерархические (наряду с инновационным компонентом) существенно влияют на облик школьных организаций, выступая в качестве поддержки доминирующего в организационной культуре делового компонента. Ценности «консенсус» и «согласие», по оценкам респондентов, практически не регулируют жизнедеятельность современных лицеев и гимназий, вместе с тем, на уровне предпочтений именно эти конструкты обладают большей детерминирующей силой. Так, особое значение учителя придают *сложившимся традициям, высокой степени сплоченности, моральному климату, доверию, заботе обо всех субъектах учебно-воспитательного процесса, взаимопомощи, соучастию, интеграции на основе духовной близости (клан)* и испытывают стойкое влечение к снижению акцента на деловом и иерархическом компонентах, что серьезно сближает их с представителями иных типов школ.

Таким образом, если придерживаться понимания роли как конструкта, задающего индивиду образец для действий в конкретной ситуации [15], в том числе, организационной, появляются основания объяснять доминирующие у респондентов коммуникативные практики ориентации потенциальных и работающих учителей на традиционные ценности, а

также существенным присутствием последних в культуре организации. Так, студенческая выборка и коллективы МОУСОШ характеризуются моноидентичностью («коммуникатор»), школы с углубленным изучением отдельных предметов и элитные учебные заведения – соответственно двух («коммуникатор-завершитель») и трехчастной («коммуникатор-завершитель-реализатор») доминантой профидентичности.

Коллективам частных школ, которые поддерживают сбалансированные в ценностном отношении условия жизнедеятельности (в отличие от государственных ОУ), свойственно равноценное присутствие в основном репертуаре ролей «коммуникатора», «реализатора», «завершителя», «мотиватора» и компетенций «координатора», оптимизирующего действия иного характера. Результаты исследования также дают определенные основания полагать, что не только ведущие, но и поддерживающие доминанту профессиональные идентификации выступают своеобразной социально-психологической реакцией на вызовы организационно-культурной среды образовательного учреждения. Согласно полученным данным, лишь в эклектических и, предположительно, инновационных организациях субдоминантный уровень профидентичности образуют роли «аналитика», «исследователя ресурсов», «генератора идей», которые воплощаются соответственно в рефлексивных, поисковых и творческих действиях педагога.

Кроме того, принимая во внимание роль школы в решении задач модернизации и инновационного развития России посредством раскрытия способностей каждого ученика, воспитания порядочного и патриотичного человека, формирования личности, готовой жить в высокотехнологичном, конкурентном мире, целесообразно анализиро-

вать степень социально-психологической готовности учебных заведений и отдельных педагогов обеспечить обучающимся образование, которое соответствует требованиям времени.

Проект «Наша новая школа» [16] достаточно четко формулирует приоритетные направления деятельности отечественной системы образования, и в этом смысле конгруэнтная внешним вызовам коллективная профессиональная идентичность, конструктивные самоидентификации учителей являются необходимым гуманитарным ресурсом успешной реализации государственных образовательных приоритетов. Вместе с тем, их характеристика может быть затруднена, если осуществляется в отрыве от содержания федеральных государственных образовательных стандартов, которые наряду с культурой ОУ и социально-экономическими тенденциями выступают необходимым внешним вызовом и регулятором профессиональной идентичности.

Именно поэтому эксперты в своих оценках эффективных ПРК опираются на анализ ФГОС. Так, эксперты связывают идентичность с профессионально-ролевым комплексом, который обусловлен внутренними по отношению к педагогическому труду факторами (установками к активности, которая проявляется в корректном отношении ко всем субъектам образовательного процесса и, прежде всего, в уважении к личности ребенка, нормативном поведении и профессиональном творчестве; ценностью достижений и потребностями в самоуважении, компетентности, социальной ответственности), необходимостью «транслирования педагогами требований ФГОС в цели собственной деятельности», и выражается в доминирующих ролях «аналитика» и «исследователя ресурсов». По мнению экспертов, оценка соб-

ственной коммуникативной и управленческой состоятельности, качества преподавания, анализ успеваемости, прилежания и поведения учеников, рефлексия наиболее вероятных причин ситуаций «успеха» и «неуспеха», а также их последствий и пр. («аналитик») в современных условиях приобретают для педагогов принципиальное значение.

В качестве поддержки ведущих компетенций выступают способности педагога находить необходимые ресурсы для повышения собственной квалификации и оптимизации образовательного процесса («исследователь ресурсов»); организовывать учебно-воспитательный процесс, грамотно формулировать образовательные цели и задачи, подбирать оптимальные средства обучения, воспитания и развития учащихся, контролировать и корректировать усилия обучающихся («координатор»); актуализировать учебные мотивы («мотиватор»); творчески достигать результата («генератор идей» и «завершитель»). При этом роли «реализатора», выполняющего учебную программу и план в соответствии с требованиями устава школы, правилами внутреннего трудового распорядка, и «коммуникатора», который срабатывается, находит общий язык со всеми субъектами учебно-воспитательного процесса, выстраивает бесконфликтные «вертикальные» и «горизонтальные» коммуникации, представляются экспертам менее важными, чем поисково-творческие, мотивационно-координирующие практики исполнения.

В ходе исследования выяснилось, что реальная профессиональная идентичность учителей не повторяет эталонный профессионально-ролевой комплекс полностью, но наиболее близкой к ней по содержанию оказывается следующая иерархически упорядоченная последовательность ролей: *аналитик, координатор,*

генератор идей, завершитель, исследователь ресурсов, мотиватор, реализатор, коммуникатор. В элитных и негосударственных школах в наилучших ролях выступают около 11,5% учителей от общего числа выборки, в МОУСОШ – 3,9%, а ОУ повышенного статуса доля педагогов составляет 2,5% всей выборки. Основная часть учителей даже в элитных ОУ относят себя к категории «коммуникаторов» (компетентность которых ограничивается сферой межличностного бесконфликтного общения, а такие аспекты, как «правильное пользование системой Интернет», «компьютерная грамотность», «владение иностранными языками», «целевой имидж» остаются за пределами педагогического сознания), что проявляется в доминировании коммуникативной составляющей идентичности на уровне коллектива.

Таким образом, анализ ведущих вызовов, предъявляемых средней школе, позволяет предположить, что именно специфика организационно-культурных условий в ОУ, несмотря на дифференцированность последних, сдерживает становление эффективных коллективных и индивидуальных профессионально-ролевых комплексов. С другой стороны, наличие коллективов, обладающих множественной идентичностью, и педагогов, идентификации которых близки к эталону, целесообразно рассматривать как пример эффективного реагирования образовательной системы на запросы социального контекста и эмпирический материал, требующий более внимательного социологического анализа.

Литература

1. Шаик Дж. Как подготовить менеджера XXI века // Управленческие кадры и организационная культура. Вып. 3. М.: Проблемы теории и практики управления, 2000. С. 2-9.

2. Дынкин А., Иванова Н. Инновационная экономика: глобальные тенденции и Россия // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 5. С. 8-20.

3. Бекарев А.М. «Служебный класс»: две перспективы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3(1). С. 10-24.

4. Бекарев А.М. Когда миром правят экономические ценности // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 1(25). С. 9-12.

5. Забродин Ю.М. Психологический анализ структуры и динамики социально-экономического пространства // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Психология бизнеса: Москва-Питер». СПб.: ИМАТОН, 2003. С. 73-79.

6. Бекарев А.М., Тюленев А.И. Социальный капитал современного российского предпринимательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 12-16.

7. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 347 с.

8. Завалишина Д.Н. Модели профессионального развития человека / Профессиональная пригодность: Субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 589 с.

9. Поваренков Ю.П. Психология становления профессионала. Ярославль, 2000. 118 с.

10. Шнейдер Л.Б. Реконструкция профессиональной идентичности: структурный и динамический аспекты // Развитие личности. 2000. № 2. С. 44-68.

11. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 245 с.

12. Захарова Л.Н. Динамики социально-психологической готовности субъектов трудовой и учебной деятельности к принятию инноваций // Материалы Восьмой международной научно-практической конференции «Государственное регулирование экономики. Инновационный путь развития», 19-21 апреля 2011г. Н.Новгород, ННГУ. С. 104-106.

13. Шакурова А.В. Мотивационные детерминанты различий организационно-культурных предпочтений персонала предприятий // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. Вып. 1(3). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 67-80.

14. Шакурова А.В. Организационная культура образовательного учреждения как системный фактор формирования мотивационной готовности учащихся к трудовой деятельности: дисс... канд. социол. наук: 22.00.08. Н.Новгород, 2005.

15. Бергер П.Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 15-30.

16. Текст президентской инициативы «Наша новая школа» [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://nasha-novaya-shkola.ru/?q=node/4>. (дата обращения: 01.09.2012 г.).

НАРАЗНЫЕ ТЕМЫ

Современные локальные конфликты

Афанасьев В. В.

В статье анализируются особенности современных локальных конфликтов, которые все меньше напоминают традиционные войны между государствами. Одной из причин современных локальных конфликтов является удешевление вооружений и «приватизация», когда главными участниками все чаще становятся не государства, а частные фирмы или народное ополчение.

Ключевые слова: конфликты, война, империи.

Afanasjev V.V.

The modern local conflicts

The paper analyzes the characteristics of the local conflicts that are less like traditional wars between states. One reason for the recent local conflicts is the cheapening of arms and «privatization» when the main actors are increasingly not the state, and private firms or militia.

Key words: conflicts, war, empire.

В последние десятилетия войны меняют свои традиционные формы. Классическая война национальных государств, которая была определяющей в XX веке, становится исторически устаревшей моделью. Государства потеряли монополию на ведение войны, когда появилось много новых негосударственных актеров, будь то местные вожди, партизанские группы или специализирующиеся на ведении войны частные фирмы, сдающие в аренду солдат и выполняющие целые военные операции. Важную роль начинают играть и международные террористические сети, способные мобилизовать большое количество своих сторонников.

Многие из этих новых актеров занимаются войной на постоянной основе как основным бизнесом. Они рассчитывают свои доходы и расходы, способны сами находить необходимые им для ведения войны материальные ресурсы и финансовые средства, которые часто собираются с богатых клиентов, государств, этнических и религиозных общин. Они продают лицензии на добычу и разведку природных ресурсов на контролируемой ими территории, занимаются продажей наркотиков или

торговлей людьми. Они забирают себе помощь международных организаций, контролируя лагеря беженцев или подступы к ним. Таким образом, они в состоянии финансировать войны, используя несколько иные источники, чем традиционные государства. Изменившиеся формы финансирования современных военных конфликтов привели к тому, что войны могут длиться в течение десятилетий, не имея при этом четкого начала и окончания, как это было раньше в традиционных войнах, после заключения соответствующих договоров.

Можно ли современные локальные конфликты называть по-старому «войной». В связи с потерей монополии государств на войну, ее контуры размываются. Война часто стала сопровождаться организованной преступностью. Иногда трудно отделить большие криминальные организации от остатков бывшей армии, от вооруженных банд самопровозглашенных командиров, которые наживаются разбоем и торговлей запрещенными товарами. Может быть, правильнее было бы называть просто «эскалацией насилия»? Ответить на эти вопросы позволяет более широкий исторический взгляд на современную мировую политику.

Сегодня ясно просматривается уменьшение доли участия различных государственных структур в локальных войнах. Дело в том, что в Европе на протяжении трехсот лет государства добивались монополии на ведение войны. Сейчас происходит обратный процесс, и войны все чаще приобретают частный характер, становясь конфликтами между отдельными кланами, группировками, этническими или религиозными общинами, не связанными непосредственно с какими бы то ни было государственными структурами.

Государство в XXI веке потеряло монополию на ведение войны. Во

многих современных войнах мы можем видеть смесь государственных, псевдогосударственных и частных актеров. Обязательным стало наличие множества группировок, которые находят в ведении боевых действий свою выгоду и поэтому не стремятся к миру. Войны в Африке, в Югославии, на Кавказе и в Афганистане – все они напоминают тридцатилетнюю войну больше¹, чем войны между государствами в XX веке.

Особенности современных локальных конфликтов

Особенностями современных военных конфликтов является:

- наличие множества актеров;
- большая длительность;
- несимметричность противостояния, неравность участников конфликтов;
- большие жертвы среди гражданского населения;
- криминальная теневая экономика;
- удешевление средств ведения войны;
- отсутствие конкретной локализации и крупных сражений;
- тактика изматывающей партизанской войны;
- рост значения этнических и религиозных факторов;
- уменьшение роли традиционных идеологий;
- привлечение детей в качестве солдат;
- большое количество сексуальных преступлений;

Субъектами современных локальных конфликтов часто выступают *частные актеры*, что стало возможным благодаря удешевлению вооружения. Легкое оружие можно приобрести достаточно дешево, также обучение не требует длительного времени.

Другая особенность современных войн состоит в их *нессимметрично-*

ти, то есть военные действия ведутся неодинаковыми участниками конфликта. Фронт как таковой отсутствует и крупные сражения очень редки. При этом войска не несут больших потерь, а основной удар направлен против гражданского населения. Нессимметричность приводит к тому, что тактические приемы начинают получать стратегическое значение. Большое значение начинает приобретать партизанская война.

В качестве важной особенности современных войн можно отметить отсутствие конкретной локализации. Регулярные армии часто теряют контроль за происходящим, поскольку повстанцы не стремятся к открытым рыцарским поединкам, а атакуют небольшими группами внезапно из засад.

Нельзя недооценивать значение идеологических факторов, однако *этнические и культурные особенности*, как и *религиозные убеждения* играют в современных конфликтах все более важную роль. Войны на Балканах, Кавказе и Афганистане были бы другими или вообще бы не состоялись, если бы там не было этнических противоречий и противостоящих друг другу религиозных групп. Эти противоречия и противостояние дают возможность для конфликтующих сторон мобилизовать местное население и находить финансовую и другую поддержку. Это происходит еще и потому, что другие источники мотивации и легитимации применения насилия, которые имели место в традиционных войнах, становятся сегодня более второстепенными.

Леворадикальная марксистская идеология, которая раньше играла важную роль, особенно в условиях бедности и разрухи, сегодня находит все меньше приверженцев. Вопросы несправедливого распределения национальных богатств и бедности являются важным фактором и в совре-

менных военных конфликтах, но, как правило, распространение бедности не ведет автоматически к росту военной активности. Завершение конфликта часто не означает политической стабильности и экономического развития, а разрушенные гражданской войной и военными конфликтами регионы обычно не могут самостоятельно, без помощи извне, начать восстановление хозяйства.

Почти все современные локальные войны проходят на границах бывших империй, которые на протяжении столетий господствовали в мире. Так балканские войны, вызванные распадом Югославии, возникли на границе между бывшей Империей Габсбургов и Османской Империей. Аналогичная ситуация складывается и на Кавказе, который является пограничным регионом между бывшей Российской Империей и Османской Империей. Проживающие здесь горные народы России всегда с большим трудом удавалось контролировать. Окончательный распад Османской Империи в результате Первой мировой войны, способствовал появлению военных конфликтов не только на Балканах и Кавказе, но и на Ближнем Востоке и в Палестине.

То же самое можно сказать и об Афганистане, который, начиная с XIX века, являлся зоной, где столкнулись интересы Российской и Британской Империй, господствовавшей в Индии. Ввод российских войск в Афганистан в конце прошлого века и поддержка Западом исламского движения Талибан привели к многолетней войне, в результате которой государственные структуры Афганистана практически перестали существовать. Эту ситуацию использовал Пакистан, хотевший превратить Афганистан в плацдарм для борьбы с Индией. Конфликт между Индией и Пакистаном в свою очередь также связан с распадом Британской Империи.

В возникших после распада Советского Союза новых государствах наблюдаются большие проблемы обеспечения стабильности и безопасности. Новым элитам здесь не хватает интегративности и способности побороть коррупцию. Отсутствие правильной работы государственного аппарата ведет к формированию двух классов – сверхнищих и сверхбогатых. Социальная пропасть между ними способствует расколу общества и обострению социальной напряженности. Если в стране есть важные природные ресурсы, то обостряется борьба за контроль над ними, вплоть до физического насилия и уничтожения конкурентов².

Другим фактором возникновения современных локальных конфликтов является наличие за рубежом богатых конфессиональных или этических общин, способных финансировать такие войны. Как правило, они встают на сторону представителей своей концессии или национальности и стремятся обеспечить ей привилегированное положение.

Что касается длительности, то современные локальные войны отличаются от традиционных тем, что они могут длиться продолжительный период времени. До XX века государства стремились быстрее завершить конфликт и искали решающего сражения, который служил одновременно поводом для заключения мирного договора. Принцип концентрации военных сил в пространстве и времени часто использовался Наполеоном. Война объявлялась по определенным правилам и по правилам заканчивалась, поэтому по времени она была всегда ограничена объявлением войны и заключением мира. Однако, начиная с Первой мировой войны и особенно во время Второй мировой войны эти правила часто нарушались.

Участниками традиционных войн были главным образом солдаты, ко-

торые подчинялись определенному военному уставу и международным нормам. Сегодня, поскольку часто не существует правовых актов о начале и завершении войны, то возникает некое промежуточное состояние между войной и миром. В военные конфликты вовлекается все большее количество гражданского населения под видом различного рода «повстанцев», банд и народного ополчения.

В современных локальных конфликтах старый принцип концентрации военных сил поменялся на принцип рассредоточения в пространстве и времени, что делает их похожими на партизанские войны. Утрачивается и наличие четкой линии фронта, что позволяет проводить бои в различных местах, избегая крупных сражений, поскольку часто войска не предназначены для ведения таких войн. Боевые отряды в этих условиях готовы вести войну длительно, применяя тактику изматывания сил превосходящего по вооружению и численности противника. Благодаря такой тактике немногочисленные вооруженные формирования могут нанести значительный ущерб. При этом существует заинтересованность участников в затягивании конфликта. У такого затянувшегося конфликта иногда даже теряются признаки войны, но она может в любой момент снова начаться, пока существует ее экономическая основа. Благоприятными экономическими условиями для продолжения локальных конфликтов может стать высокая безработица, большая зависимость от импорта товаров, слабое управление экономикой. Четкие временные рамки традиционных войн позволяли экономике перестраиваться на мирные рельсы как только заключались мирные договоры, что в случае вялотекущих локальных конфликтов практически невозможно.

Для современных локальных войн характерно то, что часто завершению

конфликта мешает небольшая партия, которая не заинтересована в завершении конфликта. Поскольку в локальных конфликтах участвуют, как правило, несколько актеров, то и мир возможен только в том случае, если все участники будут согласны с условиями перемирия. Примирение в этих случаях возможно только когда имеется некая сила, обладающая достаточными военными и финансовыми ресурсами, чтобы принудить всех к миру. Неудивительно, что в таких условиях переговоры часто не приносят желаемого результата.

В условиях традиционных войн в XX веке около 90% потерь было связано с участниками боевых действий. В современных локальных конфликтах около 80 % погибших и раненых приходится на гражданское население. Эти цифры ясно иллюстрируют изменение соотношения потерь гражданских и военных во время военных конфликтов, поскольку насилие в современных войнах направлено главным образом против гражданского населения. Например, во время так называемых «этнических чисток» целенаправленно уничтожаются все представители какого-либо этноса, этнической или религиозной группы.

В течение конфликта часть населения приспособляется к новым условиям и находят свое место в распределении труда. Некоторым наиболее успешным участникам военных конфликтов удается получить чужую недвижимость или финансовые средства не только грабежом и разбоями, но и использованием рабского труда. В результате локальных конфликтов складываются целые отрасли теневой экономики, поэтому часто участники конфликтов заинтересованы в продолжении войны.

Вместо крупных сражений проводятся ужасные массовые убийства для запугивания населения и их полного подчинения своей воле. Экономика грабежа основана на постоян-

ном создании атмосферы страха за свою жизнь. Вооруженные люди постоянно запугивают небооруженных, что ведет отчасти к потере дисциплины в боевых отрядах. Солдаты превращаются в мародеров, поскольку в таких условиях они не подчиняются законам и уставу. Это же создает почву и для сексуальных преступлений, которые иногда принимают форму систематического изнасилования для изменения генофонда. Часто мародеры издеваются над трупами и отрезают части тела, которые рассматривают как военные трофеи.

На фоне разрухи часто возникает голод и эпидемии. Не случайно в средневековой Европе война означала голод и чуму. Те, у кого нет оружия, как правило, не могут себе достать еды, а в переполненных лагерях беженцев возникают различные эпидемии. Особенно страдают от этого маленькие дети и старики, реальное число которых даже не всегда учитывается в статистике погибших. Иногда голод образуется в результате международного эмбарго, который должен стать средством политического давления на власть.

Таким образом, в отличие от традиционных войн в локальных конфликтах мы сталкиваемся с большим количеством беженцев, голодом и эпидемиями, которые бьют прежде всего по незащищенным частям гражданского населения. Часто невозможно отличить участников конфликтов от гражданского населения, нечетко определены и цели войны.

Локальные войны имеют тенденцию расползаться на соседние регионы и становятся тем самым интернациональными. Часто их участники имеют связи с международной преступностью, по каналам которой идет не только торговля запрещенными товарами, но и поставки вооружений. Все это сближает участников локальных конфликтов с организованной преступностью. Отсутствие

правопорядка размывает и границы преступлений, что выгодно для интересов отдельных групп. Некоторые военизированные группы представляют собой паравоенные образования, часто носят униформу, но не являются солдатами. Также часть военных командиров, участвующих в конфликте могут использовать отсутствие контроля ситуации в своих частных интересах, так что гражданское население становится жертвой не только преступников, но морализирующих солдат или паравоенных групп, не имеющих отношения к армии. Во время подобных ситуаций особенно ощущается отсутствие государственных учреждений, которые имеют монополию на насилие и не позволяют одним гражданам применять насилие по отношению к другим гражданам по своему произволу.

Отсутствие монополии государства, участие негосударственных и частных актеров в современных локальных конфликтах порождает новые отрасли в «военной» экономике, которые призваны обеспечить деньгами и всем необходимым воюющие группировки. Появляются предприниматели и фирмы, которые начинают специализироваться на войне как средстве получения денег. Так они могут заниматься подготовкой солдат, которых потом сдают в «аренду». Транспортные услуги могут предоставляться фирмами, доставляющими для воюющих сторон провиант, топливо и другие товары и даже вооружение. Эти фирмы, находящиеся в частном владении, иногда прикрываясь идеологическими лозунгами, собирают товары, полученные в результате разбоя и мародерства. В результате часть военных акций проводятся не для борьбы с противником, для грабежа населения, чтобы получить необходимые для войны финансовые средства.

Благодаря ситуации, напоминающей гражданскую войну, некоторым

индивидам удается приобрести такое богатство, о котором в мирных условиях они не могли бы мечтать. Наличие при себе оружия гарантирует не только свою безопасность, но и возможность грабить безоружных. За счет войны в основном наживаются полевые командиры, локальные криминальные дельцы и международные фирмы, организующие поставки оружия. Некоторые из них, получив контроль над определенными областями, начинают изображать государственную власть, для получения международного признания и международной поддержки. Это признание дает им возможность выхода на международные рынки и шанс перевести награбленные средства за границу, поскольку ими могут завладеть представители других группировок. Псевдогосударственность отдельных военных командиров не означает, что они стремятся восстановить государственный порядок, она позволяет легче эксплуатировать ресурсы страны и местное население.

Войны в условиях мировой империи

Дело в том, что после 11 сентября 2001 мы имеем дело с американской мировой империей, которая борется со старыми национальными государствами - основной формой политического единства на предшествующей стадии исторического развития, соответствующей эпохе политического господства буржуазии. Если рассмотреть историю Европы как поочередное господство следующих четырех классов или сословий (духовенства, дворянства, буржуазии и городской массы), то можно говорить и о смене четырех исторических *форм политических единств* и соответствующих им основных форм ведения войн.

Религиозные империи распадаются на части - отдельные нацио-

Рис. 1

нальные государства, которые в своем развитии проходят две стадии: *монархию и республику*, что можно условно считать господством военной аристократии и буржуазии. В этот период основными актерами международной политики становятся *национальные государства*. Эпохе цивилизации, т.е. эпохе господства городских масс, соответствует формирование на развалинах бывших национальных государств *мировой империи* (см. рис. 1).³

Сегодня в Америке, да и в других странах мира, власть захватили «массы», то есть так называемое «четвертое сословие». Но сказать «массы», значит, ничего не сказать. На самом деле речь идет о политическом господстве городского пролетариата, который не склонен больше работать, а хочет наслаждаться за чужой счет и для этого, как говорится, «все средства хороши».

Поскольку старые национальные государства по сравнению с «одинокой сверхдержавой» несравненно малы и ассиметричны по всему во-

енному потенциалу, то Америка прибегает к тактике организации «гражданской войны» для свержения любой неугодной политической элиты. Эта тактика ведения войны была отработана до мелочей в XX веке, а сегодня становится еще и намного дешевле благодаря распространению информационных технологий. В то же время «открытое» или традиционное ведение войны связано с огромными военными расходами и людскими потерями, с которыми не справляются уже не только отдельные государства, но и целые их коалиции.

На примере войны в Косово хорошо виден новый этап в международных отношениях, когда принцип суверенитета национального государства на своей территории уступает место другим более абстрактным принципам. Для мирового сообщества, интересы которого представляет сегодня США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека.

Существующий в современной международной практике принцип суверенного национального государства сложился не случайно, а на протяжении столетий войн и конфликтов. С другой стороны, принцип прав человека по сравнению с принципом территориального суверенитета очень абстрактен, то есть различные группы, отдельные лица, организации трактуют его по-разному, но всегда в своих интересах⁴. Именно поэтому сделать этот принцип реальным инструментом международной политики очень сложно, если вообще возможно. Однако сегодня часто предлагают передать часть функций государств мировому правительству⁵.

Во время нападения на Югославию НАТО впервые оперировало гуманистическими ценностями как более важными в международных отношениях, чем традиционные ценности территориальной целостности и суверенитета государства. Тем самым поставлены под сомнение принципы мирного сосуществования стран. Невольно появляется вопрос: что важнее – абстрактные гуманитарные ценности и права человека или жизни миллионов людей, которые могут стать жертвой новой мировой войны?

Некоторые исследователи полагают, что роль ООН вполне может заменить НАТО, если в него войдут все европейские страны, за исключением России. Попытки представить НАТО в качестве мирового миротворца сомнительны уже потому, что эта организация отражает интересы не всего мира, а стран атлантического (евро-американского) региона против всего остального мира. С такой натяжкой можно согласиться только лишь в том случае, если считать, что эти страны несут миру особую цивилизаторскую миссию. Например, если эта миссия состоит в распространении по всему миру цен-

ностей свободы, демократии, прав человека.

Интересы политической элиты не всегда согласуются с интересами народа. Современные политические элиты часто опираются не на народ, а на кредиты Запада. Без этих кредитов элиты не могут существовать. Осознавая свою зависимость от Запада элиты всегда готовы служить интересам западных стран, а действуют против интересов своего народа, что ведет к пропасти между демократическими элитами и народом. В определенный момент элиты не находят никакой политической поддержки внутри страны и вынуждены бежать за границу. Но сильные СМИ способны укрепить их позиции у власти. Вопрос состоит в том, насколько хватит денег для финансирования дорогостоящих демократических элит и современных СМИ?

Заостряя некоторые проблемы, хотелось бы обратить внимание на возможные последствия дебатов о правах человека. При этом за политическими правами теряется основное право человека на жизнь, ибо в войнах XX века были уничтожены миллионы людей, миллионы были насильственно переселены. К сожалению, человечество не научилось делать выводы из ужасных уроков истории.

В последнее время американцы и их союзники для достижения своих политических целей все чаще поддерживают деструктивные силы (например, курдов, хотя они выступают под коммунистическим флагом, моджахедов, хотя они выступают под агрессивными исламскими лозунгами). Поддержка экстремистских политических сил призвана спровоцировать политический кризис внутри страны и хроническую гражданскую войну, а ослабленным внутренними проблемами странам легче диктовать свои условия и принуждать к непопулярным мерам и решениям,

которые служат интересам метрополий.

В истории современных локальных конфликтов заметна одна черта: мировое сообщество часто встает на защиту тех сил, которые в своих агрессивных устремлениях готовы разрушить существующее положение вещей. Создается впечатление, что Запад хочет разрушить сложившийся после Второй мировой войны миропорядок. Изменение этого ставшего «старым» миропорядка чревато возникновением новых войн. Тот, кто утверждает об «устарелости» сложившегося международного права, видимо, готов положить на алтарь новой войны миллионы невинных жертв.

Ссылки:

1 Современные локальные военные конфликты во многом похожи на тридцатилетнюю войну в Европе.

2 Возможность обогащения чаще становится источником военных конфликтов, чем общая бедность населения.

3 Афанасьев В.В. Историческая социология. М.: КДУ, 2009. С. 159-160.

4 Когда речь идет о соблюдении прав человека, то обычно обращают внимание на события в неевропейских странах, в то же время некоторые вопросы с этой точки зрения вызывает практика высылки за пределы ЕС нелегальных эмигрантов, напоминающая этнические чистки, как и смертная казнь, применяемая в некоторых американских штатах.

5 Одна из точек зрения видит в качестве мирового правительства модифицированное ООН через отмену права вето в Совете Безопасности и усиление всевозможных санкций.

Отражение экологических проблем в СМИ (на примере двух экологических катастроф)

Бондарев В.П., Кирилюк О.В.

В статье рассмотрены возможности и ограничения экологической журналистики как средства формирования экологического сознания и культуры. Проблема анализируется на примере крупных экологических катастроф современности: разлив нефти в Мексиканском заливе (2010) и цунами у берегов Японии (2011). Интерес сконцентрирован на специфике преподнесения соответствующих событий СМИ. Проведено исследование обсуждаемых сфер общественной жизни и их структура.

Ключевые слова: экологические проблемы, экологическая катастрофа, экологическая журналистика, СМИ, формирование повестки дня.

Bondarev V.P., Kirilyuk O.V.

Coverage of the ecological disasters in mass media (the case of two ecological disasters)

The paper is dedicated to the potential and limitations of the environmental journalism as a means of developing the ecological awareness and culture. The problem is examined through the example of the latest large-scale ecological disasters: the oil spill in the Gulf of Mexico (2010) and the tsunami off the coast of Japan (2011). The article is focused on the way of coverage of the disasters in mass media. The structure and the major social domains of this discussion are analyzed in the article.

Key words: environmental problems, ecological disaster, environmental journalism, mass media shaping the agenda

Во второй половине XX – начале XXI веков проблема ухудшения качества окружающей среды обострилась настолько, что вышла за рамки академических споров. Население все в большей степени проявляет интерес к экологической проблематике, т.к. она влияет на повседневные общественные практики. Возникает потребность населения в общедоступных каналах получения экологической информации. В связи с этим активно развивается экологическая журналистика. В статье предлагается на примере двух экологических катастроф рассмотреть возможности и ограничения экологической журналистики, как коммуникативного канала, в области освещения экологических проблем современности.

Экологические катастрофы современности

Под экологическим кризисом, как правило, понимают нарушение экологического равновесия в природных живых системах [1]. Обычно выделяют глобальный, региональный и локальный уровень экологических катастроф. Современный глобальный экологический кризис, при котором происходит переход биосфе-

ры в состояние непригодное для жизни человека, не имеет аналогов в истории общества ни по масштабам, ни по динамике, т.к. под угрозой уничтожения оказалась биосфера в целом. В настоящее время считается, что пока этот кризис носит обратимый характер, однако, если чрезмерная нагрузка на биосферу не будет снята, то кризис перейдет в глобальную экологическую катастрофу с необратимыми изменениями состояния окружающей среды. К наиболее крупным признакам надвигающейся экологической катастрофы относят истончение озонового слоя в атмосфере, резкие изменения глобального климата Земли, деградация ледников в Антарктиде и высокогорных зонах, значительное сокращение биоразнообразия планеты и т.д. В тоже время, если все еще идут споры по поводу того, случится ли глобальная катастрофа или нет, и как скоро это может произойти, то наличие регулярных экологических катастроф регионального и локального масштаба – свершившийся факт. По причинам возникновения экологические катастрофы можно разделить на природные, техногенные и смешанные. Природные катастрофы вызваны естественными причинами. Вероятно, наиболее значительной глобальной экологической катастрофой природного характера за историческое время можно признать существенное похолодание, приведшее к Великому переселению народов в IV-VII вв. К региональным и локальным экологическим катастрофам, приведшим к социальным последствиям, можно отнести извержения вулканов, землетрясения, цунами, засухи, наводнения и т.д. Так, сильнейшее по своим катастрофическим последствиям землетрясение, повлекшее за собой цунами, было зафиксировано в Индийском океане 26 декабря 2004 г., когда погибло более 230 000 человек, затро-

нуло экономики 14 странах. Сильнее всех пострадало население Индонезия, Шри-Ланка, Индия и Таиланд.

Довольно большой резонанс обычно вызывают техногенные экологические катастрофы, где триггером выступает «человеческий фактор» – нерациональное природопользование, ошибки в организации хозяйственной деятельности, аварии на предприятиях и т.д. Примерами крупных катастроф такого рода, могут быть: массовое отравление ртутью в провинции Онтарио (Канада), связанное с нелегальными выбросами в водоемы промышленных химических отходов (1970); авария на химическом заводе в Севезо (Италия), в результате которого в атмосферу вырвалось высокотоксичное облако диоксида (1976); выброс цианистых соединений в Бхопале (Индия), считается крупнейшим по числу жертв экологической катастрофой (1984); Чернобыльская катастрофа (СССР), с радиационным загрязнением обширных территорий Украины, Белоруссии и России (1986); сброс иракской армией нефти и ее поджог в Персидском заливе во время войны, при этом тушение заняло многие месяцы (1991); прорыв дамбы на заводе по производству алюминия (Венгрия), в результате чего в бассейн р. Дунай произошел массовый сброс высокотоксичного вещества («красного шлама») (2010); авария нефтяной платформы в Мексиканском заливе, приведшая к гибели людей и животных, а также резкому ухудшению экологической обстановки в целом в результате взрыва, пожара и разлива нефти (2010).

К экологическим катастрофам смешанного генезиса можно отнести такие, которые имеют первичный природный триггер, который приводит не только к гибели населения и ухудшению качества окружающей среды, но и провоцирует техногенную аварию, также способствующую

развитию еще одного спектра экологических проблем в регионе. Классическим примером такого рода катастроф является разрушение АЭС Фукусима I (Япония) в результате цунами, приведшее к заражению прилегающих территорий радиацией (2011).

Как видно из вышесказанного, география событий крайне разнообразна. Они происходят как в развивающихся, так и в развитых странах. Предупреждение и минимизация последствий экологических катастроф крайне сложна. Природные причины экологических катастроф чаще всего плохо прогнозируемы. Так, несмотря на огромные усилия по изучению землетрясений, крайне сложно предсказать заранее их точное время и интенсивность. Редко удается с достаточной степенью точности предсказать длительные засухи, наводнения и другие погодные явления, несмотря на существование многочисленных метеорологических служб. С другой стороны, антропогенные причины экологических катастроф связаны с неизбежными ошибками в человеческой деятельности, усложнением технических устройств, повышением плотности промышленных и жилых застроек. Следовательно, рассчитывать на то, что количество и масштабы экологических катастроф уменьшатся, не приходится. В таком случае, целесообразно сконцентрировать внимание на формировании адекватного восприятия и готовности каждого человека и общества в целом к наступлению и преодолению негативных социальных следствий от такого рода катастроф.

Экологическая журналистика и ее роль в экологизации общества

Угроза глобального экологического кризиса привела к усилению экологической ориентации научной и хозяйственной деятельности человека. Экологизация затронула прак-

тически все главные общественные теории и практики. И в настоящее время можно говорить о формировании специфической экологической культуры как системы средств человеческой деятельности, благодаря которой программируется, стимулируется и реализуется активность индивида, социальных групп и общества в целом в их взаимодействии с природой. При этом в процессе развития общества и создания все более мощных и повсеместных средств воздействия на окружающую среду, степень ответственности каждого человека и социальных групп различного размера за состояние природы и рациональное использование природных ресурсов возрастает многократно [2-6].

Для современной культуры характерно, что проблема взаимодействия общества с окружающей средой, ухудшение среды обитания, ограниченное количество природных ресурсов, быстрый рост населения стали беспокоить не только ученых, профессионально занимающихся этим, но и политиков различного уровня, активистов общественных движений и т.д. На этом фоне формируются инвайронментальные теории, формат которых выходит за рамки строго научных концепций, а имеющие политическую, идеологическую и другие составляющие. В их рамках общество старается осмыслить происходящее и предложить собственные методы выхода из сложившейся ситуации, которые бы способствовали стабилизации положения и решению экологических проблем [7-9].

Развитие экологической культуры общества реализуется через систему экологического образования, воспитания и информирования. Современные средства коммуникации имеют в этом контексте большой потенциал, создающий условия для развития культурной общности чело-

вещества. Глобальная озабоченность безопасностью своего существования может оказаться предпосылкой нового культурного синтеза, где самобытное и универсальное, национальное и общечеловеческое будут сочетаться на основе экологической культуры, которая будет опираться на средства массовой экологической коммуникации. Именно в этом контексте формируется экологическая журналистика – сфера журналистской деятельности, направленная на профессиональное освещение экологических проблем и являющаяся одним из инструментов их решений на глобальном, региональном и локальном уровнях [10-12].

Принято считать, что с переходом экологической проблематики из специализированной научной в социальную сферу, значение экологической журналистики существенно возросло. В большинстве развитых стран мира это произошло в конце 1960-х гг. В бывшем СССР экологические проблемы, как правило, игнорировались по экономическим и идеологическим причинам, поэтому развитие экологической журналистики запаздывало. Всплеск интереса к этой отрасли журналистики произошел в конце 1980-х гг. вследствие политических преобразований того времени. При этом, особенно сильным триггером послужила Чернобыльская экологическая катастрофа.

В настоящее время регулярные сообщения СМИ на экологическую тематику стал довольно обычным явлением. Они имеют всплески, связанные с информационными поводами, а также проявлением конкретных природных явлений или политических событий, приуроченных к решению экологических проблем. Благодаря СМИ, экологическая политика приобрела видимые контуры и играет значительную роль в таких высокоразвитых странах, как Германия, Голландия, Скандинавские страны.

СМИ являются важным источником информации для политиков, должностных лиц, государственных структур, деятелей общественных организаций, рядовых граждан, формируя их отношение к экологической проблематике.

Зачастую успех понимания и решения экологических проблем зависит от подачи их в прессе. СМИ должны взять на себя ответственность за формирование экологического сознания и повышение культуры. При этом, еще в 80-х гг. XX в. ООН критиковала СМИ за освещение экологических проблем, ориентированное на сенсации и носящее событийный характер, за зависимость от политических и других официальных сообщений, не критичное и поверхностное предоставление информации, трудности в интерпретации научных сообщений и т.д. Часто можно видеть, что специфическая подача информации в СМИ может приводить к преувеличению значимости одной тематики и полному игнорированию другой [10-12].

В таком случае, возникает вопрос объективности, адекватности и специфике информации об экологических проблемах, получаемой нами из различных СМИ. Для выявления особенностей отражения экологических проблем проанализируем и сравним публикации в СМИ о двух крупных экологических катастрофах, как информационных поводах, которые простимулировали всплеск интереса к экологическим проблемам. Для рассмотрения были выбраны авария нефтяной платформы в Мексиканском заливе, произошедшая в 2010 г., а также разрушение в результате цунами АЭС Фукусима I, случившееся в 2011 г. Эти события, с одной стороны, произошли с небольшим интервалом, а с другой – они наиболее близки к нам по времени, являясь, при этом, экологически масштабными катастрофами, вызвавшими

ми мощный общественный резонанс и реакцию СМИ.

Экологическая катастрофа в Мексиканском заливе

20 апреля 2010 г. в Мексиканском заливе произошла авария на нефтяной платформе Deepwater Horizon в 80 км от побережья штата Луизиана (США). В результате аварии произошел разлив нефти, который продолжался 152 дня, за это время из скважины вытекло примерно 5 миллионов баррелей нефти [13]. При взрыве погибло 11 человек, катастрофа пагубно повлияла на состояние окружающей среды, а также имела серьезные социальные последствия.

У многих местных жителей обнаружались и усугубились проблемы со здоровьем: сыпь, кровотечения из ушей и носа, рвота, усиление приступов астмы. Загрязнение привело к массовой гибели морских обитателей – рыб, устриц, креветок. В результате жители прибрежной зоны, занимающиеся ловлей морепродуктов, потеряли огромные убытки, многие оказались на грани банкротства. Побережье Луизианы всегда славилось своими морепродуктами, но из-за нефтяного разлива получило репутацию «грязного залива», поэтому, даже когда экосистема восстановится, у поставщиков морепродуктов из этого региона не будет таких же прибылей, как раньше. К тому же, в регион приезжало множество туристов – любителей рыбной ловли и пляжного отдыха, поэтому турбизнес также потерпел убытки. Из-за убытков многим работодателям пришлось уволить своих сотрудников, что обострило проблему безработицы.

Ситуация также осложняется из-за особенностей образа жизни в пострадавших районах. На прибрежной территории находится множество небольших рыбацких городков и деревень. В таких традиционных общинах серьезные изменения вызывают

большой стресс. Многие рыбаки, владельцы ресторанов рыбной кухни и семейных отелей получили этот бизнес в наследство, их семьи занимались рыбным промыслом многие поколения, они родились и выросли в этой местности и привыкли к определенному образу жизни. «Я прожила здесь всю жизнь, и это просто наш уклад», говорит местная жительница. Несмотря на ужас того, что случилось с ее общиной, и на сильнейший ущерб, нанесенный рыбному промыслу, она все же отметила, что этот регион не может существовать без нефтедобычи: «Нам она нужна, а то придется ходить пешком». Нефтедобыча – одна из основных отраслей региона, многие местные жители работают в этой индустрии, поэтому они не могут протестовать против использования нефти [14].

Побережье уже подвергалось серьезной катастрофе – в 2005 г. ураган Катрина разрушил дома многих жителей региона, некоторые пострадавшие от разлива нефти пережили обе катастрофы, им уже второй раз пришлось начинать жизнь сначала. Безусловно, такие жизненные потрясения влияют не только на экономическое положение, но и на психологическое состояние, а также на идентичность.

Ущерб от разлива нефти затронул все группы населения прибрежных территорий, тем не менее, некоторые группы оказались в худшем положении по сравнению с другими. Так, представители этнических меньшинств, и прежде чувствовавшие отчуждение, снова оказываются в маргинальном состоянии. Особенно это касается рыбаков из Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, которые плохо говорят по-английски, что усугубляет их отдаление от других групп [15].

Несмотря на то, что многие пострадавшие подали в суд на BP и получили компенсацию, их будущее благосостояние остается под вопросом

– спрос на их товар нескоро вернется к прежним показателям. Судебные тяжбы отнимают много времени и сил, в результате даже те, кто получил компенсацию, испытывают стресс и недовольство. Многие пострадавшие изменили свое отношение к федеральному правительству, когда почувствовали, что оно не может или не считает нужным прийти им на помощь и защитить их от ущерба. Это, безусловно, сказалось на их национальной идентичности.

Социальные и психологические последствия аварии могут иметь долгосрочный характер. Они сравнимы с изученными последствиями аварии танкера Эксон Вальдез на побережье Аляски в 1989 г., когда отмечалось распространение депрессии, волнения, посттравматического стресса, что, в свою очередь, приводило к домашнему насилию, алкоголизму и наркомании, наряду с высоким давлением, астмой и проблемами с сердцем. Волнение и раздражение связано с недостатком стабильности и контроля над ситуацией. Последствия сильнее всего затрагивают незащищенные группы населения – низкоквалифицированных рабочих, мигрантов, детей. Исходя из того, что последствия аварии на Аляске ощущаются до сих пор, можно прогнозировать, что ситуация в Мексиканском заливе также будет влиять на жизнь людей в течение десятилетий [16].

В июне 2010 г. Институт Гэллага провел опрос населения США, чтобы выяснить, как оцениваются темпы восстановления экосистемы в заливе [17]. При этом 49% опрошенных считают, что пляжи залива никогда не будут полностью восстановлены, даже по прошествии более 10 лет. Более того, 59% респондентов ответили, что нормальное состояние живой природы также никогда не будет восстановлено. Также, при вопросе об экономических последстви-

ях аварии, 83% согласились, что пострадает экономика США, 79% ждут роста цен на бензин, 79% опасаются роста цен на продукты питания. Таким образом, большинство американцев оценивают последствия утечки нефти как крайне тяжелые и не ожидают скорого восстановления ситуации.

Также Институтом Гэллага был проведен опрос об эмоциональном состоянии жителей пострадавших территорий до и после разлива нефти [18]. Выяснилось, что после аварии индекс эмоционального здоровья (показатель, в который входит уровень стресса, волнения, грусти, депрессии и др.) у жителей прибрежных районов упал на 1,8 баллов, в то время как у жителей внутренних территорий пострадавших штатов он вырос на 0,1 балл, у жителей других штатов он поднялся на 0,3 балла. Таким образом, опрос показал, что разлив нефти негативно сказался на эмоциональном здоровье жителей непосредственно затронутых территорий, не повлияв на остальных жителей. Это довольно естественно, тем не менее, результаты показывают, что люди, которые лично не пострадали от аварии, не переживают по поводу последствий, напротив, их эмоциональное состояние улучшилось. Таким образом, можно предположить, что пострадавшие остались со своими проблемами в одиночестве, не в состоянии рассчитывать на сострадание жителей остальных регионов.

Экологическая катастрофа в Японии

Японская экологическая катастрофа совмещает в себе как природные, так и антропогенные факторы, что наиболее ярко иллюстрирует современный экологический кризис.

11 марта 2011 г. в японском регионе Тохоку произошло землетрясение магнитудой 9.0 [19], которое

вызвало сильное цунами в Тихом океане, что, в свою очередь, привело к аварии на АЭС «Фукусима-1». В соответствии с Докладом японской государственной полиции, во время землетрясения погибли 15854 человека, около шести тысяч получили ранения, более трех тысяч – пропали без вести [20].

Непосредственно после катастрофы в Городском Университете Хиросимы были проведены исследования социальные последствия катастрофы в Японии, в частности маргинализацию пострадавших и изменение динамики отношений в их семьях [21]. Р. Джейкобс подчеркивает, что социальные «осадки» не менее губительны, чем радиоактивные: «Радиация уже оказывает разрушительное воздействие на местную экосистему... Но существует и другой вид влияния, такой же невидимый, как радиация, с которой предстоит бороться жителям северной Японии: социальные и культурные осадки радиоактивного облучения». Так, показатели самоубийств в Японии, и до этого находившиеся среди самых высоких в мире, возросли еще больше [21]. Сравнение социальных групп, пострадавших от радиации в результате аварии на АЭС «Фукусима-1» с аналогичными ситуациями в Хиросиме, Нагасаки и Микронезии, был составлен прогноз будущей судьбы беженцев. Можно с большой долей вероятности утверждать, что многие жители, эвакуированные из окрестностей электростанции, никогда не вернутся домой. Для многих это будет существенным разрушением традиционного уклада жизни. Дело в том, что регион Тохоку, в котором случилась трагедия, – один из беднейших в Японии, его индустриализация и урбанизация проходила медленнее, чем в большей части западной Японии. В этом регионе существуют фермерские и рыболовецкие общины, некоторые из кото-

рых уже были маргинальными и безлюдными до цунами и аварии на АЭС. Семьи многих эвакуированных жили в одной общине на протяжении многих поколений. Когда люди с настолько традиционным укладом жизни переселяются во временные укрытия, а потом в квартиры на окраинах больших городов, они теряют больше, чем жилище. Становясь беженцами в чужих домах, они теряют часть своей идентичности.

Кроме того, они прошли через многое еще до эвакуации. Проверка для обнаружения радиации также может стать причиной психологической травмы: человек, который сканирует пострадавшего, одет в защитный костюм и маску – для защиты от него. Даже если радиации не обнаружено, чувство того, что люди считают вас опасным или хотят избежать контакта с вами, глубоко проникает в психику. Кроме того, люди подвергаются дискриминации. Так описаны случаи отказа водителям с номерными знаками Фукусимы на заправках других префектур.

Кроме того, есть свидетельства об издевательствах над детьми со стороны новых одноклассников в школах из-за того, что ребенок, якобы, «заражен». Можно предположить, что в дальнейшем особое отношение к ним продолжится: работодатели могут неохотно принимать их на работу («они будут болеть чаще других сотрудников»), а потенциальные партнеры не захотят вступать в брак («от них могут родиться мутированные дети!»). Их жизнь будет навсегда разделена на «до» и «после» Фукусимы [21].

Радиационная опасность повлияет на традиционные обряды. Каждый год японцы почитают предков, посещая их могилы, когда духи, по преданию, ненадолго возвращаются на землю, воссоединяясь с потомками. Таким образом, семьи, которые прожили много поколений на терри-

ториях, подвергшихся эвакуации, не смогут отметить этот праздник в соответствии с традициями. Когда важные культурные ритуалы не исполняются, привыкшие к ним люди испытывают стресс. В данном случае они будут считать, что не выполнили долг перед предками, поступили неуважительно и предали их доверие. Хотя эти люди понимают, что на это есть объективные причины, тот факт, что их поколение прервало связь с традицией, насчитывающей многие века, может сильно повлиять на их психологическое состояние. Кроме того, родственники погибших во время цунами и на АЭС часто не могли забрать их тела и похоронить их по традиции, так как они были опасны и их пришлось уничтожить как «радиоактивные отходы». Это усиливает и без того огромное горе людей, потерявших своих близких. Отношения в семьях выживших тоже подвергаются опасности. Так, у многих кормящих женщин, не эвакуированных вовремя с места происшествия, в молоке были найдены следы радиации. В этой ситуации возникает вопрос о динамике отношений в семье, где мать отказывается кормить ребенка из-за страха его заразить, о снижении самооценки и т.д. [21]

Динамика общественного мнения в связи с сообщениями СМИ об экологических катастрофах

Для того, что бы выявить влияние СМИ на общественное мнение по затрагиваемым вопросам, обратимся к данным социологических исследований, проведенных различными службами общественного мнения.

По данным Института Гэллапа на 15 марта 2011 г., т.е. непосредственно после сообщений СМИ о Японской экологической катастрофе, семь из десяти американцев отмечают, что они обеспокоены возможностью ядерной катастрофы в Америке после недавних событий в Японии [22].

Опрос 25-27 марта показал, мнения американцев практически разделились поровну: 46% американцев высказались, что ядерная энергия необходима для решения энергетических проблем, а 48% отметили, что опасность использования ядерной энергии слишком велика. Тем не менее, 58% американцев считают американские АЭС безопасными [23].

Через год после катастрофы, опрос, проведенной Институтом Гэллапа 8-11 марта 2012 г. показал, что в целом для американцев важнее экономическое развитие, а не безопасность окружающей среды. В отчете указывается, что до 2001 г. две трети опрошенных высказывались за безопасность экологии, потом эти показатели стали падать, и при усугублении экономического кризиса в 2009 г. 49% отдали приоритет экономическому развитию. После сообщений в СМИ о разливе нефти в мексиканском заливе в 2010 г. половина американцев отметила важность защиты окружающей среды [24], но повторные опросы показали, что эти изменения были недолговечными и относились исключительно к периоду широкого обсуждения нефтяной утечки в СМИ. Опрос 8-11 марта 2012 г. показывал, что 49% американцев по-прежнему предпочитают экономическое развитие экологической безопасности (не согласны 41%), как это было в 2009 г. [25].

Обратим внимание, что опрос, проведенный Институтом Гэллапа в июне 2011 г. в Индии (т.е. в то время, когда еще в СМИ обсуждались последствия Японской экологической катастрофы), показал, что 45% респондентов согласны с тем, что защита окружающей среды должна иметь приоритет, даже если это повлияет на экономический рост [26].

По данным Фонда «Общественное мнение», мнения россиян и американцев по поводу использования атомной энергии после Японской

аварии сильно разошлись: 85% россиян считают, что АЭС представляют угрозу для жизни и здоровья человека, в то время как только 20% респондентов в Америке придерживаются такого мнения. 79% американцев не считают АЭС опасными. К тому же, 82% россиян отрицательно отнеслись бы к решению построить АЭС рядом с их городом. Большинство американцев (60%) также против строительства АЭС в их местности, хотя 39% отнеслись бы к этому положительно [27].

В опросе россиян, проведенном ВЦИОМ 26-27 марта 2011 г., на вопрос «Насколько Вы обеспокоены вероятностью серьезной аварии на АЭС в России?» 80% опрошенных ответили, что они очень обеспокоены (38%) или скорее обеспокоены (42%), только 18% не проявили беспокойства [28]. 72% опрошенных обеспокоены тем, что радиация от поврежденной АЭС в Фукусиме может оказать на них воздействие [29]. Две трети россиян (66%) опасаются ухудшения экологической обстановки в России из-за аварии в Японии [29]. При этом 55% россиян считают, что в ближайшие годы подобная катастрофа может повториться в России [28]. Для предотвращения аварий, подобных той, что произошла в Японии, россияне советуют властям жестче контролировать строительство и эксплуатацию таких объектов (15%), проводить жесткий отбор сотрудников (13%) и повысить уровень безопасности АЭС (11%) [28]. 16 июня 2011 года ВЦИОМ опубликовал данные об отношении россиян к использованию атомной энергии, в соответствии с которыми 57% опрошенных поддержали идею полного отказа от использования АЭС в России. Главным аргументом такого выбора стало повышение безопасности жизни, улучшение экологии [28]. Беспокойство россиян заметно уменьшилось по прошествии времени: по данным

Левада-Центра, через год после аварии число противников развития атомной энергетики вернулось на «доаварийный» уровень: 66% опрошенных выступили за активное развитие отрасли или за сохранение ее на нынешнем уровне [31].

Таким образом, во время крупных происшествий интерес к защите окружающей среды заметно растет под влиянием СМИ. К сожалению, приведенные данные свидетельствуют о том, что даже катастрофы огромного масштаба лишь временно повышают беспокойство и интерес общественности к таким событиям, их причинам и последствиям, а также путям предупреждения повторного появления похожих ситуаций.

Контент-анализ освещения двух крупных экологических катастроф в СМИ

Для количественной характеристики основных тем, обсуждаемых в СМИ, в связи с экологическими катастрофами, был проведен контент-анализ. Сбор данных для исследования был осуществлен посредством анализа документов. Источником информации послужили текстовые сообщения СМИ, содержащиеся в публикациях газет, журналов. Отечественные источники были представлены такими СМИ, как Аргументы и Факты, Вести, Известия, Интерфакс, Московский Комсомолец, Новая Газета, Огонек, РБК, РИА Новости, Российская газета, Труд. Иностранноязычные источники были взяты из ABC News, BBC News, Bloomberg, CBC News, Huffington Post, LA Times, Reuters, Scientific American, The Guardian, The New York Times, The Telegraph, The Washington Times, TIME Magazine.

Посредством контент-анализа документов выяснялась специфика освещения различных аспектов рассматриваемых катастроф в СМИ. Анализу были подвергнуты публикации российских и зарубежных СМИ,

посвященные рассматриваемым катастрофам, опубликованные в интернете с апреля 2010 г. по март 2012 г. включительно, объемом от 200 до 3000 слов. Проанализировано 28 публикаций (14 публикаций на русском и 14 – на английском языке) о Японской экологической катастрофе и 42 публикации о разливе нефти в Мексиканском заливе. Публикации были подобраны так, что бы они более или менее равномерно покрывали временные интервалы. Так как экологическая катастрофа в Мексиканском заливе произошла на год раньше, то и публикаций по этой теме получилось больше.

В качестве смысловой единицы анализа выступало слово или словосочетание. Для анализа документов на русском и английском языке выделялись отдельные единицы. Единицей счета являлась частота упоминания смысловой единицы в тексте. Для систематизации смысловых единиц выделялись различные категории. В ходе контент-анализа вычислялись абсолютная частота упоминания каждой категории в тексте и относительная частота упоминания категорий в зависимости от общего количества слов в тексте. Окончательный расчет производился исходя из относительной частоты упоминания в промилле (‰).

Наиболее информативными оказались категории, связанные с такими сферами общественной жизни, как «социальная сфера»; «политика»; «право», «экономика»; «экология» (рис. 1). Выяснилось, что в большинстве случаев рассматривается политические вопросы. Особенно ярко это выразилось в случае англоязычных СМИ с экологической катастрофой в Японии. В то же время для англоязычных СМИ, освещающих экологическую катастрофу в Мексиканском заливе, темы права экономики отнесли политическую составляющую. При этом, собственно экологи-

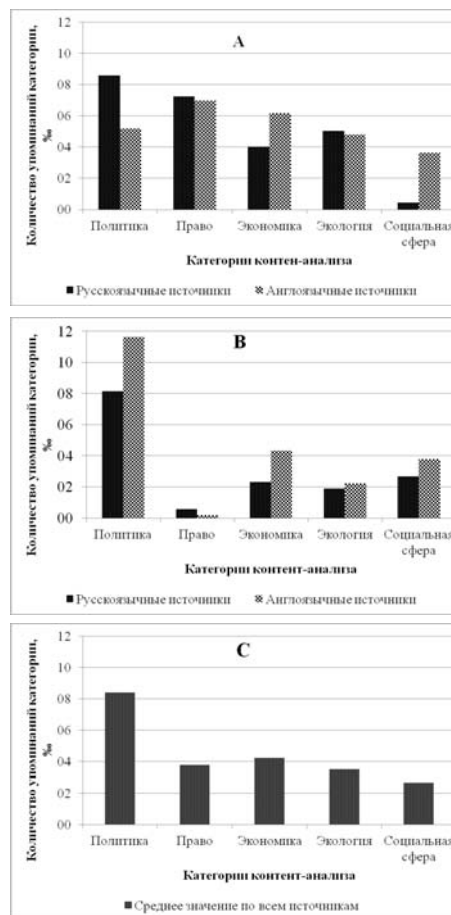

Рис. 1. Количество упоминаний категорий «Политика», «Право», «Экономика», «Экология» и «Социальная сфера» для экологической катастрофы в Мексиканском заливе (А), в Японии (В), средние значения по всем источникам (В).

ческая и социальная составляющая, в среднем, оказывается менее обсуждаемая, политических и экономических вопросов. Что касается категории «права», то здесь складывается довольно специфическая картина. Если для катастрофы в Мексиканском заливе она играет крайне значительную роль, то для японского случая это незначительная составляющая. Скорее всего, сказалось, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, в Мексиканском заливе первичный триггер – антропогенная авария, то

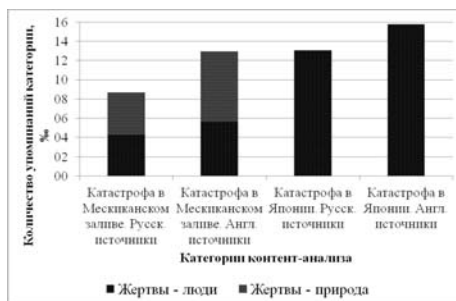

Рис. 2. Количество упоминаний категорий «Жертвы» в разных источниках для экологических катастроф в Мексиканском заливе и в Японии.

в Японии первичной причиной явилась природный катаклизм. Во-вторых, можно предположить, что сказалась разница североамериканского и японского менталитета.

Еще одна показательная категория – «жертвы». Уровень обсуждения темы сопоставим как в русско-, так и в англоязычных источниках для обоих случаях (рис. 2). Однако, Японская трагедия, очевидным образом, вызвала больший резонанс в СМИ, где обсуждались именно человеческие жертвы, в то время как в случае с мексиканской катастрофой СМИ уделяло примерно одинаковое внимание человеческим и биосферным жертвам.

Заключение

Экологические катастрофы регионального и локального уровней имеют широкую географию и сложный природно-социальный генезис, что не позволяет рассчитывать на то, что в ближайшем (да и отдаленном) будущем будет возможно от них полностью избавиться. Следовательно, важна готовность общества к таким потрясениям и выработка адекватных стратегий профилактики и преодоления этих социальных потрясений. Важную роль в этом могут сыграть СМИ, в которые, наряду со всем обществом, стремительно экологизируются. Современные СМИ имеют мощный потенциал в области фор-

мирования необходимого для профилактики и преодоления социальных последствий экологических катастроф. При этом, безусловно, имеются и проблемы в преподнесении соответствующей информации.

Положительные и отрицательные стороны использования СМИ для вышеуказанных целей хорошо видны на примере освещения двух крупнейших экологических катастроф, которые произошли сравнительно недавно в различных частях света. Несомненно, трагедия такого масштаба, как разлив нефти в Мексиканском заливе и гибель людей и разрушение АЭС под воздействием цунами в Японии, коренным образом отражаются не только на жителях непосредственно пострадавших территорий, но и на жизни различных социальных групп вне регионов. Опыт, приобретенный в результате преодоления рассмотренных катастроф, благодаря совместным усилиям ученых, политиков, активистов общественных движений, посредством СМИ транслируется на весь мир, помогая осмыслить и подготовиться к такого рода катастрофам в будущем. При этом экологические катастрофы имеют долговременные последствия во всех сферах жизнедеятельности общества, т.к. сказываются не только на здоровья жителей и состоянии окружающей среды, но сильно влияют на социальную сферу затронутых катастрофой регионов. При этом слабой стороной является именно то, что СМИ сравнительно быстро теряют интерес к конкретной экологической катастрофе, что не позволяет получать долговременное представление о динамике посткатастрофического развития соответствующего региона.

Как оказалось, наиболее обсуждаемыми оказывается политическая составляющая и реакция официальных государственных институтов на соответствующее событие. Также

довольно активно обсуждается экономический ущерб от случившегося. К сожалению, собственно экологический ущерб и социальная составляющая менее выражена, что, безусловно, является слабой стороной проблемы. Важно, что проблема реальных и потенциальных жертв экологических катастроф занимает важное место в соответствующих материалах СМИ.

Особенно неожиданным оказалось освещение правовых особенностей рассматриваемых экологических катастроф. Если в случае с разливом нефти в Мексиканском заливе это вторая, после политической, тема по обсуждаемости, то в случае гибели людей и разрушения АЭС в Японии тема практически не затрагивалась, что можно объяснить как разницей в генезисе экологических катастроф, так и в различии североамериканского и японского менталитета.

Ссылки:

1. Дедю И.И. Катастрофа экологическая / Экологический энциклопедический словарь. Кишинев: Гл. ред. Молдавской советской энциклопедии. 1989.
2. Гирусон Э.В. Широкова И.Ю. Экология и культура. М., 1989.
3. Мамедов Н.М. Экология, культура, образование. М., 1996.
4. Никонорова Е.В. Экология и культура. М., 1996.
5. Мазур И.И., Глазачев С.Н., Козлова О.Н. Путь к экологической культуре. М., 2001.
6. Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007. 271 с.
7. Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 68-76
8. Бондарев В.П. Исторические корни и теоретический базис совре-

менной инвайронментальной социологии / Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 3-20.

9. Бондарев В.П. Теоретические основания инвайронментальной безопасности // *Rewaluacja bezpieczenstwa publicznego (Monografia) / Redakcja naukowa T. Zaborowski. Gorzow Wlkp. - Poznan, 2011. С. 38-46*

10. Беляков А.А. Экологическая журналистика // Глобалистика: Энциклопедия. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 1185-1186.

11. Коханова Л.А. Экологическая журналистика, PR и реклама. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. - 383 с.;

12. Захарова О.А. Экологические коммуникации в социокультурном пространстве. Природа и культура М.: Лесная страна, 2008.

13. Авария на нефтяной платформе «DeerwaterHorizon» в Мексиканском заливе // ИТАР-ТАСС. – 2011. – 20 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itar-tass.com/c81/123259.html> (дата обращения: 01.02.2013).

14. *Netter S. Oil Spill Frustration: When All They Can Do Is Pray // ABC News. – 2010. – 14 июня [Электронный ресурс]. URL: http://abcnews.go.com/US/Media/bp-oil-spill-clean-up-pray/story?id=10906049#.T3ttW_AjF8E* (дата обращения: 22.08.2013).

15. *Sandmel B. Oil Spill Takes a Toll on All, but Gulf Minorities Feel Marginalized Again // Politics Daily. – 2010. – July 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politicsdaily.com/2010/07/15/oil-spill-takes-a-toll-on-all-but-gulf-minorities-feel-marginal>* (дата обращения: 22.08.2013).

16. *Barrow B. Social fallout from Gulf of Mexico oil spill may last for years // NOLA – 2010. – July 15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nola.com/news/gulf-oil-spill/index.ssf/2010/07/social_fallout_*

from_gulf_of_me.html (дата обращения: 22.08.2013).

17. *Saad L.* Many Americans Say Gulf Beaches, Wildlife Will Never Recover // Gallup. – 2010. – June 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/140762/Americans-Say-Gulf-Beaches-Wildlife-Recover.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

18. *Witters D.* Gulf Coast Residents Worse Off Emotionally After BP Oil Spill // Gallup. – 2010. – September 28 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/143240/Gulf-Coast-Residents-Worse-Off-Emotionally-Oil-Spill.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

19. Magnitude 9.0 – Near the East Coast of Honshu, Japan. // USGS. – 2011. – March 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://earthquake.usgs.gov/earthquakes/eqinthenews/2011/usc0001xgr/> (дата обращения: 16.03.2012).

20. Доклад государственной полиции Японии. – 2011. – 2 декабря [Электронный ресурс]. - URL: http://www.npa.go.jp/archive/keibi/biki/higaijokyo_e.pdf (дата обращения: 22.08.2013).

21. *Jacobs R.* Social Fallout: Marginalization After the Fukushima Nuclear Meltdown // The Asia-Pacific Journal. – 2011. – July 11. – Vol 9. – Issue 28. – №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://japanfocus.org/-Robert-Jacobs/3562> (дата обращения: 22.08.2013).

22. *Jones J.M.* Disaster in Japan Raises Nuclear Concerns in U.S. // Gallup. – 2011. – March 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/146660/Disaster-Japan-Raises-Nuclear-Concerns.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

23. *Newport F.* Majority of Americans Say Nuclear Power Plants in U.S. Are Safe. // Gallup. – 2011. – April 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/146939/Majority-Americans-Say-Nuclear-Power-Plants-Safe.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

24. *Jones J.M.* Oil Spill Alters Views on Environmental Protection. // Gallup. – 2010. – May 27 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/137882/Oil-Spill-Alters-Views-Environmental-Protection.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

25. *Jacobe D.* Americans Still Prioritize Economic Growth Over Environment // Gallup. – 2012. – March 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/153515/Americans-Prioritize-Economic-Growth-Environment.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

26. *Ray J., Pugliese A.* Indians Give Environment Slight Edge Over Economy // Gallup. – 2011. – June 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/147923/Indians-Give-Environment-Slight-Edge-Economy.aspx> (дата обращения: 22.08.2013).

27. Станционная осмотрительность // ФОМ Медиа. – 2011. – 27 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/catastrophe/32> (дата обращения: 22.08.2013).

28. «Фукусима» по-русски? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск №1732. – 2011. – 15 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111529> (дата обращения: 22.08.2013).

29. Авария на «Фукусиме»: есть ли угроза для России? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск №1732. – 2011. – 31 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111489> (дата обращения: 22.08.2013).

30. Полный отказ от АЭС: за и против // ВЦИОМ: Пресс-выпуск №1779. – 2011. – 16 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111693> (дата обращения: 22.08.2013).

31. *Белоусов А.* Фукусима отпущена // Аргументы и Факты. – 2012. – №11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/society/article/50353> (дата обращения: 22.08.2013).

Китай как совсем «другое» Запада

Грачиков Е.Н.

В статье предпринята попытка концептуализации проблемы неординарных путей развития Запада и Китая. Рассматриваются основы организации китайского географического (Гегель) и социального (Фэй Сяотун) пространства. Представлена система Tianxia (Чжао Тинян), как китайский взгляд на будущую мировую систему, которая должна строиться на других не западных философских основаниях. Показаны метафизические отличия между философией Китая и Запада (Лю Сяогань, Го Циюн, Лю Чжилу).

Ключевые слова: общество, ассоциации различных типов, организационная модель ассоциаций, методология взаимоотношений, система Поднебесная, включенность, гармоничность, политическая философия, метафизика, дихотомия, ценность, вещь.

Grachikov E. N.

China as a very «other» of the West

The author of the article tried to present a conception of problems of different ways of development of West and China in geopolitical and philosophical sense. The article researches organisational principles of chinese geographical (Hegel) and social (Fei Xiaotong) spatial. The Tianxia (Zhao Tingyang) system is also introduced in this article as a chinese view on future world system, which will be build on different non-western philosophical basis. Metaphysical differences between China's and West philosophy (Liu Xiaogan, Guo Qiyong, Liu Zhilu) are shown in the article.

Key words: society, differential mode of association, Organizational mode of association, methodological relationism, All-under-Heaven system, inclusiveness, harmony, political philosophy, metaphysics, dichotomy, value, thing.

После стремительного роста военной, политической и, главным образом, экономической мощи Китая в начале второго десятилетия XXI века столкнулся с полным неприятием целей своего развития и методов достижения «гармоничного» мира. Запад не понял китайский дух, который, как образно выразился Чжао Тинян, имеет «конфуцианское сердце», определяющее базовые ценности, и «даосский ум», вырабатывающий стратегии¹. Для Запада Китай всегда оставался и продолжает оставаться чем-то «существенно другим»². В последние годы, правда, некоторым аналитикам показалось, что Пекин становится «одинаковым», «похожим», «таким же» как Запад. Стоит только заполнить китайские политические институты и культуру недостающими частями, и Китай станет «нормальной» страной, как «все», как «мы». Они думают, что единственным препятствием остается Коммунистическая партия Китая³. Между тем, «различность» между Западом и Китаем носит более фундаментальный метафизический характер. Я попытаюсь сложить некий пазл этих различий и определить, главным образом для себя, насколько

ко и в чем Запад отличается от Китая.

Природа различий

Гегель утверждает, что не одинаковые по своему типу ландшафты оказывают разное влияние на форму организации общества и государства. Он выделяет три характерных географических различия, а именно: «1) безводное плоскогорье с его обширными степями и равнинами; 2) низменности, переходные страны, прорезанные и орошаемые большими реками; 3) прибрежные страны, непосредственно прилегающие к морю». Здесь же он упоминает о природных условиях образования Китая. «Низменности. Это – равнины, по которым протекают образовавшие их реки, которым они обязаны своим плодородием. Такими низменностями являются Китай, Индия... В этих странах возникают большие царства и начинается образование больших государств. Ведь для земледелия, которое господствует в них, как основной принцип существования индивидуумов, нужны регулярные работы, соответствующие регулярности времен года; возникает поземельная собственность и относящиеся к ней правовые отношения, т.е. основы государства, которые становятся возможными лишь при таких отношениях»⁴. Этот тезис Гегеля о внутриравнинном преимущественно сельскохозяйственном развитии Китая, по всей видимости, стал отправной точкой рассуждений Макса Вебера о влиянии земледелия на образование бюрократического китайского государства (раздел «Конфуцианство и даосизм» в «Хозяйственной этике мировых религий», 1920)⁵.

Для сравнения приведем географические условия возникновения западных стран, с которыми Китай будет находиться в состоянии постоянного противостояния, как в теории, так и в геополитической прак-

тике. По Гегелю, это во многом объясняется природными обстоятельствами. Он пишет: «Прибрежные страны... Море вызывает в нас представление о чем-то неопределенном, неограниченном и бесконечном, и когда человек чувствует себя в этой бесконечной стихии, то это внушает ему стремление выйти за пределы ограниченного; море призывает человека к завоеваниям, к разбою, а также и к наживе, к приобретению. *Низменность* прикрепляет человека к земле, благодаря этому он становится зависимым в бесконечном множестве отношений, но море выводит его из этих ограниченных сфер... Этого морского устремления за пределы земной ограниченности недостает величественным азиатским государствам, хотя сами они граничат с морем, как например, Китай. Для них море является лишь прекращением земли. У них нет никакого положительного отношения к морю»⁶. Гегель также обратил внимание на агрессивность морских, западных держав и мирный, оседлый характер континентальных стран Востока. Фактически Гегель указал на природу (в прямом и переносном смысле) цивилизационных различий Запада и Востока.

Развивая фактически эти мысли Гегеля, М.В.Крюков отмечает (со ссылкой на исследования Андре Леруа-Гурана, 1911-1986), что для древнего человека характерны две модели восприятия окружающего пространства. Бродячие и кочевые народы видят мир таким, каким он предстает перед ними в движении. Отсюда им свойственно линейное, или маршрутное, представление об обитаемом мире. Иную картину мира представляют *оседлые, земледельческие народы. Для них ойкумена – это круг, в центре которого расположены они сами. У многих земледельческих народов сформировалась именно такая эгоцентричная*

картина мира⁷. Таким «эгом» китайского государства была и остается Центральная равнина – Чжунюань (zhongyuan), которая, по всей видимости, дала название и самому государству Китай – Центральное государство – Чжунго (Zhongguo)⁸. В книгах по древнему и средневековому Китаю понятия “Центральная равнина” и “династии Центральной равнины” используются как самоназвания Китая. Если сейчас спросить любого китайца, что такое Чжунюань, то услышишь в ответ: это и есть Китай – его история, культура и традиции. Центральная равнина – это место самоидентификации Китая и его национального духа. Особенность географического положения Центральной равнины заключается в том, что ее окружают «высокие горы на западе, большая пустынь на севере и океан на востоке и юге»⁹. Эти географические барьеры закрыли Китай (blocked China) от остального мира¹⁰. Таким образом, пространственный эгоцентризм и закрытость географического ландшафта привели к появлению геополитического представления о своей стране, как о центре мира («теория китаецентризма»), которое привело Китай к самоизоляции от западной цивилизации и упадку страны.

Различные принципы организации общества

Гегель заметил, что «Китай совершенно специфически восточен»¹¹. Карл Маркс оформил это в тезис об «азиатском способе производства», развитый Виттфогелем (1896-1988) в теорию «гидравлического государства» в его работе «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957)¹². Советские ученые в 70-х – 80-х годах прошлого столетия активно и плодотворно разрабатывали тему «особого» или, можно сказать, «другого» пути развития стран Востока (исследования

Н.А.Симония, в частности, о закономерностях «волнообразного развития»)¹³ и Китая (работы А.В.Меликсетова о бюрократическом капитале¹⁴ и Л.С.Васильева о «власти-государстве»¹⁵ и проблемах генезиса китайского государства¹⁶).

Видный социолог и политический деятель Фэй Сяотун (1910-2005) в своей знаменитой работе «Сельский Китай» доказывал, что западное и китайское общество построены на абсолютно разных основаниях¹⁷. В середине сороковых годов прошлого столетия он провел единственное в своем роде социологическое исследование китайской деревни и предложил концепцию организационных принципов китайского общества. Выводы Фэй Сяотуна актуальны и по сей день, поскольку Китай по-прежнему остается во многом аграрной страной. Городское население сравнялось с сельским только в 2010 г., но если учесть, что более 200 млн. внутренних мигрантов, временно работающих в городе, являются жителями деревни, то можно с большой долей уверенности утверждать о деревенском характере современного Китая. Работа Фэй Сяотуна, пожалуй, единственная публикуемая сейчас в Китае (где правит коммунистическая партия) книга, в которой китайское общество анализируется не с классовых, марксистских позиций.

Фэй Сяотун выдвинул оригинальную концепцию «Часюй гэцзюй» (*chaxu geju*), которую можно перевести, как «ассоциации различных типов»¹⁸. Этот термин он использует для моделирования китайского общества, в котором доминируют строго упорядоченные, ранжированные, распределенные по категориям социальные связи. С помощью этой достаточно образной и сложной концепции Фэй Сяотун старается объяснить китайцам теорию общества, в котором они живут¹⁹. Все рассуждения великого социолога интуитивны,

встроены в традиционные мироощущения, которые ежедневно воспроизводятся в процессе социального взаимодействия, поэтому без лишних пояснений понятны китайцам, а нам – западным читателям, приходится внимательно вчитываться, домысливать, переводить в привычные нам термины, вводить в свой ассоциативный ряд и априори брать их на веру.

Фэй Сяотун начинает свои рассуждения с понятия «семья». «Почему слово (семья), обозначающее базисное социальное понятие так расплывчато в китайском языке?»²⁰ Помоему, такая нечеткость указывает на различия между нашей социальной структурой и той, что существует на Западе. Наша форма совсем не похожа на отдельный пучок соломинок. Скорее это напоминает круги на поверхности воды от брошенного камня. Каждый находится в центре круга своего социального влияния. Все круги взаимосвязаны. Каждый соприкасается с различными кругами в разное время и в разных местах.

В нашем обществе самые важные связи – родственные – похожи на круги, идущие от камня, брошенного в озеро. Родственные связи – это социальные отношения, формируемые рождением и бракосочетанием. Сети, произведенные рождением и браком, могут быть расширены до бесконечного числа людей – в прошлом, настоящем и будущем... Несмотря на эту бесчисленность, тем не менее, центром каждой сети, подобно паучьей сети, является сам человек. Каждый имеет подобную родственную сеть, но люди, включенную в одну сеть не одни и те же, что в другой сети. Все мы используем одинаковую систему условных знаков, чтобы различать своих родственников, но единственное, что мы имеем общее так это сама система условных знаков. Эта система – абстрактная модель или набор соот-

ветствующих категориальных концепций... Поэтому, сети социальных отношений (shehui guanxide gangluo) связаны с родственниками и неодинаковы. Каждая сеть имеет «себя» в качестве центра, и все сети имеют различные центры»²¹.

Социальные сети, по описанию Фэй Сяотуна, не имеют точных границ. Люди не подписывают какого-либо документа о «членстве» в сети, как это бывает в западных организациях. Однако они не могут по своему усмотрению вступить или выйти из этих закрытых социальных связей, они, можно сказать, еще при рождении запрограммированы быть составной частью определенных связей и сетей. Поскольку человек автоматически принимает на себя обязательства этих отношений, сеть может принять его независимо от его социальной и географической удаленности. С геополитической точки зрения важно, что общество, основой которого составляют сети, не может иметь ясных географических границ, а только размытые зоны с более-менее компактной структурой сетей. Этим объясняется не только «размытость» социальных, но и географических, пространственных границ Китая.

Каждый контакт в китайской персональной сети четко очерчен в понятиях социальных отношений, которые называются «гуаньси» (*guanxi* – «отношения»). Каждая связь нормативно определена, персонафицирована и встроена в соответствующую категорию социальных взаимоотношений, которые требуют от человека соблюдения специфического, а, главное, предписывающего ритуала поведения.

«В нашем сельском обществе эта форма организации связана не только с родственными (*qinshu*), но также и с пространственными отношениями (*diyuan guanxi*). В традиционной структуре каждая семья считает свой

дом центром и организуется вокруг него. Этот круг – его соседи... Но соседи – не фиксированная группа, а окружение. Размер этого круга соседей зависит от власти и авторитета каждого центра.

Социальные связи, имеющие в качестве центра «себя», как круги, идущие от брошенного в воду камня, становятся, чем дальше от центра, тем все менее заметнее. Такая форма организации является отличительной чертой социальной структуры Китая или, как называет конфуцианская школа, «человеческими взаимоотношениями» - renlun. Что такое lun? Для меня, описывающего социальные отношения в Китае, сам термин означает *волнистый результат, полученный от кругов социальных связей*, которые идут от «себя», эффект, который создает форму заметных кругов. В древних текстах «Шимин» (трактат о имен) lun определяется как *«порядок, существующий в водной ряби»*. Пань Гуандань как-то сказал: «Все словосочетания с lun имеют похожий смысл. Они выражают надлежащую организацию, классификацию и порядок. Lun – это порядок, основанный на классификации». Форма организации общества не может быть изменена, а если что и меняется, так это только ее применение. Конфуций придавал большое значение «расширению» (tui), как это бывает от брошенного в воду камня. Он был первым, кто признал *центральность «себя»*. *Путь лежит от «себя» к семье, от семьи к государству, от государства ко всему миру*. В такой социальной структуре каждый расширяет «себя» сам до всего мира, круг за кругом. Конфуций писал, что правитель, который использует власть для постижения добродетельности, подобен Северной звезде, вокруг которой все крутятся. Это очень точно описывает китайскую систему организаций – форму из разделенных

кругов – ассоциаций различных типов. «Я» - *всегда в центре*, как сдержанная Северная звезда, «я» - всегда окружена другими, которые находятся под влиянием центра»²².

Западное общество строится как «организационная модель ассоциаций» (*tuanti geju*)²³. Люди там встроены в различные группы, которые имеют четкие границы. Требования к членству в этих группах однозначно прописаны. Все знают, кто может быть членом группы, а кто нет. Права и обязанности также четко определены. Эти группы – организации, составляющие социальную структуру западного общества. В противоположность этому, в Китае общество воспроизводится по логике «различных типов ассоциаций» *shaхu geju*, которое состоит не из разрозненных организаций, а из переплетающихся людских «сетей», связанных вместе социальными отношениями различных категорий.

Эти «сети» бесчисленны и не связаны в какую-то единую систему. Центр сети всегда индивидуален и для каждого человека имеет различные составляющие, так как сам он находится в центре собственной сети. Поэтому Фэй Сяотун называет *китайское общество эгоцентричным* и показывает его существенное логическое отличие от западного общества. Западная модель ассоциаций предусматривает независимость индивидуумов, а китайская – предполагает его включенность во множественные социальные связи и их категоризацию.

Фэй Сяотун использует две метафоры, чтобы образно представить два типа обществ. Западное общество он изобразил в виде пучка соломин, а китайское - в виде небольших волн от брошенного в воду камня. Он старается доказать, что эти два общества строятся на абсолютно разных основаниях и, поэтому, китайское общество не может быть

описано и концептуализировано в терминах «пучка» (т.е. организаций), также как западное – в терминах «волн» (т.е. в категориях социальных отношений).

Формирование не западной ТМО

В начале XXI века специалисты в области мировой политики во многих странах пришли к пониманию, что существующие теории международных отношений (ТМО) игнорируют традиционную культуру и исторический опыт, который сложился вне Запада, в других регионах мира. В Китае, Индии, исламском мире идет сложный процесс переосмысления западных ТМО, с учетом реалий сегодняшнего дня вновь изучаются собственные философские представления о мире, что приводит к постепенному формированию «национальных школ» международных отношений (МО)²⁴. В первую очередь обращается внимание на необходимость включения в ТМО великих мыслителей Индии и Китая²⁵. В мировой научной среде ставится вопрос о том, что англо-американские, т.е. западные, голоса доминируют в этой области²⁶, высказывается потребность в переосмыслении всей ТМО (а не просто о дополнении ее предложениями с глобального Юга²⁷), необходимости создания новой постзападной теории²⁸. Ряд западных ученых, чувствуя ограниченность существующей ТМО, еще раньше предлагали «переформулировать» эту теорию²⁹. Обновленная, или новая, ТМО, по всей видимости, будет включать основные положения буддизма и конфуцианства, как трансконтинентальных, паназиатских учений. Обе философии сходятся в главном, что интересы и идентичности, т.е. «Я» и «Другие», никогда не являются постоянными, или фиксированными, а меняются через взаимозависимость и взаимопересечения. Теория международных отноше-

ний в своем развитии должна идти от западноцентричной парадигмы к глобальному разнообразию практик, ценностям и верованиям других цивилизаций, особенно Китая, который до середины XIX века сам был центром мира Восточной Азии, основанного на династийных и вассальных отношениях³⁰.

В традиционном китайском представлении Мир существовал в виде системы «Тянься» (Поднебесная). Центром этого пространства был Китай, который управлял, поддерживал стабильность и устанавливал регулирующие нормы взаимоотношений между странами с 221 века до н.э. и до середины XIX века. Вассальная система (термин западных ученых; правильнее было бы, считает Жень Сяо, назвать ее «система Фэнгун» (*ce)feng (chao)gong*,³¹ или «система жалования титулов и получения дани»), просуществовавшая 2000 лет, не была, по мнению Цинь Яцина, межгосударственной системой, включавшей независимые страны. Это была китаеццентричная мировая система, организованная по образу и подобию самого Китая, в котором никогда не существовало «другого» даже в воображении великих мыслителей, а было только *одно* «Я» - император. Поэтому периферия существовала как единое целое с центром, а не как его дуалистическое противопоставление. Поэтому в традиционной политической мысли Китая, никогда не существовало понятия «международный» и концепций связанных с ним, таких как суверенитет и территориальная целостность³². Цинь Яцин добавляет, что *в политической культуре этих взаимоотношений нет ничего похожего на «международность», поскольку отсутствует обычная для западного понимания структура, в которой «Я» противопоставлено «другому»*. В китайской политической традиции «мир» и «государство» не имело ясно очерченно-

го понятия этих сущностей и их разграничения. Китайский мир – это все что находится на Земле под Небом. В этом «поднебесье» есть ощущение пространства, в котором имеется «центр» и «периферия», и время, представленное бесконечной длительностью истории Китая. Если стоять на горе в императорском саду Запретного города, можно видеть комплекс зданий в виде квадрата, окруженный другим квадратом более высоких зданий, который, в свою очередь, тоже окружен квадратом еще более высоких зданий. Это и есть китайское представление о мире – бесконечном во времени и пространстве, с императорским дворцом в центре. *Это завершенное целое без какой-либо дихотомии.* Таким образом, есть только *единственное «эго» без противоположного «другого»*.³³ Эта метафора Цинь Яцина с расходящимися квадратами зданий, описывающая структуру китайского (географического) пространства, напоминает круги, идущие от брошенного в воду камня – другую метафору, которую 63 года до него привел Фэй Сяотун для более образного объяснения организации китайского общества, т.е. социального пространства.

Мировая политическая философия

Крупный современный философ Чжао Тинян для организации нового мирового сообщества взамен существующей (западной) предложил концепцию «Система Поднебесная» (tianxia tixi)³⁴ и «методологию взаимоотношений» (methodological relationism),³⁵ как главный принцип ее построения. Китайский ученый ставит теоретическую проблему отсутствия единого мирового политического института и обосновывает необходимость формулирования мировой философской концепции управления миром. Чжао Тинян на-

чинает свои рассуждения с мысли о том, что наш «предполагаемый мир» – еще не мир, а только часть воображения. Земной шар еще не стал чьим-либо миром и продолжает существовать в виде хаоса, поскольку нет по-настоящему связанного мирового сообщества, управляемого всеми принимаемым политическим институтом. Мир, в котором мы живем, является не более чем географическим понятием. Недостаток политического единства означает, что всеобщая политическая идентичность еще не сформирована. Такой мир не возможен до тех пор, пока он не будет организован и управляем всемирным институтом, который будет иметь глобальную политическую философию.

Глобализация ведет в новую не понятную эру без хорошо сформулированной концепции. Она сохраняет интересы государств-наций и вместо общего процветания наследует только международные конфликты. В результате, не создается мировой организм. И если мир будет ошибочно направляться такими иллюзиями американского производства, как «столкновение цивилизаций», «деградирующих стран» или «несостоявшихся стран» – концепций, которые незаконно легитимизируют гибельное лидерство Америки в мире, результатом станет несостоявшийся мир, который намного хуже, чем несостоявшаяся страна.

Неудача в создании мирового организма в основном заключается в нехватке политической философии, основанной на мире как целом, в противоположность государствам-нациям. Необходима мировая философия, которая говорила бы от имени самого мира. Мир останется пустым до тех пор, пока мы не захотим смотреть на него исходя из его собственных перспектив. Неудачи мировой политики – это по существу неудачи философии. Вопрос, таким

образом, звучит так: как заботиться о мире в интересах мира.

По мнению Чжан Тиняна, такая постановка вопроса дает нам хорошую возможность обсудить *философскую концепцию мира* «Поднебесная», которая была сформулирована 3000 лет назад, но до сих пор почти не известна на Западе. История создания системы «Поднебесной» относится к периоду зарождения династии Чжоу, которая в длительной вооруженной борьбе смогла вытеснить династию Шан. В эпоху династия Чжоу, которая длилась 800 лет, сформировалась китайская политика на подобие той, которая была в греческих полисах. И также как до появления греческих полисов в Европе, в Китае до династии Чжоу не существовало политики. Тогда господствовала только грубая сила. Когда победила династия Чжоу, вокруг нее жили около 1000 различных по культуре и этническому составу племен. Некоторые из них, например, Шан насчитывала более миллиона человек, в то время как Чжоу всего около 70 тысяч. Проблема контроля более мощных образований встала перед династией Чжоу в качестве приоритетной и глобальной.

Правители Чжоу, особенно первый из них, выдвинул несколько главных политических идей. Первая. Решение всех проблем мировой политики должны относиться к ведению всеобщей, универсальной системы, а не решаться при помощи силы. Вторая. Всеобщая система политически оправдана, если она представляет собой политический институт, который действует в интересах всех людей и всех народов и способствует общему процветанию всего мира. Третья. Всеобщая система работает, если она продуцирует гармонию между народами и культурами. В соответствии с этими принципами была сформирована универсальная система, в основе которой была кон-

цепция объединения «Всех под небесами» - теоретически открытая, с возможностью превращения в мировую систему. Династия Чжоу была единственной, которая воплотила ее на практике. Это, конечно, не означает, что она применима везде и в любое время, поскольку слишком стара для нашего мира. Тем не менее, несколько положений достойны для обсуждения и, возможно, использования в будущем.

«Поднебесная» - это компактная концепция означающая «мир». Она содержит в себе три значения. Первое. Земля или все земли под солнцем. Второе. Общий выбор, сделанный всеми народами в мире, или общее соглашение в «сердцах» всех людей. Третье. Политическая система для мира с глобальными институтами, которые обеспечивают всеобщий порядок. Это семантическая триада показывает, что физический мир далек от того, чтобы быть человеческим. Очеловеченного мира не будет до тех пор, пока он не будет определен как политический с всемирной институцией, отражающей общие чувства всех людей. Другими словами, природный мир не будет нашим миром до тех пор, пока не будет утверждена «Поднебесная» с мировой институцией.

В соответствии с этой концепцией Чжао Тиняна, мир понимается, как физический мир (земля), психологический мир (общие чувства людей) и институциональный мир (мировая организация). Таким образом, это комплексная концепция, в которой *метафизика политической философии заменяет метафизику онтологии*. Земля, таким образом, все еще не мир, поскольку не имеет мировой организации, представляющей все народы и полностью достигающей всемирного эйдоса (всемирной формы). Эта концепция устанавливает глобальную перспективу в противоположность региональной или на-

циональной. Лао Цзы (580-500 лет до н.э.) был первым, кто рассмотрел мир в целом, как эпистемологический принцип. Он говорил: «Лучший способ понять все – это рассматривать человека с позиции человека, семью с позиции семьи, деревню с позиции деревни, государство с позиции государства, а поднебесную с позиции поднебесной». Это отражает больше политическую эпистемологию, чем научную. В китайской философии мир всегда воспринимался больше политической организацией, чем научным объектом. Мир редко был предметом обсуждения философами, поскольку социальным проблемам уделялось очень серьезное внимание, а Природу оставляли поэзии. Предпочтение политическим знаниям настолько доминировали в сознании китайцев, что на природный мир не хватало времени. Политически ориентированная эпистемология была основана на идее, что мир состоит из вещей и явлений, но только явления (понимаемые, как то, что уже сделано), имеют влияние на нашу жизнь. Поэтому проблема явлений самая подходящая, где вещи – это просто то, что они из себя представляют, вне зависимости от наших действий. Мир явлений – это исключительно политический и этический мир. Правитель как-то спросил Конфуция, что самое главное в человеческом мире. Конфуций ответил: «политика».

Китайская политическая философия, объединенная с этикой, является, по мнению Чжао Тиняна, альтернативой метафизике, меняя вопрос «быть внутри» на то, «что должно быть сделано». «Делать» заменяет «быть», в таком же смысле, как вещь обретает значение только когда имеет отношение к явлению. Китайская философия больше имеет дело с проблемой отношений и душой, в то время как западная философия больше обращает внимание на

«правду» и «разум». Например, в китайской философии «правда» обычно зависит от определенных «отношений». Ничто не может быть определено иначе, как только в терминах «отношений». Например, мы считаем кого-то дружественным, и мы обращаемся с ним по-дружески. А при других обстоятельствах, если отнесемся к нему не правильно, мы, возможно, будем иметь противоположное мнение. В результате, отношения, а не суть, определяет значение этого. Метафизика отношений в определяющей мере стимулирует идею мировой политической системы «Поднебесной» с гармонией между людьми.

Один из важных принципов «Поднебесной», который предложил Чжао Тинян, – *включенность всех народов* и всех земель. В соответствии с этим принципом, никто не может быть исключен из этой системы или поставлен вне ее, поскольку никто не считается несовместимым с другими. Ничто не рассматривается как «иностранный» или «языческое». В соответствии с этой теорией, никакая страна или структура не может избежать беспорядков, если мир находится в состоянии анархии и неразберихи. Конфликты будут неизбежны даже среди тех стран, где существует порядок. Внешний порядок политической сущности – необходимое условие внутреннего порядка. Следовательно, внешние проблемы намного серьезнее внутренних. Политическая система может утверждать, что она находится в состоянии всеобщего и вечного мира только тогда, когда внешняя форма больше не существует. Другими словами, тогда, когда никто и ничто не исключено. Как сказал Люй Бувэй, премьер-министр эпохи Цинь: «ни одно государство не может чувствовать себя в безопасности, если в мире нет порядка; ни одна семья не может выжить, если государство ввергнуто в

беспорядок; никто не будет иметь места для проживания, если разрушена семья». В целях сохранения всеобщего и вечного мира, завершенная и эффективная политическая система должна быть настолько большой, насколько это возможно. Таким образом, мировая политическая система представляет из себя систему, в которой все включено и защищено и ни к кому не относятся как к внешнему.

В концепции «Поднебесной» говорится о *необходимости мирового института* (организации). В соответствии с этой концепцией, «государство» должно быть инкорпорировано в «мир», а «региональная политика» - в «мировую политику». В западной политической мысли мир представляется общей политической формой, в которой государство и международные структуры являются составными частями. Мир в целом, а не государство – ключевая проблема философии. Мировой организации, гарантирующей мировой порядок, должно придаваться большее значение. Это было сердцевинной китайских политических концепций, которые включали следующую иерархию: поднебесная, государство, семья, в противоположность – государству-нации, обществу и индивидууму – на Западе.

Западные политические концепции, утверждает Чжао Тинян, выглядят философски не завершенными, по крайней мере, с китайской точки зрения (где деление политических организаций идет сверху вниз: поднебесная, государство и семья). Отсутствие мировой организации в качестве высшей политической сущности опасно не завершено, т.к. нет организации, заботящейся о мире. Очевидно, что мировые проблемы не могут быть решены через ООН или другие существующие международные организации, потому что они не стоят выше государств-наций. Меж-

дународные организации представляют из себя не более, чем вспомогательные структуры, ограниченные системой государств-наций, в которой главным представляется национальные, а не универсальные интересы. Эта система не способна решить ни один конфликт в мире в связи с тем, что международные интересы всегда ограничены национальными. Говоря в целом, «международность» - это обманчивая и вводящая в заблуждение концепция. Только в рамках концепции «всемирности» («мировости - worldness»), а не «международности» (“internationality”) можно определить реальные проблемы мировой политики. Концепция «международности» не подходит при решении мировых политических проблем, хуже того, она затмевает те проблемы, которые должны быть определены и решены.

Смещение с политики на этику. Несовместимость внутреннего и международного существенно снижает эффективность и потенциал теорий, в центре которых стоит государство. Например, внутренняя демократия всегда воспринимается, как само собой разумеющееся, в то время как международная демократия большинством либералов считается неприемлемой и практически невозможной. Истина состоит в том, что внутренняя демократия усиливает империалистическую гегемонию над миром, а международная демократия ослабляет ее. Такое теоретическое противоречие наносит ущерб универсальности политических теорий, когда политические институты не считаются универсально подвижными. Даже такой институт, как демократия, может быть признан политически ущербным, если он не может быть применен в международном плане, а только в национальном масштабе. Это одна из причин, по которой США теряют политические позиции в мире, т.к. они играют в

разные политические игры на внутренней и международной аренах.

Китайская политическая философия, со своей стороны, стремится к *завершенности политической системы*, надеясь, что любой институт может быть приемлемым только в том случае, если он может быть реализован на всех политических уровнях, в региональном и мировом форматах, таким образом, стремясь к универсальной политической системе. Это является целью устранения конфликтов и противоречий на всех политических уровнях – мира, государства и семьи, и создания «политического постоянства», в котором любое политическое измерение могло бы структурно распространяться на других. Следовательно, мир, государство и семья должны быть совместимы в способах управления, и были бы ничем иным, как различными проявлениями одного универсального института.

Политическая легитимность универсальной политической системы должна отражать *этическую правоту*, т.е. быть обоснована в соответствии с критериями справедливости. Поэтому китайские философы всегда настаивали на этических нормах для поддержки политических. В противоположность политическим, предпочтению этическим нормам отдается при развитии восходящего порядка, от семьи к государству и далее к «Поднебесной». Это объясняется тем, что этика коренится в базовых формах жизни. Считается, что такая форма как «семья», является естественной основой и главным свидетельством человеческой любви, гармонии, взаимных интересов и обязательств, и в концентрированном виде предстает моделью «самой сути человечества». Вследствие этого, она рассматривается в качестве этического архетипа, который должен быть внедрен на всех политических уровнях. Мир не может быть без

мирового управления, построеного по семейной модели.

В результате политическая конструкция, ниспадающая сверху вниз от «Поднебесной» к государству и семье, и этика, управляющая человеком, ведут к взаимному дополнению друг друга. Речь идет о *политическом метапринципе*. Другими словами, политическая система имеет силу только тогда, когда она одновременно учреждает подходящую этическую систему. Это должно быть стандартом для политики, которая ведет к фундаментальным сомнениям в отношении западной политической мысли. Западная политическая логика, исходящая от индивидуума к государству, и даже к империалистической системе, является отказом от мира. Система «Поднебесной» будет успешной, если ее станут копировать, хотя бы на теоретическом уровне. Эта система предлагает политику гармонии для мира, в котором хорошие отношения будут преобладать между всеми нациями в противовес враждебности между «собой» и «другими».

Одним из важных элементов философских рассуждений Чжао Тиняна выступает *стратегия гармонии* – необходимое онтологическое условие для существования и развития различий, обычно определяемых как взаимная зависимость, взаимное совершенствование, в противоположность одинаковости. Гармоничность, как противоположность одинаковости, затрагивает в основном проблему разнообразия, чем единичности. Гармония, как принцип сосуществования, может быть лучше понята через китайскую метафизику. Как уже отмечалось выше, китайская философия включает в себя больше метафизику отношений *guanxi* и *shangxue*, нежели чем онтологию бытия. Проблема бытия, как вещь «сама по себе», - чужда китайской философии, поскольку ничто не

может являться вещью, пока оно не определено терминами взаимоотношений с другими вещами. Это означает, что отношения, а не вещи, должны подвергаться исследованию. С точки зрения отношений, неверно говорить «вещь как таковая», т.к. она не может ею быть - она сделана такой и как таковая определена своими взаимоотношениями. «Вещь» - сугубо лингвистический термин для усиления представлений о реальности, нежели сама реальность. Таким образом, отношения – это онтологическое состояние для вещи, как таковой; точно так же, как бытие предполагает сосуществование *gongxi*, а сосуществование определяет бытие. Эта философская логика жизненно необходима для четкого понимания гармонии как принципа отношений между вещами.

Китайская метафизика, как пояснение различий

В повседневных мировых, международных и человеческих социальных связях мы иногда явно видим, а иногда просто ощущаем «инаковость», «неодинаковость», отличие всего китайского: мироощущения, образа жизни, мировоззрения, жизненных ценностей. И это привлекает наше внимание, усиливает интерес к китайской истории, культуре, духовным исканиям мыслителей, форме художественного отображения действительности. Во многом эти различия заложены изначально матерью-природой, о чем говорил Гегель, и определены различными организационными принципами построения общества, убедительно описанные Фэй Сяотунем. Основываясь на древних принципах формирования китайского мира, Чжао Тяньян выдвинул приведенную в этой статье новую концепцию организации мирового политического пространства, отличную от ныне существующей западной системы между-

народных отношений. Предстоит еще исследовать различие политических систем Запада и Китая, роль государства, иерархию ценностей и многие другие вопросы поставленной проблемы.

В начале XXI века, особенно на исходе первого десятилетия, в Китае завершился длительный, длиною в 150 лет, процесс «подгонки» китайской истории, философии, культуры под принятую на Западе «всеобщую», «мировую» историю, философию и культуру. Китай осознал мировое значение своего исторического опыта и культурного наследия. В различных областях знаний ведутся исследования национальных корней, формируется «своя школа», «свои теории», «свой взгляд». Так, например, рассуждая о проблеме существовании и особенностях древнекитайской научной логики и отмечая «фатальное для истории изучения китайской логики на Западе ложное направление поисков», ученые приходят к выводу о том, что со стороны Запада наблюдалась некритическая универсализация исторических закономерностей, на самом деле имевших вполне региональный характер. Данная универсализация опирается на ничем не обоснованное европоцентристское по своей природе допущение единообразия (разумеется по западному образцу) генезиса логики независимо от места и времени ее возникновения. То есть, если в Греции и в Индии логика была связана с диспутами и разрешением трудных проблем, то и в Китае она будто бы обязана была иметь в точности аналогичный характер. Практикуемые и кодифицируемые китайскими мыслителями древности способы образования понятий и задания предметностей, вместе с основанными на них приемами дедукции, являются *полноценной логикой* с современной точки зрения (под «логикой» понимается теория дедуктивного

рассуждения в контексте традиционной логической тематики формирования понятий и введения объектов)³⁶.

В китайской философской мысли не существует дихотомических концепций, таких как, например, метафизика и физика, материальное и духовное, феномен и ценность³⁷. В отличие от западной китайская философия стремится объединить природный космос, нравственный космос и мир искусства. Китайская философия (особенно философия ханьцев) обладает собственным языком, логикой, теорией познания, несходными с западными. «Мы должны освободиться от плена парадигм, структур и категорий обычной западной теории познания, усвоить антиредукционистскую позицию, не стесненную линейными силлогизмами»³⁸. Эта неодинаковость Запада и Китая кроется в фундаментальных различиях между западной и китайской метафизикой. Выделяются четыре не совпадения двух диаметрально противоположных мировоззрений³⁹. «Вещь» и «ценность» (*Fact and Value*). Дихотомия вещь-ценность широко распространена в западной философской традиции. Она послужила основой отказа натуралистов от возможности выведения «что должно быть» из того, «что есть». Именно эта дихотомия дала науке специальный статус искательницы правды. Предполагается, что «вещь» - это объективное, когнитивно многообразное, бесспорное и открытое знание, которое может быть научно доказано и принято рационально мыслящими людьми. «Ценность», напротив, - это субъективное, не когнитивное, противоположное, не открытое знание, которое не может быть научно доказано. Это довольно укоренившийся взгляд. Моральный реализм, утвержденный в конфуцианской метафизике, ставит человека в центр мира реальных ценностей: люди не

создают ценности, т.к. в природном мире ценности существуют сами по себе. Ценность - сама является вещью. Поэтому Роберт Нэвилл (Robert C. Neville) заметил, что китайская традиция является сильнейшим противоядием против разграничения между вещью и ценностью. В соответствии с этим мировоззрением и здравым смыслом, ценность и вещь - это то, что мы можем наблюдать в природе. Однако, говоря о ценности, мы автоматически втягиваемся в этический, а не метафизический дискурс, поэтому представляется достаточно сложным сломать этот барьер.

Законы природы и нормативный принцип для людей (Laws of Nature and Normative Principle for Humans). «Законы природы», как они понимаются в западной традиции, касаются главным образом физических законов, которые управляют физической реальностью: закон гравитации и термодинамики Ньютона, закон относительности Эйнштейна и другие. Эти законы не являются специальными для поведения людей, хотя про них можно сказать, что они управляют всем тем, чем занимается человек. В этой концептуальной рамке мы видим такую укоренившуюся философскую проблему (или философскую запутанность), как проблему разума и тела (mind-body problem): свободная воля против детерминизма (free will versus determinism), эпифеноменализм против умственной причинной связи (epiphenomenalism versus mental causation), превращенности и не превращенности (reductionism versus nonreductionism). Это вопросы, связанные с существованием человека, а также предмет физиалистского мировоззрения и постулирования превосходства законов природы. В этих условиях сложно установить определенный статус человеческого разума. Китайская метафизика, на-

против, начинается с различных категорий нормативных принципов для природы и поведения человека. Метафизика конфуцианства и даосизма определяет Дао в качестве закона всего. «Дао» означает и то, «что есть» и то, «что должно быть». Дао – наглядный закон Неба и Земли и человеческого поведения. Конфуцианство и даосизм по разному трактуют Дао, но сходятся они в общем мировоззрении, где нет разделения между миром природы и миром человеческих отношений. Представляется, что это не простая задача сделать подобное мировоззрение заслуживающим доверия у тех, кто пропитан «разделением».

Знание и Практика (Knowledge and Practice). Западная философская традиция разделяет эпистемологию и этику. Первая имеет дело с знанием, вторая – с действием. Существует особая область западной философии – теория действия, которая связана с мотивационной силой действий человека. Типичной дихотомией этого дискурса является вера и желание: может ли причина быть достаточным мотивом или она должна сопровождаться желанием или страстью. Между знанием и действием существует большой разрыв в эффективности. Иногда люди поступают вопреки своим хорошим расчетам. Это проблема слабости воли (*weakness of the will*). Тем не менее, конфуцианство не разделяет знание и действие. Знания не являются полными, пока не подтверждены практикой. В неоконфуцианстве, идет ли речь о доктрине единства знания и действия Ван Янмина или утверждения Чжу Си о том, что знания и действия нуждаются друг в друге, всегда акцентируется внимание на неразделенности знания и действия, не предполагающее деление между субъектом и объектом. В связи с этим, китайская эпистемология может добавить различные измерения

к западной эпистемологии, однако для этого требуется найти подходящий язык и приемлемую дискуссию.

Метафизика и Человеческое Существование (Metaphysics and Human Existence). На Западе метафизиков иногда называют «звездочетами» (*star-gazers*). Предполагается, что метафизика – это всегда поиск первичной реальности, которая за пределами человеческого восприятия закрыта для него. Если это действительно так, то метафизика мало что может сделать для человеческой жизни, его проблем и процветания. Однако китайская метафизика весьма тесно связана с существованием человека. Кеннет К. Инада (*Kenneth K. Inada*) отмечает, что в то время, как западная традиция уклоняется от соединения человеческого существования и природы, восточная традиция обычно ищет более глубокую оценку тесной связи человечества и природы. Принимая во внимание китайское метафизическое мышление, Ян Гожун высказывался за новые формы моральной метафизики. Он утверждал, что метафизика не должна отделяться от конкретного человеческого существования и настаивал на том, что метафизика должна интегрировать измерение человеческой истории и человеческого общества, человеческую мораль и ценности, человеческий язык и знание и т.д. Далее он определяет «первичное беспокойство», как вопрос об источнике смысла нашего существования, а не вопрос о некоей неизведанной области. Китайская метафизика сильна своим гуманистическим началом.

Сегодня Китай самая открытая страна мира, которая усвоила почти всю культуру и идеи Европы и создала для своей страны на сегодняшний день самые разнообразные культурные ресурсы. Можно утверждать, что европейская культура стала частью китайской культуры, европейские

идеи стали частью китайских идей. Для своего дальнейшего развития Китай создал новую богатую основу. Напротив, Европа восприняла очень мало из китайской культуры, и почти ничего не стало частью европейской культуры. Это собственная закрытость и ограниченность Европы⁴⁰.

Ссылки:

1 Zhao Tingyang. All-Under-Heaven and Methodological Relationism. An Old Story and New World Peace, in Contemporary Chinese Political Thought: Debates and Perspectives. Edited by Fred Dallmayr and Zhao Tingyang. Kentucky. 2012. El. edition. Loc 891.

2 Грачиков Е.Н. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1, с. 159-171.

3 Zhao Yujia China and Orientalism: Western Knowledge Production and the PRC by Daniel F. Vukovich//Political Studies Review. Vol. 11, Issue number 2, May 2013, p. 305.

4 Г.В.Ф. Гегель. Лекции по философии истории / перевод А.М. Водена. СПб., 2000, с. 134.

5 Работа М. Вебера «Хозяйственная этика мировых религий» не переведена на русский язык, поэтому я использовал монографию российского философа А.Б. Рахманова «Социальная философия Макса Вебера: Метаморфозы и кризисы» (М., 2012), в которой исследуется эта работа великого немецкого социолога.

6 Г.В.Ф. Гегель. Указ. соч., с. 135.

7 Л.С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 132.

8 Лоу Яолян говорит, что самоназвание «Чжунго (Китай)», центральное государство, имеет следующую логику происхождения: «центральные земли», «центральные области», «центральная равнина», «цент-

ральный Китай». Lou Yaoliang. Diyuanzhenzhi yu Zhongguo guofang zhanlue. Tianjin. Tianjin renmin chubanche. 2002 nian. (Лоу Яолян. Геополитика и стратегия национальной обороны Китая).

9 Zhang Zhizhong. Zhongguo duiwai guanxi xinlun: Diyuan zhenzhi yu mulin waijiao yanjiu. Xiangang: Lizhi chubanshe, 2008. (Чжан Чжизун. Перспективы внешних отношений Китая: Геополитика и дипломатия добрососедства).

10 Li Zhaojie (James Li). Traditional Chinese World Order.

<http://chinesejil.oxfordjournals.org/content/1/1/20.full.pdf>

11 Г.В.Ф. Гегель. Там же, с. 157.

12 Wittfogel K.A. Oriental despotism: a comparative study of total power. – New Haven: Yale University Press, 1957. Еще в 1931 году Виттфогель в работе «Хозяйство и общество в Китае» стал развивать марксову догадку об особой социально-экономической структуре азиатских стран. Подробнее о теории Виттфогеля см.: К. Галеев. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика// Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011, с. 155-180.

13 Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.

14 Меликсетов А.В. Бюрократический капитал в Китае (Экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927-1937 гг.). М., 1972.; Социально-экономическая политика Гоминьдана. 1927-1949 гг. М., 1977.

15 Васильев Л.С. Становление политической администрации// Народы Азии и Африки, 1980, № 1; Власть-собственность политического лидера в древнем Китае//Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1980.; «Предисловие» и «Феодальный клан в Китае»//Социальные организации в Китае. Сборник статей. М., 1981.

16 Васильев Л.С. Проблемы ге-

незиса китайского государства. М., 1983.

17 Фэй Сяотун. Сельский Китай. Пекин. 2008 (Xiangtu Zhongguo/Fei Xiaotong zhu. – Beijing: Renmin chubanshe, 2008).

18 “Differential mode of association” – такой перевод с китайского на английский предложен Гари Хамилтоном (Gary G. Hamilton) и Ван Чжэном в предисловии (Fei Xiaotong and the Beginning of a Chinese Sociology) к книге “From the Soil: The Foundation of Chinese Society”. London. 1992, p. 18-23.

Chaхu geju: “cha” означает «различность», «неодинаковость», “хu” – «порядок», “geju” – «модель», «конструкция».

19 Лекции и эссе, оформленные затем в книгу «Сельский Китай», изначально предназначались для китайских студентов.

20 Фэй Сяотун рассуждает о сохранении термина «семья», которое в китайском языке можно обозначать такими словами, как: jia, jialide, jiamen, zijia-gep. В английском языке существует только одно слово – family, в русском – семья.

21 Фэй Сяотун. Указ. соч., с. 28.

22 Фэй Сяотун. Указ. соч., с. 29. О пространственных отношениях каждого китайца можно прочесть так же в эссе современного китайского социолога Дэн Вэйчжи «Сила пространства», впервые появившееся в газете «Аньхуэй жибао» (25.06.1991) и опубликованное в его сборнике «Я – это Я» (Wo jushi Wo/Deng Weizhi zhu. Shanghai. Sanlian shudian. 1993).

23 “Organizational mode of association”. См. пояснения к сноске 11.

24 Non-Western International Relations Theory: Perspectives and Beyond Asia Ed. by Amitav Acharya and Barry Buzan. N.Y., 2010.

25 Amitav Acharya. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West.

Millennium: Journal of International Studies no. 39(3), 2011: 619.

26 Amitav Acharya, Barry Buzan. Ibid.

27 Giorgio Shani. Toward a Post-Western IR”: The Umma, Khalsa Panth, and Critical International Relations Theory, in International Studies Review. 2008. Vol. 10.

28 Dibyesh Anand. Geopolitical Exotica: Tibet in Western Imagination. University of Minnesota Press. 2007.

29 The Expansion of International Society. Ed. by Hedley Bull and Adam Watson. Oxford. 1984; Barry Buzan and Richard Little. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford. 2000.

30 На Западе существует довольно обширная литература по «китайскому мировому порядку». Для примера можно назвать: The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations, ed. by John K. Fairbank, Cambridge, 1968; A Confucian Constitutional Order. Edited by Daniel A. Bell and Fan Ruiping. Princeton. 2013; Agnew, John and Corbridge, S. Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy. L. 1995; Kang David C. East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. N. Y., 2010.

31 Ren Xiao. East Asian Order and China’s Role: A Historical Perspective. URL: [http://www.jp/pdf/57-1/2pdf\(2011\)](http://www.jp/pdf/57-1/2pdf(2011)).

32 Qin Yaqing. Ibid.

33 Qin Yaqing. “Why is there no Chinese international relations theory?” in “Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia”. Ed. by Amitav Acharya and Barry Buzan. L. & N. Y., 2010, p. 35.

34 Впервые появилась в виде нескольких статей в 2003 г. Теория изложена в книге: “Tianxia tixi: shijie zhidu zhexue daolun / Zhao Tingyang zhu. Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe”, 2005 (Чжао Тинян. Система Поднебесная: философское введение в мировую организацию).

35 Последняя, исправленная и дополненная, версия теории, которой я пользуюсь, была опубликована самим автором на английском языке в китайском сегменте Интернета 8 июня 2012 г.: www.zhongdaonet.com: A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven. Zhao Tingyang.

36 Крушинский А.А. Проблема древнекитайской логики. Доклады ИДВ РАН – 2011. М., 2012, с. 219.

37 “Fanxiang geyi” yu Zhongguo zhexue yanjiude yinjing – yi Laozi zhi daoquan shi weilie//Nanjing daxue xuebao zhexue renwen kexue shehui kexue, 2006 (Лю Сяогань. Дилемма “обратной аналогичной интерпретации” – примеры из области исследований Дао Лао Цзы).

38 Го Циюн. Исследования в области китайской философии в КНР за последние тридцать лет / Человек и культура Востока: Исследования и переводы. М., 2012, с. 17.

39 JeeLoo Liu. Reconstructing Chinese Metaphysics // Journal of East-West Thought. Inaugural Issue, December 2011, p. 154-157 (Part III. Fundamental Differences between Western Metaphysics and Chinese Metaphysics).

40 Meiyou shijieguande shijie: zhengzhi zhexue he wenhua zhexue wenji/Zhao Tingyang zhu. – Beijing: Zhongguo renmin chubanshe, 2005, (Чжао Тинян. Мир без мирового взгляда: сборник эссе по политической и культурной философии).

Адаптация украинских иммигрантов в Канаде и в России в конце XIX – начале XXI веков*

Завьялов А.В.

В статье рассматриваются изменения адаптационных стратегий украинских иммигрантов в исторической ретроспективе по трем типам: индивидуальному, социальному и институциональному. Проводится сравнительная характеристика стратегий адаптации современных украинских иммигрантов с более ранними волнами по данным проведенного исследования, а также по анализу вторичных источников. Автор рассматривает стратегии адаптации как изменяющийся со временем процесс, анализирует факторы, влияющие на него.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, украинские иммигранты, стратегии адаптации.

Zavialov A.V.

Adaptation of Ukrainian immigrants in Canada and in Russia at the end of XIX – the beginning of XXI centuries. This article is about the changing of adaptation strategies of Ukrainian immigrants in historical perspective of three types: individual, social and institutional. Comparative analysis of adaptation strategies of modern Ukrainian immigrants conducted according to the research, as well as the analysis of secondary sources for earlier waves. Author examines the strategies of adaptation as a time-varying process, analyzes the factors that contribute to it. Key words: migration, immigration, Ukrainian immigrants, adaptation strategies.

* Статья написана по материалам гранта Президента МК-480.2013.6 «Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерные аспекты» (руководитель – О.А. Полюшкевич).

Адаптация мигрантов – процесс приспособления, активного освоения личностью или группой людей новых для нее социальных условий, новой социальной среды. В современной социологии она в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность / социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть оказывающими активное воздействие друг на друга. Адаптацию в нашем случае можно определить как процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды.

Источником актуализации социокультурной адаптации в иноэтнической среде является объективно складывающееся противоречие между интернализированным этнокультурным фреймом, привычными потребностями, интересами мигрантов, устоявшейся моделью их социальной активности (групповая этническая идентичность мигрантов) и новыми общественными условиями их жизнедеятельности, изменившимися статусными характеристиками (идентичность принимающего сообщества).

Отметим, что следует различать адаптацию как процесс и адаптированность как результат (итог процесса социальной адаптации). Выделяют объективные и субъективные критерии адаптированности. Объективные – степень реализации индивидом норм и правил жизнедеятельности, принятых в данной социальной группе; субъективные – удовлетворенность членством в данной социальной группе, предоставляемыми условиями для удовлетворения и развития основных социальных потребностей [1].

Видя всю сложность процесса адаптации мигрантов, заинтересованные государства начинают разрабатывать свои программы для упрощения этого процесса. Так, в таких странах, как Канада, Бельгия, Швеция разработаны четкие адаптационные механизмы: для них открыты школы по изучению национального языка, их детей без проблем берут в школы и детские сады, работают социальные службы, деятельность которых направлена на психологическую помощь и помощь при трудоустройстве, государства поддерживают институт диаспор как средство быстрой адаптации, поскольку «свои люди» быстрее введут нового мигранта в «курс дел» в новой для него стране, что позволит мигранту мягче и быстрее освоиться в новых реалиях, избежать множества острых социальных углов и найти свое место в новом социуме.

Методологические основания изучения миграционных перемещений и адаптационного поведения были заложены в 1920-1930-х гг. в работах А. Смолла и Р. Парка, рассматривавших общие и частные вопросы структуры социального пространства и его процессуальной динамики. Субстанциалистский подход к изучению социального пространства исследовали П. Сорокин, Г. Блумер, структуралистские модели со-

циального пространства заложены в трудах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, К. Маркса, П. Бурдьё, Э. Гидденса [2]. Социологическая теория социальной адаптации отражается в работах М. Вебера, Р. Мертон, Ф. Бока. Затем в западных социологических теориях взаимосвязь миграционных и адаптационных моделей поведения была подвергнута анализу с позиций динамики рынка труда, поскольку каждая этническая волна иммигрантов начинала свою адаптацию с восхождения по лестнице рабочей силы (Э. Хьюз).

В 1990-е значительный интерес среди западных мигросоциологов к ценностным предпочтениям и моделям адаптационного поведения иммигрантов русского происхождения был вызван резко увеличившимся после распада СССР иммиграционными перемещениями из России в США и страны Западной Европы. Так, по Д. Дирксу, длительная адаптация русских эмигрантов сопровождается значительной переоценкой ценностей и утратой прежних иллюзий [3: 202]. Работы западных мигросоциологов Р. Аплейарда, Д. Мейснера, А. Наша, М. Шенсона направлены на разработку социального мониторинга и конкретных факторов совершенствования миграционной политики в США и странах Западной Европы.

В отечественной науке изучение проблем адаптации мигрантов охватывает три исторических этапа. В конце XIX и первой четверти XX в. проводились исследования переселенческих движений с южных и центральных районов России за Урал. Изучались вопросы адаптации переселенческих крестьянских хозяйств к климатическим условиям северных территорий и геополитические последствия миграционных движений с Запада на Восток. Второй этап (1930-е – 1980-е) связан с изучением миграционных потоков на территории

СССР: процессы адаптации трудовых мигрантов в индустриальных районах страны, социальные и духовные факторы приспособления сельских жителей к городскому образу жизни, маятниковая миграция населения пригородных зон крупных и средних городов. В 1980-е изучаются региональные аспекты миграции [2]. В работах Н.Б. Баркалова, Л.В. Макаровой, Г.Ф. Морозовой, Н.В. Тарасовой, Б.С. Хорева основное внимание сосредоточено на системном анализе миграционных потоков, присущих отдельному региону. Территориальный фактор миграции был исследован на статистическом материале миграционного обмена между городом и селом. Следует отметить, что, сосредоточив внимание на адаптации трудовых мигрантов в промышленных районах крупных городов страны, советские мигросоциологи создали экономическую модель адаптации, применимую лишь для плановой системы народного хозяйства и доминирования централизованных структур управления миграционными процессами.

Качественные преобразования в постсоветском миграционном пространстве коренным образом изменили представления о природе миграционных процессов. С начала 1990-х начинается третий этап в исследовании адаптации мигрантов, который представляют современные исследователи Т.Д. Иванова, Ж.А. Зайончковская, Ф.С. Холбобоев (проблемы адаптации вынужденных мигрантов в Центральной России), Л.В. Макарова, Г.Ф. Морозова, Л.Л. Рыбаковский, Н.В. Тарасова, В.Д. Шапиро (социологическая теория адаптации мигрантов и теоретическое моделирование миграционного поведения) и т.д. [2]. Процессы адаптации мигрантов рассматривались со стороны разных дисциплин, но компаративный анализ украинских мигрантов в науке отсутствует, что и

стало поводом для проведения нашего исследования.

Украинцы, как одно из наиболее крупных этнических меньшинств Канады (провинции Онтарио) и России (Иркутской области), также принимают непосредственное участие в миграционных процессах. Украина сегодня является одной из стран с наибольшим оттоком рабочей силы, трудовых ресурсов. Распад Советского Союза привел к кризису в хозяйственном комплексе Украины, временной безработице и социальной напряженности, что и послужило толчком для новой волны украинской эмиграции. Украинские эмигранты выбирают различные государства для работы и дальнейшего обустройства, такие как США и страны Западной Европы, однако Канада и Россия являются для них наиболее притягательными точками. Это связано с тем, что в Канаде достаточно большую роль играет институт диаспоры, а в России схожие с Украиной социальные реалии, также в обеих странах уровень заработка и жизни выше, чем в Украине.

Четко определить исторические рамки начала эмиграционных процессов из Украины не представляется возможным, поскольку единичные случаи эмиграции регистрируются еще со времен Средневековья. Однако уже в XVIII в. в Европе, Турции и Сибири присутствовали малочисленные политические эмигранты (в случае с Турцией и Европой – бегство, а в случае с Сибирью – ссылки).

На данный момент выделяют четыре волны массовой украинской эмиграции. I волна началась в 1870-х, и длилась до начала I Мировой войны. Массовая трудовая эмиграция из Австро-Венгрии в США началась в 1877, в Бразилию – в 1880-е, в Канаду – в 1891; из европейской части Российской империи в Сибирь и на Дальний Восток – с конца XIX в. До I

Мировой войны со своих этнических земель в Северную и Южную Америку выехало около полумиллиона украинцев. К 1920 украинская заокеанская диаспора увеличилась до 750 тыс. чел., а европейская – до 600 тыс.

II волна охватывает межвоенный период. Она была обусловлена совокупностью социально-экономических и политических причин. В период с 1920 по 1939 из Западной Украины в Южную Америку эмигрировало 60 тыс. чел., во Францию – 35 тыс. чел., в Канаду – 70 тыс. чел.

III волна началась в конце II Мировой войны. Это были преимущественно беженцы из британской, американской и французской оккупационных зон. Значительную часть составляли силой вывезенные на принудительные работы в Германию, а также военнопленные, которых советское руководство считало предателями. Большинство эмигрировали в Канаду, США, Австралию, Великобританию, Аргентину, Бразилию и Францию [4: 13-47].

IV волна (так называемая «рабочая») началась в 1989, когда выезд из СССР стал вполне легальным. Основной размах она приобрела в 1990-х. Ее главная причина – тяжелое экономическое положение страны. Она продолжается по сей день.

В связи с тем, что границы СССР долгое время были закрытыми, произошло условное разделение украинской диаспоры на западную (Европа, Америка) и восточную (страны бывшего СССР).

Украинские диаспоры в России и в Канаде являются самыми большими украинскими диаспорами в мире [5: 8-11], а также одними из самых «старых» в своих государствах.

Особенности исследования

В Канаде и в России нами было проведено исследование среди украинцев провинции Онтарио и Иркутской области. Нами были выбра-

ны данные административные единицы, потому что они являются одними из самых больших в своих странах, в них похожие климатические условия, характер украинской миграции до II Мировой войны в них относительно схожий, и по состоянию на 1990 количество проживающих в них украинцев схожее (в 1981 в Онтарио 134 тыс. чел. [6: 153], в 1989 в Иркутской области 97,5 тыс. чел. [7]). Однако дальнейшая динамика миграционных процессов кардинально отличается друг от друга.

В обеих странах в исследовании приняли участие 30 человек. Обязательные критерии при отборе интервьюированных – факт эмиграции из независимой Украины и наличие канадского / российского гражданства. В нашем исследовании в Канаде приняло участие 15 чел. в возрасте от 21 до 57 лет, 7 мужчин и 8 женщин, проживающих в провинции Онтарио (г. Оттава, Торонто, Лондон, Виндзор, Ниагара-Фоллс); в России – 15 чел. в возрасте от 22 до 59 лет, 6 мужчин и 9 женщин, проживающих в Иркутской области (г. Иркутск, Ангарск, Братск, Усть-Илимск). Анкета состояла из 14 базовых вопросов, ответы на которые в дальнейшем были сгруппированы.

Мы рассмотрели стратегии адаптации украинских иммигрантов по трем типам: индивидуальная, социальная и институциональная.

Индивидуальная стратегия адаптации проявляет себя в принятии решения об эмиграции, процессе эмиграции, прибытии и обустройстве на новом месте, самостоятельном поиске жилья и работы, изучении языка. В процессе обустройства на новой земле вырабатывается социальная стратегия адаптации (она тесно переплетается с индивидуальной в том случае, если человек эмигрирует не один, а с группой или семьей) – более активно развиваются социальные связи, человек уже не

чувствует себя одиноким, а кооперируется с группой единомышленников с целью скорейшего благоприятного обустройства, заводит связи и знакомства. Институциональная стратегия выражается в создании сообщества-диаспоры, помогающего в разрешении каких-либо вопросов как «старым» иммигрантам, так и «новым». Особенно ее роль повышается в процессе формирования действенной этнической инфраструктуры.

Исторические условия иммиграции украинцев в Канаду и в Россию

Первые украинцы в Канаде – Иван Пылыпив и Василь Елыняк, родом из села Небылов, прибыли в Канаду 6 сентября 1891. Инициатором массовой эмиграции украинцев в Канаду считают Йосыпа Олеськива, известного популяризатора эмиграции из Галиции и Буковины в конце 1890-х. В 1895 он посетил Канаду и был в восторге от ее возможностей в развитии сельского хозяйства. Его публичные лекции и брошюры имели большой успех на украинских этнических землях Австро-Венгрии, что и поспособствовало началу массовой эмиграции из Австро-Венгрии в Канаду. I волна массовой эмиграции продолжалась до 1914, охватив более 170 тыс. чел., именно в те времена началось формирование украинской этнической группы в Канаде.

В конце XIX в. правительство Канады практически бесплатно раздавало земельные наделы на западе страны с целью решения проблемы освоения «Дикого Запада». Было единственным условие – начать сельскохозяйственную деятельность в течение трех лет. Канадское министерство внутренних дел умудрилось даже развернуть активную агитацию на западноукраинских землях, что также поспособствовало эмиграции новых канадских граждан. Они сели-

лись общинами в целинном поясе провинций Альберта, Саскачеван и Манитоба. Основывая моноэтнические поселения, они хоть и образовывали гомогенное закрытое пространство, но делали это с целью моральной и материальной поддержки и взаимовыручки, создавая в своих поселениях всю инфраструктуру для сохранения своего микроциума: церковь, школу, общинное самоуправление, поскольку и климатические, и политические, и экономические условия жизни крестьян в Канаде на первых порах были далеки от того, чтобы назвать их благополучными.

Для Первой волны украинской эмиграции было очень важно, что все в Канаде на собственном участке было бесплатным и оставалось исключительно для потребления украинским пионером, в то время как в Австро-Венгрии приходилось платить даже за сбор древесины, строительство домов и их отопление.

Однако и без бед не обошлось. В 1914 Канада объявила войну Австро-Венгрии, а истерия Первой мировой войны дошла до того уровня, что правительство Канады признало украинцев с австро-венгерским подданством «союзниками врага». В результате около 5 тыс. этнических украинцев оказались в специальных лагерях интернированных и на принудительных работах на год. В 2005 премьер-министр Канады Пол Мартин назвал интернирование «грустной страницей в истории Канады» и выделил 2,5 млн. канадских долларов на образовательные и памятные мероприятия.

Вторую волну эмиграции составляют прибывшие в Канаду в 1920-1941. В 1923 в Канадский Иммиграционный Акт были внесены изменения, позволявшие эмиграцию из бывших вражеских государств – это привело к переселению около 68 тыс. украинцев, главным образом из Га-

лиции и Волыни. В истории украинской диаспоры Канады этот период определяется как «консолидация украинской этнической группы»: создаются сильные общественные организации и рабоче-крестьянские движения, способные отстаивать свои интересы в обществе.

Третья волна миграции проходила с 1945 по 1980-е и состояла преимущественно из так называемых «перемещенных лиц», то есть переезжавших в результате Второй мировой, бежавших от разрухи в Европе. Огромное количество украинцев, переселившееся в Канаду, заставило задуматься украинские общественные организации о консолидации своих усилий на благо украинского сообщества Канады, о повышении престижа диаспоры, а также о помощи иммигрантам Третьей волны. В середине 1960-х Комитету украинцев Канады удалось объединить основные украинские организации Канады и, наконец, начать плодотворную работу на благо диаспоры.

В это время происходит переворот в укладе жизни украинцев Канады. Если раньше украинцы селились преимущественно в сельских районах Альберты, Манитобы, Саскачевана (Первая и Вторая волна) и Онтарио (Третья волна), и их было не очень много в таких мегаполисах Канады, как Торонто и Монреаль (Третья волна), то теперь дело обстоит абсолютно по-другому. В конце XX в. Онтарио выходит на лидирующие позиции по количеству проживающих украинцев в Канаде [8: 3-21].

Четвертая волна эмиграции началась в 1989, когда выезд из СССР в другие страны стал вполне легальным. Благодаря эмигрантам из IV волны канадский украинский массив приобрел абсолютно другие формы, а также изменился сам характер восприятия украинской эмиграции, поскольку в 1991 Украина стала независимым государством. По данным

переписи населения 2006, в провинции Онтарио проживало 336 тыс. украинцев (2,77% от населения провинции) [7].

Иммигранты первых трех волн не стремились и не стремятся «потеряться» в канадском обществе: они селились деревнями, селами, районами в городах, создавая подходящую для себя этническую инфраструктуру (детские сады, школы, кружки по интересам, общественные организации, передачи на радио и телевидении – и все это по сей день существует и действует). Их этнолингвистическая групповая солидарность помогла им не только самим остаться украинцами на «новой земле», но и воспроизвести самих себя (их дети также считают себя украинцами). Во времена первых трех волн каждый выживал как мог, и групповая солидарность играла на тот момент огромную роль, ведь «только свой поймет и поможет», от других ждать помощи не приходилось [9: 386-399]. Завоевывая все новые высоты, украинская община стала и остается по сей день одной из самых влиятельных в Канаде. Сегодня украинцы представлены во власти на всех уровнях (как правило, это иммигранты Третьей волны и их потомки).

Сибирь, с некоторыми оговорками, можно считать особым примером украинской эмиграции. Ее обычно не делят по волнам, потому что промежутки прерывания небольшие, и до 1990 она относительно стабильна. Отметим также, что эмиграция в Сибирь далеко не всегда была делом добровольным. Часто, при помощи административного ресурса, сюда переселяли людей для ее освоения, образуя, таким образом, уникальную сибирскую мозаику народов.

Миграция в XVII-XIX вв. имела преимущественно принудительный характер. Первые украинцы в Сибири появились в 1642. Тогда на реку Лену были сосланы казаки из Слободской

Украины с семьями, всего 188 чел. В конце 1650-х были сосланы сторонники гетмана Ивана Выговского, а в 1660 – противники гетмана Ивана Брюховецкого. В 1670 сослали гетмана Украины Демьяна Многогрешного со всеми родственниками и их семьями. Сам он отбывал заключение в Иркутской тюрьме, из которой был освобожден только в 1688, и пострижен в монахи. Затем, в 1680-х был сослан гетман Иван Самойлович. После Полтавской битвы 1709 в регионе появилось немало сторонников гетмана Мазепы. Через полвека, в 1768, в результате ликвидации Гетманщины, в Сибирь была сослана часть украинской казацкой старшины, а немногим ранее на каторгу были осуждены участники Колиивщины.

В начале XIX в. в Сибирь ссылали по решению суда, либо в административном порядке. Среди ссыльных можно увидеть украинских декабристов, членов Северного и Южного общества Объединенных Славян, революционных народников, социал-демократов, участников крестьянских восстаний, некоторых общественных и культурных деятелей.

Некоторым переселившимся украинцам (как правило, не ссыльным, а посланным по «царским делам») удавалось пробиться в высшие эшелоны власти, добиться успехов в науке и церковной жизни. (Н. Сулима, Г. Новицкий, Ф. Лещинский, И. Максимович, И. Нерунович, С. Кристалевский, И. Кульчицкий и т.д.).

Добровольный выезд украинских крестьян начался с конца 1860-х. Отмена крепостного права и вставшая затем проблема малоземелья и безземелья крестьян повлекла значительное увеличение иммиграции за Урал, в первую очередь на юг Сибири, где земля как раз была предназначена для земледелия. Эмиграция из Украины стала массовой после постройки Транссибирской магист-

рали. Число украинцев, переселяющихся в Прибайкалье, заметно увеличилось после 1906, с началом аграрной реформы, связанной с именем П.А. Столыпина.

Население Иркутского региона не понесло больших потерь во время гражданской войны, революции и голода 1921-1922, в то же время почти остановился приток иммигрантов из других частей бывшей Российской империи. Однако ближе к 1930-м численность украинцев снова начинает возрастать. Здесь мы уже видим как добровольно переселившихся, так и репрессированных.

С началом ВОВ из УССР за Урал было эвакуировано, вместе с персоналом, огромное количество заводов и фабрик. Часть из них была размещена в Прибайкалье. Также в Иркутской области было множество спецпереселенцев из Западной Украины, обвиненных в пособничестве УПА и отправленных на принудительные работы, а также заключенных в системе концентрационных лагерей ГУЛАГ.

С начала 1950-х начался новый этап миграционного обмена Иркутской области с Украиной. Тогда в Иркутскую область массово приезжали студенты, рабочие, строители БАМа и других строек-гигантов.

С 1950-х по 1989 наблюдается «волновая» динамика численности украинцев в Иркутской области: сначала уменьшение, потом постепенное увеличение. Первичное уменьшение связано с ликвидацией последствий Второй мировой войны: хозяйственная деятельность приходит в норму, некоторые заводы и фабрики переводятся обратно в Украину, население возвращается на свои земли. Причиной последующего увеличения украинского населения являются освоение ресурсной базы Сибири в 1970-1980-х и всесоюзные ударные стройки (БАМ и другие железнодорожные пути, различ-

ные ГЭС, ТЭЦ и прочие экономические объекты) [10].

Иммигранты конца XIX – начала XX в. не стремились «потеряться» в сибирском обществе, ведь они селились целыми деревнями и селами. Однако с установлением советской власти началось конструирование особого типа «советского человека». И поскольку людям уже было «все равно», кто к какой этнической группе относится, не было и особого стремления в воспроизводстве этнической группы на «чужеродной» почве: большинство детей украинских иммигрантов / переселенцев уже ощущают себя русскими, этнолингвистическая групповая солидарность практически отсутствовала. Важно было «быть как все» и относиться к большинству. Все они знают русский язык и хотят поскорей влиться в новую среду, остаться, жить и работать в Сибири, стремление сохранить свой язык и элементы культуры проявляется уже в меньшей степени, чем у канадских украинцев. Нежелание каким-либо образом выделяться из общей массы также присутствует.

Начиная с 1990 прибайкальский украинский массив приобретает совершенно другие формы, наблюдается резкое снижение количества украинцев (в области с 1989 по нынешнее время – более чем в 3 раза, по данным Переписи населения 2010, в области проживает 31 тыс. украинцев) [7]. Главная причина – распад СССР. Многие стали уезжать с насиженных мест на историческую родину из-за безработицы, развала хозяйственного комплекса, по семейным обстоятельствам. Также их численность падает из-за резкого падения темпов новой иммиграции и увеличивающихся темпов «старения» диаспоры. Немалую роль сыграл и вопрос самоидентификации: часть украинцев перестали воспринимать себя украинцами [11: 29-43].

Результаты исследования

Различия в характере адаптации канадских и сибирских украинцев видны с самого начала массовых процессов украинской эмиграции. Канадские украинцы конца XIX – начала XX в. селились обособленно от своих соседей-представителей других этнических групп. Они создавали закрытые сообщества со всей необходимой для них инфраструктурой, взаимодействие с внешним миром происходило только в случае работы «вахтовым методом», или же при взаимодействии с государственными органами. А отличительной особенностью сибирских украинцев от канадских являлось то, что для них этничность выступала не только как фактор дифференциации от других этнических групп переселенцев, но и как фактор консолидации как внутри сообщества, так и с другими народами, населяющими данную территорию. Многие поселения в Сибири уже в те времена имели смешанный этнический состав.

Закрытый характер украинского сообщества Канады, и Онтарио в частности, привел к созданию очень крепкой диаспоры: на протяжении всего XX в. и по сей день создаются и существуют различные общественные украинские организации, школы, детские сады, финансовые учреждения и т.д. Новые иммигранты покинули Украину в большинстве своем из-за экономических и финансовых трудностей, и в Канаде развивается институт поддержки иммигрантов. Социальный групповой опыт, пережитый украинской диаспорой Канады (закрытый социум конца XIX – начала XX в., интернирование начала XX в., послевоенный опыт, языковая обособленность и этническая дифференциация на протяжении всего времени существования диаспоры) заставляет их задуматься о трудностях, с которыми могут столкнуться новые иммигранты постсоветско-

го времени. Как следствие, создаются учреждения для помощи иммигрантам, существующие и поныне. Что же касается Сибири, и Иркутской области в частности, то отсутствие закрытого сообщества (кроме конца XIX – начала XX в., когда они существовали) приводит к размыванию этнических границ и быстрой ассимиляции детей иммигрантов. Дети, рожденные в семьях украинских переселенцев в Сибири, не так активно ассоциируют себя с украинцами, как мы это видим в случае с канадскими украинцами. Какие-либо общественные объединения по этническому признаку в советское время не создавались, не было предпосылок и возможности для развития этнической групповой солидарности. В дореволюционное время в Иркутске существовал общественный украинский кружок «Громада», а уже после распада СССР в Иркутской области официально зарегистрировано 2 общественных украинских организации (в Иркутске и Усть-Илимске). Между тем, в Онтарио таковых организаций насчитывается более 50, и все они очень разноплановы (в других провинциях страны их также немало). В России, и в Иркутской области в частности, вообще отсутствует какая-либо помощь украинским иммигрантам со стороны украинской диаспоры, что также создает благодатную почву для ассимиляции украинцев.

Говоря о лингвистической составляющей украинской диаспоры Онтарио и Иркутской области, то стоит сказать, что канадские украинцы в своей среде практически все украиноязычны. Язык является основным фактором определения себя как украинца. Однако в последнее время растет удельный вес русскоязычных украинцев (которые, естественно, также владеют и украинским языком), и для них никаких преград в среде диаспоры не создается. В Иркутской области же в среде украинс-

кой диаспоры количество украиноязычных и русскоязычных украинцев приблизительно одинаковое. Язык здесь вообще не играет никакой роли, здесь важен сам факт принадлежности (в прошлом, в настоящем или корнями) к Украине. Говоря же о взаимодействии с социумом, то у иркутских украинцев не возникает каких-либо проблем с языком, все они владеют русским в достаточной степени. Что касается новых иммигрантов-украинцев Онтарио, то они пользуются курсами английского и французского языков для иммигрантов, которые организовываются правительством Канады [12: 26-36].

В региональном аспекте новые иммигранты в Канаде и в России представляют все регионы Украины: от запада до востока. Однако так было далеко не всегда. В конце XIX – середине XX в. в Канаду эмигрировали в основном с западных регионов Украины (входивших тогда в состав Австро-Венгрии, а затем Польши), а в Сибирь и на Дальний Восток – с центральных и восточных регионов Украины (входивших в состав Российской империи и СССР). После Второй мировой войны эмиграция из Украины в Канаду прекращается, вся Украина входит в состав СССР, и эмиграция идет уже в различные уголки СССР, в том числе и в Сибирь.

Новых украинских иммигрантов Канады и России отличает и то, что в Россию украинцы неподготовленными на постоянное место жительства не едут. Они обязательно имеют с собой некоторый капитал и наработанные связи. В силу отсутствия какой-либо помощи они не могут позволить себе, как канадские украинцы, приехать незначительной суммой денег в кармане и начать новую жизнь. Социальные реалии принципиально отличаются. Однако, несмотря на это, респонденты в обоих государствах отмечают, что их жизнь

стала лучше и они не жалеют об эмиграции. Все опрошенные отметили, что в Украине они имели заработок «средний или ниже среднего», а на новой земле они смогли самореализоваться, стали больше зарабатывать, смогли воплотить свои задумки в жизнь и могут позволить себе то, чего не могли позволить в Украине.

Также между иркутскими и онтарийскими украинцами есть разница в юридическом аспекте эмиграции: в России украинские иммигранты, как правило, легальны с самого начала своего пребывания здесь, в Канаде же далеко не всегда. Некоторая часть предпочитает получить туристическую визу, и только потом уже, по прибытии, оформлять иммигрантские документы и оставаться. Для эмигрирующих из Украины в Канаду характерно само стремление хотя бы просто оказаться в Канаде, а иммигрирующие в Россию предпочитают не рисковать, и сразу же оформляют все документы. Им еще проще в том плане, что для них виза не требуется.

Новые иммигранты обоих государств предпочитают переезжать не по одиночке, а какой-либо группой (семья, единомышленники и т.д.). При помощи родственной взаимовыручки и дружеского содействия, групповой наработке социальных связей облегчается процесс их адаптации.

Украинские иммигранты как Канады, так и России отмечают, что для обустройства на новой земле им понадобилось в среднем 5-6 лет. Они получили гражданство, нашли работу, обзавелись семьями, в их жизни появилась относительная стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Практически все они довольны своей «новой» жизнью и никто не жалеет о смене места жительства.

Как канадские, так и российские украинцы отмечают, что с признаками явной дискриминации они не

сталкивались ни в Онтарио, ни в Иркутской области. Канадские украинцы лишь отметили, что на первых порах из-за незнания языка приходится сложно в плане того, что к иммигранту относятся «снисходительно-пренебрежительно», и не важно в какой провинции это происходит (повсеместная практика). Некоторые российские украинцы особо заострили внимание на отсутствие дискриминационных практик в Сибири, и в Иркутской области в частности, и на их наличие в европейских регионах страны.

Многие респонденты уже обзавелись детьми, и их дети прекрасно социализируются как в канадском, так и в российском обществе. У канадских украинцев стремление сохранить свой язык и какие-либо элементы украинской культуры несколько выше, чем у российских. Если у канадских украинцев в семьях, как правило, разговаривают по-украински (есть и исключения, когда говорят, например, по-английски), то у российских же – разговаривать дома по-украински – это скорее исключение, нежели правило. Дети канадских украинцев в большинстве своем определяют себя как украинцы, а дети российских украинцев – уже как русские.

Рассматривая стратегии адаптации IV волны украинских иммигрантов в Канаде, отметим, что с позиции индивидуальной стратегии адаптации их условно можно разделить на две группы: иммигрантов 1990-х и иммигрантов 2000-х. Иммигранты 1990-х, принимая практически спонтанное решение об эмиграции в силу экономических обстоятельств и своей неподготовленности к жизни в новой для них социальной среде, сталкивались гораздо больше с проблемами обустройства, нежели иммигранты 2000-х. Иммигрантам 1990-х приходилось практически с азов учить язык, в бук-

вальном смысле порой оставаться без ночлега и пропитания. Иммигранты 2000-х же оказались более подготовленными к тяготам иммигрантской жизни: они заранее учили язык, накапливали финансы, и это им служило своеобразным подспорьем при поиске жилья и работы. Рассматривая социальную стратегию адаптации, стоит сказать, что украинский иммигрантов IV волны она заключается в том, что многие эмигрировали группами / семьями, что и помогало им в дальнейшем быстрее адаптироваться. Касательно институциональной стратегии, то институт диаспоры образовал для них Украинскую Общественную Службу, которая в меру своих возможностей помогает в подборе жилья и работы, но финансами никто не помогает. Также особая роль принадлежит иммигрантским языковым школам, где украинцы заводят знакомства с выходцами из других стран и также ищут единомышленников.

Все украинские иммигранты Иркутской области на особое место ставят индивидуальную стратегию адаптации: перед эмиграцией они готовятся, копят деньги, продают недвижимость, по приезду сразу же занимают поисками работы и жилья. С одной стороны, им легче в плане того, что социальные реалии Украины и России схожи, и в большинстве своем они знают, каким образом они могут действовать в той или иной ситуации, и они могут действовать самостоятельно. Но, с другой стороны, им сложнее сохранить свой язык и элементы культуры в повседневном быту в России из-за родственности украинской и русской культуры, языков. Они также легко избирают и социальную стратегию адаптации, заводят какие-либо знакомства и связи для них не представляется чем-то сложным, ведь и поведенческие нормы в обеих странах схожи. Нарабатывание социальных связей группой

иммигрантов в России происходит гораздо быстрее, чем в Канаде. Что же касается институциональной стратегии адаптации, то она, после своего возрождения в 1990-е, только развивается. На какую-либо помощь диаспоры рассчитывать не придется, поскольку опыт групповой солидарности у сибирских украинцев практически отсутствует.

На основе данных интервью мы попробовали выявить примерное доленое соотношение между различными стратегиями адаптации украинских иммигрантов в провинции Онтарио (Канада) и Иркутской области (Россия).

Роль индивидуальной стратегии адаптации, следуя из ответов респондентов, превалирует в обоих государствах. Связано это с тем, что они самостоятельно принимают решение об эмиграции, эмигрируют и в дальнейшем выбирают подходящие для себя пути обустройства, самостоятельно выбирают, каким образом они будут искать работу, жилье, как будут выстраивать взаимоотношения с принимающим социумом. В России индивидуальная стратегия на порядок больше, чем в Канаде (~75% vs. ~60%) в силу незначимости институциональной стратегии (~1%), иммигрант рассчитывает на свои силы в первую очередь. Роли социальной и институциональной стратегий в Канаде практически равнозначны (?22% vs. ?18% соответственно), потому что иммигрант, вливаясь в социум самостоятельно, либо вместе с группой (семьей) все равно каким-либо образом начинает взаимодействовать с диаспорой и использовать этот ресурс на благо самого себя, группы и самой диаспоры. В России же, в силу незначимости институциональной стратегии, социальная стратегия становится чуть более значимой, чем в Канаде (?24% vs. ?22%). Иммигрант уже опирается не только на группу людей (если он эмигрировал не

один), но также пытается более активно заводить новые знакомства и «налаживать мосты» как с другими иммигрантами, так и с принимающим социумом.

Вывод

Проанализировав основные стратегии адаптации украинских иммигрантов в провинции Онтарио и Иркутской области, мы пришли к выводу о том, что основной стратегией адаптации в обеих странах является индивидуальная. Человек принимает решение об эмиграции, эмигрирует и в дальнейшем обустроивается на новой земле в большинстве случаев самостоятельно. Однако уровень индивидуальной стратегии в Канаде и в России несколько различается. В случае с Канадой роль индивидуальной стратегии чуть ниже, поскольку выше уровень институциональной стратегии: украинский иммигрант в Канаде может смело рассчитывать на определенную помощь как со стороны диаспоры, так и со стороны государства. И диаспора, и государство Канада имеют свои программы по адаптации иммигрантов, коими успешно пользуются и украинские иммигранты. Говоря о России, то тут нужно отметить, что роль диаспоры и государства в жизни иммигранта крайне низки: государство не выстроило четкой миграционной политики, диаспора же, в силу отсутствия такового института в советское время, сегодня находится, по сравнению с Канадой, в зачаточном состоянии, и не может предложить каких-либо видов помощи, предлагаемых, к примеру, украинской диаспорой в Канаде. В России в среде украинской диаспоры, в отличие от Канады, очень низкий уровень групповой солидарности / группового сознания, иммигранты преодолевают все трудности исключительно своими силами и силами своего окружения. Но роль социальной стра-

тегии адаптации в обоих государствах одинаково важна, поскольку человеку для обустройства на новой земле просто необходимо искать новые социальные связи, заводить знакомства, а в случае иммиграции группой или семьей ее роль еще больше возрастает, поскольку в таком случае иммигранту есть на кого опереться, в случае Канады и России она может принимать какие-либо формы, однако ее содержание будет одинаковым в обеих странах.

Литература

1. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. Социальная адаптация. Национальная социологическая энциклопедия. [электронный ресурс] URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/socialnaja-adaptacija> (дата обращения 10.07.2013)
2. Седова С.Ю. Социальная адаптация мигрантов в жизненном пространстве региона / С.Ю. Седова // Сайт disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Саратов, 2001. [электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov-v-zhiznennom-prostranstve-regiona> (дата доступа 10.07.2013)
3. Dirks G. International migration in the nineties: causes and consequences / G. Dirks // International journal. Vol. – XLVIII. Spring. 1993, p. 191-214.
4. Лазебник С.Ю. Зарубіжні українці. Довідник / С.Ю. Лазебник, Я. Балан, Б. Кордан, Л.О. Лещенко, Ю.І. Макар, П.П. Орленко, Ф. Свиріпа. – Київ, Видавництво «Україна», 1991. – 256 с.
5. Pawlichko, Ann Lencyk. Ukraine and Ukrainians through the World : A Demographic and Sociological Guide to the Homeland and Its Diaspora / Pawlichko, A // Toronto, Buffalo, London : Published for the Shevchenko Scientific Society, Inc., by University of Toronto Press, 1994. – 510 p.

6. Harney, Robert F. Ukrainians in Ontario – The Bulletin of the Multicultural History Society of Ontario / Harney, R. / Toronto : Polyphony, 1988. – 170 p.
7. Переписи населения. ДемоскопWeekly. [электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 10.07.2013)
8. Gerus O.W. et Rea J.E. Les Ukrainiens au Canada – Les groupes ethniques du Canada / O.W. Gerus et J.E. Rea // Ottawa: Département d'histoire (University de Manitoba), Société historique du Canada, Direction du multiculturalisme du gouvernement du Canada par Keystone Printing & Lithographing Ltd., Saint John, N.B., 1985. – 26 p.
9. Luciuk, Lubomyr & Hryniuk, Stella Canada's Ukrainians : negotiating an identity / Luciuk, L. & Hryniuk, S. // Toronto: Published in association with the Ukrainian Canadian Centennial Committee by University of Toronto Press, 1991. – 510 p.
10. Завьялов А.В. Украинцы Иркутской области как составляющая многонационального Сибирского сообщества / А. В. Завьялов // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири, №4. – Иркутск, 2011. [электронный ресурс] URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/zavyalov_a.v._ukraincy_irkutskoy_oblasti_kak_sostavlyayushchaya_mnogonatsionalnogo_sibirskogo_soobshchestva.pdf (дата доступа 10.07.2013)
11. Руденко Л.Г., Мисевич К.Н., Фащевский Н.И. Миграция украинцев в Сибирь и Дальний Восток в системе российско-украинских миграционных связей / Л.Г. Руденко, К.Н. Мисевич, Н.И. Фащевский и др. – Иркутск, Киев: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2007. – 103 с.
12. Завьялов А.В. Личностная и социальная самоидентификация украинских мигрантов в Канаде / А.В. Завьялов // Материалы Всероссийской научной Интернет конференции «Трансгрессия социокультурного пространства». – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2013. – с. 26-36.

Родительская перцепция феномена школьного насилия

Судьин С.А.

На основании эмпирического исследования анализируются родительские установки относительно различных аспектов школьного насилия. Изучается родительская перцепция феномена, представления об уровне благополучия ребенка в школе, динамике и факторах школьного насилия, а также мерах по его снижению. Ключевые слова: школа, школьное насилие, межпоколенческие отношения, социальные установки

Sudin S.A.

Parental perception of the phenomenon of school violence. Parental attitudes towards various aspects of the school violence are analyzed. In the article based on the research data are studied parental perception of the phenomenon, notion about the child's wellbeing at school, conceptions about dynamics and factors of the school violence and ways of its reduction.

Key words: school, school violence, intergenerational relationships, social attitudes

Проблема школьного насилия стала одной из наиболее активно обсуждаемых в последние годы тем. Выйдя за пределы бытового дискурса и внутришкольной проблематики, она стала сюжетом художественного кино различной направленности, журналистских расследований и дискуссий; интернет-порталы изобилуют фото и видеоматериалами, демонстрирующими различные формы насильственного поведения в российских школах, «героями» которых становятся и ученики, и учителя.

Уникальность темы школьного насилия состоит в том, что при всей популярности, мы бы даже сказали, сверхпредставленности данной тематики в современной культуре, наблюдается явный недостаток научного осмысления исследуемого феномена. Это отчасти объясняется многогранностью школьного насилия, в которое вовлечены все акторы образовательного процесса, многочисленные факторы внешней среды, и понимание феномена лишь как трудности межличностного взаимодействия в ученической среде носило бы явно редуционистский характер. Совершенно очевидно, что исследуемый феномен оказывается лишь

видимой частью огромного комплекса процессов и явлений, обусловленных индивидуально-личностными, психолого-педагогическими и социально-экономическими факторами, в конструирование которого вовлечены многие социальные группы.

Исследования родительского вклада в формирование и решение проблемы школьного насилия являются неотъемлемой частью работ по рассматриваемой здесь проблеме. В частности, в США роль семьи в исследуемой проблематике актуализировалась с начала 1990-х годов, где к настоящему моменту семьи стали полноправными участниками школьной жизни, в частности, в формировании ненасильственной среды. Подобная включенность в проблематику обусловлена несколькими факторами, актуальными и для ситуации в современной России.

Во-первых, пониманием важности семейной ситуации как потенциального фактора провоцирования насилия; известно, что трудная жизненная ситуация, развод родителей, насилие внутри семьи могут не только спровоцировать конфликтное поведение у школьника, но и в случае жестокого обращения в семье сформировать негативные навыки решения возникающих проблем. Стиль семейного воспитания является основным фактором формирования поведенческих паттернов будущих учеников; именно в семье закладываются особенности межличностного взаимодействия, прививаются навыки завязывания контактов, усваиваются модели поведения в окружающем мире. Первичный характер семьи как института социализации обуславливает невероятную живучесть и устойчивость полученных в ней сведений, навыков, способов поведения, в том числе, социально неодобряемых, коррекция которых становится весьма затруднительной

и даже невозможной в принципе. Именно извращения стилей семейного воспитания приводят к формированию двух полярных моделей поведения – агрессор и жертва. Известно, что насильственные практики в семье, пренебрежение основными нуждами ребенка способствуют формированию личности субъекта насилия, в то время как, например, гиперопека обуславливает повышенную виктимизацию ребенка, неприспособленного к реальностям жизни.

Во-вторых, очевидно, что никто не осведомлен о жизни ученика и его семейной ситуации лучше, чем его родители, и именно они являются ключевыми фигурами в понимании проблем своего ребенка и путей их решения. Следовательно, участие взрослых членов семей в формировании программ по снижению насилия в школе (хочется надеяться, что это окажется одним из перспективных результатов предпринятой нами работы) кажется весьма продуктивным. Причем, речь идет как о семьях агрессоров, так и жертв, поскольку и те, и другие оказываются глубоко диалектически взаимосвязанными, и полезным будет как позитивный, так и негативный их опыт. Именно поэтому на протяжении последних десяти лет активно развивается и реализуется программа родительно-школьного партнерства в процессе формирования программ по снижению школьного насилия. Оно должно стать важным ресурсом для школьных социальных работников.

Не менее полезными для школ в данной ситуации могут оказаться и семьи детей-агрессоров, субъектов насилия. Понимание механизмов формирования насильственного поведения, сочетаний социально-психологических и иных факторов, в том числе, моделей семейного взаимодействия и родительской дисциплины может стать уникальным материалом для формирования защитных

стратегий потенциальных жертв и системы помощи самим агрессорам, осознания причин их поведения, решения имеющихся проблем. Ведь именно такие семьи имеют многолетний опыт общения со своим ребенком и могут многое рассказать о возможных пусковых механизмах агрессивных вспышек.

Наконец, родительская участь в случае вовлеченности их ребенка в проблематику школьного насилия оказывается крайне незавидной по сравнению с другими группами внешних акторов, и именно они зачастую ищут помощи, чувствуя неладное и не имея возможности решить проблему самостоятельно. Особенно актуально это может оказаться в подростковом возрасте, когда ослаблены эмоциональные контакты родителей и детей, переключившихся на внешнее окружение. Родители, таким образом, могут оказаться самыми активными потребителями информации о школьном насилии, способах его диагностики, формальных признаках, организациях, оказывающих помощь в подобных обстоятельствах.

В реализации подобного подхода существуют свои сложности. Прежде всего, авторы указывают на общую опасность посещения подобных семей: почти 75% школьных социальных работников и специалистов в сфере семейных отношений отметили данный факт. Это вполне логично, если предположить, что корни агрессии и насилия нужно искать в семье, которая, в этом случае, нередко отягощается и криминальным анамнезом. Одним из решений проблемы представляется изменение формата контактов с семьями агрессоров, рассмотрение их как членов одной команды, целью которой является повышение общего уровня школьной безопасности.

Однако школа в данной ситуации не будет выступать лишь в роли по-

ребителя родительской информации. В ходе исследований было отмечено, что существует статистически значимая положительная связь между высокой насильственной активностью учащихся и негативным характером внутрисемейного взаимодействия: в агрессивные действия было вовлечено меньше учащихся, которые воспринимали своих родителей как некий образец, поведенческий стандарт, чувствовали их поддержку. Таким образом, школьный персонал (речь идет не об учителях, а о социальных работниках, школьных консультантах и специалистах по семейным проблемам) может стать организатором курсов по родительскому образованию для формирования навыков поддержки внутри семьи, установления границ и т.д. Это также будет способствовать усилению взаимодействия между семьей и школой, дефицит которого был назван в качестве основной причины школьного насилия.

Анализ немецкого и шире – немецкоязычного научно-практического пространства темы позволяет выявить традиционный для данной культуры крен в индивидуально-психологические и личностно-ориентированные факторы школьного насилия. Очевидно, что роль семьи в формировании насильственного поведения кажется здесь куда более важной, нежели в американской традиции. На первом месте среди причин школьного насилия авторы называют наличие асоциальных установок, импульсивность, низкую степень фрустрационной толерантности, отсутствие эмпатии, на формирование чего также оказывает влияние стиль воспитания. Семейные факторы, идущие следом, такие, как бедность, слабость связей между близкими родственниками, опыт насилия в семейном анамнезе, по сути, конкретизируют обстоятельства культивирования душевных уродств. Непос-

Таблица 1
Общее количество детей в семье

Количество детей	Общее число	%
1	104	46,2
2	105	46,7
3	14	6,2
4	2	0,9
Всего	225	100

Таблица 2
Пол ребенка, о котором идет речь в исследовании

Пол	Частота	%
Мальчик	105	46,7
Девочка	118	52,4
Всего	223	99,1
Нет ответа	2	,9

редственно школьные факторы или обстоятельства внешней среды рассматриваются как дополнительные условия, актуализирующие наиболее вопиющие поведенческие практики.

Ориентация на конкретную личность прослеживается и в существующих методиках работы, направленных на изменение сознания агрессора, например, при помощи развития в нем механизмов эмпатии и идентификации. Примером может служить так называемая конфронтативная педагогика – новое направление в снижении агрессии, а также ряд более традиционных психологических и социально-педагогических методик.

В данной статье, основанной на результатах опроса родителей детей среднего и старшего школьного возраста, мы попытаемся осветить основные аспекты родительской перцепции феномена школьного насилия, а также определить роль родителей на различных стадиях цикла насилия, в предотвращении или культивировании насильственных форм поведения внутри школы¹.

Первым фактором, подвергнутым измерению, было количество детей в семье, определяющее как внутрисемейное взаимодействие, так и степень родительской вовлеченности в проблемы ребенка и стиль воспитания. Отметим, что опрос по данной

анкете предполагал получение сведений либо о старшем ребенке, либо о ребенке, имеющем определенные проблемы в межличностном взаимодействии.

Поскольку респондентами в исследовании выступали именно родители учеников, рассматриваемые нами как носители определенных ценностей, представлений, характеристики детей, о которых шла речь в исследовании, не подвергались жесткому контролю. Следствием этого стала неравномерная представленность некоторых признаков. Определенный гендерный перекоп (усугубляющийся особенностями вторичного соотношения полов в школьном возрасте), наметившийся в данном исследовании, не является принципиальным, поскольку расчет производится по каждому полу в отдельности. Перекрестные таблицы и распределения также несут дифференциальный характер, а для сравнения средних по полу данный перекоп не будет определяющим. Кроме того, значительно больший интерес представляют социодемографические характеристики самих респондентов.

Автор исследования исходил из того, что важным фактором полноты собираемых данных может стать уровень доверительности отношений.

Таблица 3
Сравнение средних по шкале доверительности отношений (независимая переменная – тип образовательного учреждения)
X – стандартное отклонение

	Обычная школа			Школа с углубленным изучением отдельных предметов			Гимназия, лицей		
	Средняя	Всего	Std. ^x	Средняя	Всего	Std.	Средняя	Всего	Std.
Мой ребенок всегда рассказывает мне о том, что случилось с ним за день на улице и в школе	3,80	143	,975	3,80	35	,759	3,86	43	,804
Я никогда не наказываю ребенка за его/ее ошибки	3,06	143	1,217	3,23	35	,973	3,42	43	1,052
Я думаю, что у моего ребенка есть люди, которым он доверяет больше, чем нам	2,30	141	1,393	2,60	35	1,439	2,44	43	1,333
У нашего ребенка нет причин скрывать от нас что-либо	3,77	143	1,265	3,89	35	,900	3,93	43	1,009
Нам не нужно контролировать своего ребенка	2,56	142	1,280	2,82	34	1,403	2,83	42	1,267
Я всегда замечу, если с моим ребенком в школе или на улице происходит что-то неладное	4,41	143	,834	4,24	34	,890	4,26	43	,875
Мы для нашего ребенка – самые дорогие и любимые люди	4,68	143	,657	4,56	34	,613	4,70	43	,513

Традиционная для подростков (наиболее интересующей нас группы) открытость может вести к дефициту открытости и отсутствию необходимых нам данных. Как видно из представленной таблицы, воспринимае-

мый родителями уровень близости отношений со своими детьми концентрируется на верхних показателях континуума.

Данная таблица показывает распределение данных по шкале инди-

Таблица 4
Родительская оценка актуальности проблемы школьного насилия

Как бы Вы оценили актуальность проблемы школьного насилия?		Частота	%
	Это не очень актуальная проблема, много надуманного и раздутого	28	12,4
	Это актуальная проблема, о несущественном не стали бы говорить так много	138	61,3
	Это одна из важнейших проблем, возможно, проблема №1 в современной школе	57	25,3
Нет ответа		2	,9
Всего		225	100,0

каторов доверия родительско-детских отношений в зависимости от типа образовательного учреждения. Данные свидетельствуют о наличии более тесных эмоциональных связей с родителями у учеников гимназий и лицеев. Средний балл по индикатору «мой ребенок всегда рассказывает мне о том, что случилось с ним за день на улице и в школе» на 0,6 больше в гимназиях и лицеях по сравнению с другими типами учреждений на фоне меньших показателей стандартного отклонения. Также данные свидетельствуют о меньшей необходимости контроля над лицеистами и гимназистами, которые представляются их родителям более открытыми, чем учащиеся обычных школ – своим.

Оценка актуальности проблемы школьного насилия представляется весьма противоречивой; признание важности проблемы соседствует с фактическим отсутствием соответствующего опыта как в жизни школьника, открытой родительскому взгляду, так и в практиках самих родителей. Отсюда можно сделать вывод либо об идеализации детских воспоминаний в родительском поколении, либо об интуитивном понимании более высокого, по сравнению с декларируемым, уровня неблагополучия

ребенка (необязательно своего) в школе. В любом случае, необходимо вести речь о конструировании исследуемой проблемы, в том числе, силами родительского корпуса, идентификации привычных форм неуставных внутришкольных отношений: оскорблений, драк и т.п. как насилия.

Школьное насилие может возникать в разных формах и в зависимости от различных факторов по-разному оцениваться. В таблице №5 представлены результаты ранжирования 11 наиболее распространенных и одиозных форм насильственного поведения:

- групповая травля, бойкот;
- побои и истязания;
- действия сексуального характера: изнасилование, раздевание, прикосновения;
- вымогательство карманных денег, вещей, техники;
- гомосексуальное насилие;
- публичные оскорбления ребенка и/или его близких;
- высмеивание, указания, например, на его/ее половую несостоятельность;
- распространение заведомо ложной информации о Вашем ребенке (клевета);
- принуждение к курению, употреблению алкоголя, наркотиков;

Таблица 5
Сравнение средних по рангам для мальчиков и девочек

	Мальчик			Девочка		
	Средняя	N	Стандартное отклонение	Средняя	N	Std. Deviation
Групповая травля, бойкот	4,96	99	1,984	5,49	110	2,110
Побои и истязания	3,74	100	1,733	3,83	111	1,808
Действия сексуального характера: изнасилование, раздевание, прикосновения	2,27	100	1,814	1,96	111	1,911
Вымогательство карманных денег, вещей, техники	6,80	97	2,149	7,00	109	2,130
Гомосексуальное насилие	2,12	100	1,689	2,49	111	1,798
Публичные оскорбления ребенка и/или его близких	6,85	99	1,815	6,80	110	1,967
Высмеивание, указания, например, на его/ее половую несостоятельность	7,15	100	2,017	7,05	111	1,904
Распространение заведомо ложной информации о Вашем ребенке (клевета)	8,59	99	2,343	8,76	110	2,045
Принуждение к курению, употреблению алкоголя, наркотиков	5,03	98	2,392	5,36	110	2,467
Принуждение к выполнению неprestижных дел, например, уборке в классе	10,07	98	1,954	10,21	110	1,843

· принуждение к выполнению неprestижных дел, например, уборке в классе;

· обнаружение, например, в сети Интернет, интимных или неліцеприятных фотографий, кадров, фактов.

Автор исходил из того, что основным фактором, определяющим тя-

жесть субъективного восприятия каждой из форм, будет пол респондента. Исходя из этого, мы сравнили средние по рангам для каждого из полов. Как мы и ожидали, для большинства респондентов именно гомосексуальное насилие представлялось наиболее психотравмирую-

Таблица 6
Индикаторы школьного насилия в представлении родителей

	N	
	Всего упоминаний	Не указано
Стойкое снижение успеваемости;	134	91
Синяки, ссадины;	191	34
Взросшая потребность в деньгах;	131	94
Нежелание посещать школу;	193	32
Желание перейти в другую школу;	170	55
Затяжные депрессии;	146	79
Болезненный интерес к сексуальным проявлениям;	124	101
Испачканная одежда, порванные тетради, учебники;	157	68
Потеря привычного дружеского окружения;	140	85
Изменение отношений с родителями, замкнутость;	164	61
Суицидальные попытки.	138	87

щей формой насильственного поведения в отношении мальчика. В случае с девочками данная форма отошла на второй план. Это может быть связано с представлением об относительной легкости физических и, возможно, психологических последствий женских однополых контактов, а также с меньшей агрессивностью, свойственной женским коллективам.

Вовлеченность в проблематику школьного насилия в случае его возникновения может быть разной, однако системный характер явления, при котором поражается весь класс без исключения, не может оставить в стороне ни одного представителя классного коллектива.

Так, в структуре конфликта могут выделяться следующие роли: жертва насилия, субъект насилия, ябеда-подстрекатель (провокатор), безучастный зритель, миротворец. Своеобразная внутриклассовая стратификация разделяет коллектив на подгруппы с разным уровнем социального престижа и делает невозможной на-

лаживание отношений без ущерба для каждой из сложившихся клик.

Родительские представления о наиболее приемлемых социальных ролях в случае школьного насилия интересны в силу того, что субъективные картины ситуации будут (с высокой долей вероятности) определять формируемые в семье модели поведения и уровень конфликтологической компетентности школьника. Как и следовало ожидать, роль жертвы является наименее желательной (ни одного выбора в анкетах, включенных в анализ), миротворца – приоритетной. Весьма неприятным фактом является весомое количество родителей, желающих видеть своего ребенка безучастным зрителем. Это, бесспорно, лучше, чем субъект насилия или жертва, однако может свидетельствовать о распространенности низкого уровня заинтересованности проблемами даже ближайшего окружения, равнодушии и т.п.

Школьное насилие, выражаясь медицинским языком, не имеет па-

Таблица 7
Родительские представления о школьных коллективах и моделях поведения в них

	N		Средняя	Мода
	Всего	Нет ответа		
В жизнь детского/школьного коллектива вмешиваться не нужно.	225	0	2,13	1
Для защиты своего ребенка хороши все средства.	224	1	3,53	5
Если в классе есть проблема насилия, то виноваты в этом взрослые – родители и учителя.	225	0	3,78	5
Драки и оскорбления – нормальные явления для школьной жизни.	225	0	2,01	1
Насилие в ответ на насилие спровоцирует лишь его дальнейшую эскалацию и не приведет к решению проблемы.	225	0	4,07	5
Против лома нет приема, кроме другого лома.	225	0	2,40	1
За справедливость нужно бороться до последнего.	224	1	4,10	5
Нужно уметь постоять за себя.	225	0	4,70	5
Родители должны вмешиваться в ситуацию школьного насилия, если с ней не справляются учителя.	225	0	4,59	5
Если тебя травят и бьют, в этом виноват только ты сам.	225	0	1,88	1

тоспецифических симптомов, то есть, признаков, характерных именно для него. Именно поэтому диагностика случившейся беды представляет собой отдельную сложную задачу, в решении которой необходимо учитывать множество симптомов поведенческого, коммуникативного и психологического плана. В качестве возможных индикаторов вовлеченности ребенка в виктимизирующие отношения нами были выбраны следующие признаки (см. табл. 6).

В качестве основных признаков родителями были выделены стойкое снижение успеваемости, наличие

синяков и ссадин и желание перейти в другую школу. Логично предположить, что иные возможные проявления не вызовут сильных подозрений и не будут подвергнуты контролю, что ставит нас перед необходимостью активизации работы с родителями.

Измерение социальных установок в отношении школьного класса как системы взаимодействия, коммуникативного пространства и роли собственного ребенка в нем может наглядно продемонстрировать уровень родительской тревожности, субъективного восприятия опасности, которой может подвергаться школьник.

Таблица 8
Родительские представления о факторах школьного насилия

	N		Средняя	Мода
	Всего	Нет ответа		
Школьное насилие имеет место лишь в промышленных или небогатых районах, в престижных школах насилия не бывает.	224	1	1,85	1
Школьное насилие – это феномен дня сегодняшнего, в «наше» время такого не было.	222	3	2,52	3
Школьное насилие чаще встречается в школах, где учатся дети разных национальностей.	223	2	2,66	3
Школьное насилие было всегда, меняются лишь его формы.	223	2	3,69	5
Школьное насилие распространяется потому, что общество разделилось на богатых и бедных.	224	1	2,87	3
Мир стал очень агрессивным, насилие проникло и в школу.	224	1	3,92	5
Школа – это зеркало общественных отношений.	225	0	3,88	5
Психическое здоровье учеников сейчас значительно хуже, чем было раньше.	224	1	3,94	5

Ниже представлены родительские установки относительно функционирования школьных коллективов и их оценки по 5-ти балльной шкале (см. табл.7).

Анализ данных показывает, что родители не склонны оценивать класс как саморегулирующуюся и гармоничную систему: с мнением о том, что в жизнь детского коллектива вмешиваться не нужно, большинство респондентов выразили абсолютное несогласие. В русле этих рассуждений находятся также представления об ответственности учителей за неблагополучную атмосферу в классе, а также о необходимости родительского вмешательства в ситуа-

цию в случае ее выхода из-под контроля сотрудников школы.

Весьма отрадным видится тот факт, что на фоне признания необходимости уметь постоять за себя большинство родителей понимают тупиковый характер эскалации насилия и его неэффективность при решении проблем внутришкольного взаимодействия.

Определение причин школьного насилия как социального явления представляется не менее важной задачей, чем диагностика насилия в каждом конкретном случае. Измерение социальных установок относительно социально-психологических, экономических и медицинских фак-

торов школьного насилия позволит развеять глубоко укоренившиеся в сознании населения стереотипы о школьном насилии или дать им количественную оценку (см. табл.8).

Анализ данных показывает, что респонденты воспринимают школьное насилие как постоянный феномен, не имеющий привязки к факторам сегодняшнего дня: оно существовало всегда, но современный мир с его технологиями значительно обогатил репертуар виктимизирующих практик, а снижение показателей психического здоровья обострило их проявление. Такие факторы, как социальное расслоение или этническое разнообразие школьного класса не представляются респондентам решающими: оценка этих показателей находится в средней области континуума.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что представленные данные являются лишь результатом первичной обработки полученной информации, которые будут обогащаться по мере работы с массивом. Дальнейшее использование базы данных будет проводиться как в направлении непосредственно анализа с использовани-

ем многомерных статистических процедур, так и совершенствования исследовательского инструментария.

Литература

1. Предупреждение насилия в старшей школе. Электронный ресурс. Доступ через <http://www.schulische-gewaltpraevention.de/gewaltpraevention%20sekundarstufe/index.php?section=2.2%20Ursachen&x=gewaltanschulen&k=2&caption=&o=4> (Дата обращения 15.09.2013).

2. R. Kilb, J. Weidner, R. Gall Konfrontative Pädagogik in der Schule: Anti-Aggressivitätstraining und Coolnesstraining (Pädagogisches Training). Welheim und Basel, Beltz Juventa, 2013.

Ссылки:

1 Опрос родителей был частью исследования в рамках мероприятия 1.1. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры новой России на 2009-2013 годы» «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» под руководством д.и.н., проф. З.Х.Саралиевой

Анализ истоков любви в статьях профессора И.П. Четверикова

Сизинцев П.В.

Статья посвящена философскому осмыслению феноменологического анализа акта любви, возникающей между людьми, и значению при этом психологических факторов, которые вносят новые формы переживаний и восприятий, в сферы человеческого диалога и общения. Автор на примере анализируемой статьи показывает, что имеет место натуралистическое истолкование природы любви и критикует истоки этой тенденции мышления. Он пытается обратить внимание на метафизический аспект любовных чувств, отделяя его от ощущений, симпатических чувствований и физиологических процессов. Любовь есть выражение личностных свойств человека.

Ключевые слова: Психология, философия, вещьность, акт человеческой личности, феноменологический анализ, переживания, стремления, сознание, монады, индивидуальность, естествознание, восприятие, физический мир.

Title of the article: Analysis of the origins of love in articles professor I. P. Chetverikov. Sizintsev P.V.

The article is devoted to philosophical understanding of the phenomenological analysis of the act of love that occurs between people, and the importance of psychological factors, which make new forms of experiences and perceptions in spheres of human dialogue and communication. The author on the example of the analyzed articles shows that there is a naturalistic interpretation of the nature of love and criticizes the origins of this trend of thinking. He tries to draw attention to the metaphysical aspect of love, separating it from the sensations, the sympathetic sensations and physiological processes. Love is the expression of personal properties of the person. The purpose of this article is to explore the philosophical background of the emergence and formation of philosophical and psychological views and to analyze the categorical apparatus and methodology of the analysis of the theologian, religious philosopher, Professor of the Kiev Theological Academy I. P. Chetverikova. The methodology is based on a systematic-philosophical approach using heuristic methods to identify information in the sources. The originality of the research has the maximum degree, as studies theological and philosophical heritage of I. P. Chetverikova in the Russian scientific community to date is scarce.

Keywords: Psychology, philosophy, the materiality, the act of the human person, phenomenological analysis of the experiences, aspirations, mind, monad, individuality, science, perception, physical world.

Цель статьи – исследовать философские предпосылки возникновения и становления философских и психологических взглядов на феномен любви теолога, религиозного философа, профессора психологии Киевской Духовной Академии (далее - КДА) И.П. Четверикова. В статье выявлены онтологические истоки этого понятия в средневековой (Г. Галилей, М. Мерсен, Т. Гоббс, Р. Декарт и новейшей философской традиции, Г.В. Лейбниц, Дж. Локк). А также воззрения современных Ивана Четверикова крупных психологов – современников (В.М. Вундт, [Вундт, 1896] Г. Эббингауз, Т. Липпс). И.П. Четвериков не отрицал, что традиционная естественно – научная психология, отъединившаяся от христианской философии, стала на точку зрения овеществления души и ее абсолютной замкнутости в себе и на себя («Монады не имеют окон и дверей») [Четвериков, 1916, 49].

Последнее заимствовано из религиозной философии Лейбница, в которой человеческая душа есть *духовный автомат*, который существует в телесной оболочке. Человек тоже автомат, для которого *все наперед известно и определено* включая *само расположение к действию*. [Лейбниц, 1989, 4, 161]. Свобода как личное свойство Бога перенесена на человека следующим образом. *Бог, предвидя, что могла бы делать свободная причина, устроил свою ма-*

шину, т.е. человека до грехопадения так, что она не может нарушить согласованности с этой свободной причиной [Лейбниц, 1989, 4, 492-493] произволения Божия.

Отсюда у Г.В. Лейбница истекает, что все случайное и свободное равно подчинено определению и предвидению Бога [Лейбниц, 1989, 4, 161]. Однако, человек у него выпадает из общей предопределенности бытия, ибо обладает как минимум несколькими личностными особенностями – свободой выбора, свободой воли, свободой творчества и обладанием образа Божия по которому он и был сотворен. И который даже после грехопадения был померчен, искажен, но не уничтожен и внутри каждого человека остались его черты и следы. По Лейбницу, следы подобия Божия состоят как в природном свете разума, так и в свободе, естественно соединенной с волей [Лейбниц, 1989, 4, 161]. Его философия признавала, что человек есть малый бог, в своем мире или микрокосме, управляемом им на свой манер [Лейбниц, 1989, 4, 230]. личностно.

И именно человеческий выбор добра или зла в каждом действии, помысле или желании своей жизни полностью ответственен за последующее совершение им греховных поступков. При этом очень часто люди, плененные предметом своего пристрастия, еще более увеличивают стремление удерживаться в плену. Тем самым в жертву приносится великий дар свободы [Владислав, 2000]. Свободный выбор обуславливает свободу воли, и только свободная воля в теодицее Лейбница есть ближайшая причина зла виновности человека [Лейбниц, 1989, 4, 325] перед Богом, искажения его души, которую и изучала религиозная психология. Представляя душу замкну-

той на себя, психология по И.П. Четверикову, в некоторой степени, действительно пришла к грубо – натуралистическому толкованию природы любви [Четвериков, 1916, 49].

Но это лишь одно направление развития психологии. Ибо как такое религиозное чувство для психологии является просто фактом, который он должна была только подвергнуть анализу и наблюдению в его изменениях, но не разбирать его социальную ценность, объективную истинность или юридическую законность в теократическом православном российском государстве. И тут Иван Пименович напоминает о введенном Э. Гуссерлем феноменологическом анализе психических переживаний, отличном от экспериментальных естественнонаучных методов исследования и снова возвратившем психологию в группу философских дисциплин. Феноменологический анализ производится на основе непосредственного или имманентного усмотрения природы переживаний. Он приводит к постижению вневременной сущности переживания в его сущностном же отношении к человеческой личности. [Четвериков, 1916, 49]. Упоминание Четвериковым личности здесь очень важно.

Ибо в его лекциях по общей психологии проведена прямая связь между конечными целями и основными мотивами, определяющими волевою деятельность человека и источником волевой деятельности, обретающимся в личности. Его учение о личности состоит из понятия эмпирической личности и слагающих ее элементов на фоне представлений о личности Д. Юма и У. Джеймса, теории роста личности, взаимоотношений личности и характера, как выражения индивидуальных особенностей личности и идеальной личности.

Собственно говоря, главная задача религиозной психологии по Четверикову состояла в том, чтобы выработать в человеке гармонически развитую личность, для чего и было важно знать те физические и психические элементы, из которых складывается его личность. В частности, в чревоугодии или в блуде не только разрывается личностная целостность, так что плотское начало выделяется из всего полного состава личности. Хуже того, плоть сама по себе становится и, безусловно, ценной и значимой для человека порою настолько, что иного содержания своей личности он не видит и не понимает, и душа становится поглощенной животным существованием [Четвериков, 1913, 56]. Феноменологический анализ по Четверикову приводит к пониманию того, что не есть переживание человека, а затем к положительному уяснению самой природы переживания. При этом русский религиозный философ апеллирует к феноменологическому анализу акта любви у М. Шелера, философа и одного из основоположников философской антропологии. Главной задачей Макс Шелер считал раскрытие сущности человека, то есть ответ на вопрос: что есть человек? Одновременно он утверждал, что человек столь широк, ярок и многообразен, что все его определения оказываются слишком узкими. М. Шелер издаёт книгу «К феноменологии и теории симпатии и о любви и ненависти» (1913).

Антиномичность «порыва» человека и его «духа» предстаёт у него как полная противоположность онтологически изначальных потенций, характерных для человека. Термин «порыв» означает хаотические силы неорганической природы и поток «жизни», плюс экономико – политические и социальные грани истории. Слово

«дух» означало высшие эмоционально-ценностные формы бытия в личностном измерении. *Центр актов, в котором дух проявляется в области конечного бытия, мы хотим обозначить понятием личности, радикально отличным от всех функциональных центров «жизни», которые при рассмотрении их изнутри называются «душевыми центрами* [Чухина, www]. Ставя перед собой задачу, дать феноменологический анализ акта любви, как основу для метафизики любви и фундамент для построения христианской морали [Четвериков, 1916, 49]. И.П. Четвериков, по сути, развивал подход М. Шелера, для которого была характерна нацеленность на раскрытие реальных возможностей феноменологического способа философствования, в центр которого была поставлена тема ценностного мира человека.

В феноменологической аксиологии Шелера ценности мыслились как объективные разнокачественные феномены, предписывающие человеку нормы долга и оценок и образующие особый мир трансцендентных сверх – эмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности. В русле этого подхода Иван Четвериков рассматривает в таком качестве ценности человеческую любовь, сразу и с психологических и с философских и религиозных позиций, но, не забывая и о личности человека. Ибо *конечные цели личности с его точки зрения, как религиозного психолога – раскрытие богатства содержания, которое имплицитно находится в личности* [Четвериков, 1997, 335] человека.

С точки зрения религиозной философии и православного богословия, И.П. Четвериков всегда ассоциировал любовь с принципом, обуславливающим целостность православия и его церковную жизнь. Как

дети в семье растут, питаемые родителями и все теснее сплываются в одну семью, так и рожденные в таинстве крещения и питаемые в Церкви Телом и Кровью Христовыми и Духом Святым, все теснее объединяются с Богом и между собою. Это единение и есть любовь, из которой рождается и стремление к Богу и усилие подняться к Нему и единение членов Церкви друг с другом [Четвериков, 1949, 1, 6].

С позиций феноменологического метода необходимо отграничить любовь от всех других переживаний. Ценность любви, по своей психологической сущности есть феномен, обнаруживающийся сам собой в акте эмоциональной интуиции, но которого нет вне направленности на него сознания. Поскольку именно смешение любви как ценности с ощущениями, стремлениями, симпатическими чувствованиями и физиологическими процессами характерно для натуралистических теорий любви, их и начинает он критически анализировать. Памятуя при этом о том, что ценность любви в рамках феноменологии Шелера всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно вывести путем платоновского абстрагирования из общих свойств предметов и окружающих человека явлений или выразить в аристотелевских формах логического мышления.

Психология, и это отмечает И.П. Четвериков, весьма однобоко и бедно определяла проблематику любви. *Даже такие крупные психологические работы как В. Вундта, [Вундт, 1914] Г. Эббингауза [Эббингауз, 1911], Т. Липпса [Липпс, 1903] совершенно не касаются* [Четвериков, 1916, 50] ее вопроса. Философское же содержание этого вопроса с точки зрения описания христианских таинств гораздо богаче.

Евангелие свидетельствует, что Христос положил питание и любовь в основу отношения между собой и членами Церкви: *ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем* (Ин. 6., 56.). Из этого И.П. Четвериков делает нестандартный вывод о том, что *любовь и питание – сила, объединяющая людей с Богом и между собой: единственная сила, организующая спасение мира и человечества*. При этом он приводит ассоциацию с примером матери и ребенка, сравнивая чувства любви матери к ребенку в процессе питания его матерью с рождения до обучения ребенка молитве, когда *мать питает его своею верою, свою душу отдает ему*. По мысли философа *теперь любовь ее становится одухотворенной. Теперь их взаимная любовь будет расти. Будет расти и внутренняя связь между ними* [Четвериков, 1949, 1, 6]. К сожалению, эта аналогия заканчивается периодом кормления ребенка матерью, и она основывается на общей физиологии отношений, выведение из которых духовных отношений крайне сомнительно.

Другие психологи пытались свести любовь к симпатиям, примитивным желаниям, эстетическим оценкам, сводящимся к телесным удовольствиям. Любовь не рассматривалась как *самостоятельный психологический акт жизни человеческой личности*, так как в понимании религиозных мыслителей она представляла собой некий круговорот *элементарных переживаний как всякий вторичный психический процесс, являясь процессом в индивидуальном человеческом сознании* [Четвериков, 1916, 50].

Сравнивая человеческую любовь и Божественную Четвериков считал, что любовь к Абсолюту *совершает круговорот, начинаясь истощением,*

снисхождением и принижением, чтобы «ничто, бедность», по выражению Франциска Ассизского поднять до себя. При этом отображенная тварная жизнь воспроизводит в себе этот творчески-промыслительный круговорот любви. Человек растет, питаясь по мнению Четверикова низшими растениями и солнечным светом. Питание должно вести самого человека, а с ним и весь мир дальше к [Четвериков, 1949, 1, 7] Абсолюту как Богу. Затем человек питаясь, и в том числе через причастие церковных таинств, возрастает духовно, соединяясь с Абсолютом и преобразуется в новую жизнь. Новация И.П. Четверикова состоит в том, что именно из физиологического процесса питания он выводит непрерывный процесс преобразования мира, а питаясь Телом Кровью и Христовой человек входит в Тело Христово, поднимается до Христа, облачается до Христа [Четвериков, 1949, 1, 7].

Таким образом, по его логике получается, что причастие невольно уподоблено питательному процессу, и сам факт потребления является основанием духовного преобразования человека. При этом питание человека уподоблено питанию растений, и не видно особой разницы между питанием растения, питанием человека земной пищей и причастием человека посредством евхаристии. Это новшество в описании сакрального христианского таинства и сведение любви к зависимости от физиологических процессов в природе и в человеке. Налицо влияние на мысли пишущего о церкви И.П. Четверикова древнегреческого наследия философских взглядов.

Литература

1. Владислав (Свешников)., прот. Очерки христианской этики. - М.: Издательство Лепта, 2000. – 784 с.
2. Четвериков И.П., Программа лекций по психологии. // Отчет об общеобразовательно-педагогических курсах Херсонского губернского земства, организованных в Херсоне в 1913 г. – Херсон: Херсонская Губернская Земская Управа, 1913. – С. 54-56.
3. Четвериков И.П., Психология любви. // Христианская мысль. – Киев.: Типография Первой Киевской Артели Печатного Дела, Трехсвятительская ул., д.5. 1916. № 4. - С. 48-53.
4. Четвериков И.П., Церковь. // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен., 1949. № 1. – С. 5-15.
5. Четвериков Иван., Из лекций по общей психологии. — Гаврюшин Н.К., (ред.) // Русская религиозная антропология: в 2 Т. // Т. 2. - М.: Московский духовный фонд, МДА, 1997. – С. 335-343.
6. Вундт В.М., Очерк психологии. — СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1896. – 220 с.
7. Вундт В.М., Психология в борьбе за существование. // Новые идеи в философии. 1914. № 10. – С. 93-131.
8. Лейбниц Г.В., Сочинения: в 4 Т. // Т.4. – М.: Мысль, 1989. – 554 с.
9. Липпс Т., Самосознание, ощущение, чувство. – СПб.: Типо-литография А.А. Лейферта, 1903. – 72 с.
10. Эббингауз Г., Очерки о психологии. – СПб.: Издательство О. Богдановой, 1911. – 244 с.
11. Чухина Л.А., Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. - URL: www.anthropology.rinet.ru. Срок последнего обращения – Июнь 2017 г.

**Рецензия на монографию Х.В. Дзуцева
«Этносоциологический портрет республик
Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации»**

Осипов В.Г. Этносоциальный портрет Северного Кавказа

Профессор Хасан Владимирович Дзуцев – признанный специалист в области социологии, ведущий социолог Северо-Кавказского региона, чье научное творчество отмечено серебряной медалью имени Питирима Сорокина, премией им. И.Г. Петровского за лучшие научно-педагогические работы. Он является автором 29 монографических исследований и более 300 научных работ. В декабре 2012 года в Москве, в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), была издана монография Х.В. Дзуцева «Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации» (734 с.), в основе которой лежит фундаментальный научный труд по широкому спектру социальных проблем современного Северного Кавказа, рассмотренных сквозь призму общественного мнения региона. Актуальность исследования обусловлена в первую очередь остротой социальной и этнической напряженности, возникшей в Северо-Кавказском регионе в постсоветское время и угрожающей политической стабильности как на Северном Кавказе, так и в Российской Федерации в целом.

Фундаментальная научная проблема данной монографии заключается в том, что этнические образования выступают объектами специальной социологической теории и эмпирических исследований. Реальная социальная дифференциация, различия между этносами в республиках СКФО затусhevывались, оставались скрытыми процессы социокультурных изменений в пределах каждой республики, что могло быть основой межэтнической напряженности в 80–90 гг. XX века. Общая либерализация в стране расширила влияние этносоциального фактора на различные стороны жизни общества, особенно на их политическое обустройство, связанное с всплеском суверенизации после распада СССР. Высокая степень актуализации этносоциологических исследований стала характерной чертой современ-

ного этапа исследований процессов развития республик СКФО.

Социально-экономические и политические изменения, процессы социальной трансформации, происшедшие в Российской Федерации и ближнем зарубежье на стыке веков, во многом способствовали возникновению на этом пространстве нестабильности, противоречивой социальной обстановки. К числу таких изменений относится формирование новых социально-экономических отношений, политической системы и социальной структуры, форм и методов социального управления и регулирования, взаимодействия между государственными и общественными институтами. Качественно иные черты приобретают такие факторы социального развития, как хозяйственная деятельность, мировоззренческие ориентации, жизненные ценности населения региона.

Социальные преобразования затронули все сферы общественного бытия, коснулись разных сторон жизнедеятельности людей, образа жизни, их социального самочувствия, различных аспектов национальной безопасности, социальной защиты, этнополитической мобилизации.

В постсоветское время источником социальной и этнической напряженности стали регионы Северного Кавказа, что является угрозой разрушения политической стабильности как в отдельных регионах Российской Федерации, так и за их пределами.

Крайняя ограниченность научных знаний о подлинных причинах возникновения и сохранения кризисной ситуации в регионе повышает значимость исследований, позволяющих выявить истинную природу конфликтогенных факторов, понимание которых может создать предпосылки для конструктивного воздействия на общую этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, причем воздействия, осуществляемого как официальными властными структурами, так и гражданскими организациями, деятельность которых направлена на пре-

одоление межэтнических и социальных конфликтов. Таким образом, актуальность исследования определяется не только сугубо академическим интересом, но и практическими соображениями о необходимости разработки и реализации концепции государственной национальной политики, адекватной современным задачам модернизационного развития Северного Кавказа, с одной стороны, и сохранения в регионе социально-политической стабильности – с другой.

Представляемая монография является результатом широкомасштабного этносоциологического исследования, проведенного Х.В. Дзудцевым в республиках Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г. По новизне постановки научной проблемы, формулировке исследовательских задач, полноте полученной информации, методике и методологии исследования, синтезирующей разные исследовательские парадигмы, существующие в современной социологии, данная монография заметно отличается от всего массива публикаций по этносоциологической проблематике, исследуемой на северокавказском материале.

Основная теоретическая предпосылка исследования заключается в признании этносоциальной установки как изменчивого социального конструкта, определяющего специфику восприятия индивидом социальных норм и смыслов, отношение субъекта к миру ценностей, сформированного под воздействием этнического самосознания и групповой идентичности. Исследование факторов, определяющих процессы формирования и изменения этносоциальных установок различных этнических общностей Северного Кавказа, может создать предпосылки для их позитивной трансформации. Изучение возможных путей преодоления этнической и социальной напряженности должно, по мнению автора, опираться на анализ существующих этносоциальных установок, сложившихся в сознании различных групп

населения региона (автохтонных, русских и русскоязычных) с тем, чтобы определить наиболее оптимальные механизмы решения внутренних социальных проблем региона.

Исследование строится по нескольким направлениям: политическая и социально-экономическая ситуация в республиках СКФО РФ; общественное мнение о деятельности государственной власти республик СКФО РФ; социальные, религиозные и межнациональные установки населения республик СКФО РФ, социальная адаптация населения республик СКФО РФ.

На современном этапе перед управленческой элитой республик СКФО стоит задача изменения сложной социальной ситуации, при которой стали приемлемыми различного рода средства авторитета, воли, права, принуждения, а также поиск дополнительных ресурсов. Механизм осуществления принимаемых решений требует взаимодействия социума и власти. Автор подробно рассматривает наиболее актуальные факторы, способствующие эффективному социально-экономическому развитию республик Северного Кавказа и их слиянию в единый экономический организм, наиболее значимые проблемы, ведущие к дисфункции власти, а также основные причины низкой эффективности работы властных структур, что стало возможным при отсутствии должного контроля со стороны федеральной власти и гражданских институтов.

В книге представлен содержательный анализ религиозных ценностей населения региона и обосновано их влияние как на взаимодействие субъектов внутри религиозных и этнических групп, так и на межгрупповые отношения. Выявлен характер отношения населения к таким важным вопросам, как религия и власть, дан прогноз будущего развития религиозной ситуации в регионе. Автор анализирует социальные установки населения региона, определяющие социальное и экономическое поведение индивидов, с одной стороны, и подверженные влиянию модернизационных про-

цессов – с другой. Он аргументированно доказывает, что длительное ожидание решения отложенных проблем в социально-экономической жизни социума является весьма опасным сценарием для его развития.

В своих оценках рецензенты, представители Российского фонда фундаментальных исследований, отмечали следующее. Ценность представленной к изданию работы трудно переоценить. Достаточно сказать, что речь идет о Северном Кавказе, о социополитической, экономической обстановке, сложившейся там. Важно и то, что работа выполнена в добрых традициях социологического проекта и является по сути позитивистской работой. Во всяком случае анализ ситуации и выводы основаны на многочисленных социологических исследованиях выполненных в традициях научности ИСПИ РАН.

Монографию следует показать политической элите и деятелям культуры, снимающим фильмы и пишущим тексты (как правило, глупые и спекулятивные) о «лицах кавказской национальности». Она нуждается в добротной рекламе. Второй рецензент отметил, что автор – признанный специалист по проблемам Северного Кавказа – создал содержательный и остроактуальный текст о происходящих в этом регионе общественных процессах. Его монография – своевременное и теоретически глубоко обоснованное предупреждение как широкой общественности, так и российской власти о надвигающейся опасности для территориальной целостности страны.

Таким образом, монография Х.В. Дзуцева «Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации» является, несомненно, актуальным научным трудом, представляющим своевременное и теоретически глубоко обоснованное предупреждение как широкой общественности, так и государственной власти об опасности развития центробежных тенденций, угрожающих политической стабильности Российского государства.

Наши авторы

- Андреевкова** Анна Владимировна - кандидат политических наук, заместитель директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)
- Апалькова** Ольга Владимировна – студентка, Юго-Западный государственный университет. sachok_energizer@mail.ru
- Афанасьев** Валерий Владимирович - доктор политических наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Бондарев** Валерий Петрович - кандидат географических наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. valery_bondarev@mail.ru;
- Борисова** Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Института социальных наук Иркутского государственного университета. borisovaylia@bk.ru
- Грачиков** Евгений Николаевич - кандидат политических наук, заместитель декана социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. egrachikov@gmail.com
- Дзуцев** Хасан Владимирович - доктор социологических наук, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН
- Завьялов** Андрей Владимирович – аспирант, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет. zavialovandrijko@yandex.ru
- Иванова** Виктория Анатольевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и билингвального образования Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (НовГУ). vikaivanova2008@gmail.com
- Кирилюк** Ольга Вячеславовна - социолог-специалист. orangelemontwist@gmail.com;
- Кравченко** Кирилл Альбертович – доктор экономических наук, профессор, генеральный директор NIS (Нови Сад, Сербия), заместитель генерального директора «Газпром нефти». Kravchenko.KA@gazprom-neft.ru
- Михайлец** Дарья Ивановна – студент, ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». dasha15005@mail.ru
- Осипов** Геннадий Васильевич – доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), президент Российской академии социальных наук (РАСН), Москва, e-mail: osipov@ispr.ras.ru
- Сизинцев Павел Васильевич** – аспирант, Московская Духовная Академия, sizinpash@yandex.ru.
- Станевич** Анастасия Юрьевна – студентка, Московский государственный лингвистический университет. lluviaconsol1@gmail.com
- Судьин** Сергей Александрович - кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. sudjin@mail.ru
- Терещенко** Анастасия Андреевна – студентка, Южный Федеральный Университет. TereshenkoAnastasia@yandex.ru
- Тремасова** Екатерина Андреевна - студентка НИУ РАНХИГС. tremaska@bk.ru
- Трескин** Петр Андреевич – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Института социальных наук Иркутского государственного университета. treskin-ne@ya.ru
- Чернышева** Любовь Алексеевна – студентка, Санкт-Петербургский Государственный Университет. l.a.chernysheva@gmail.com
- Шакурова** Анна Васильевна – кандидат социологических наук, доцент каф. психологии управления факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). anvash72@gmail.com

